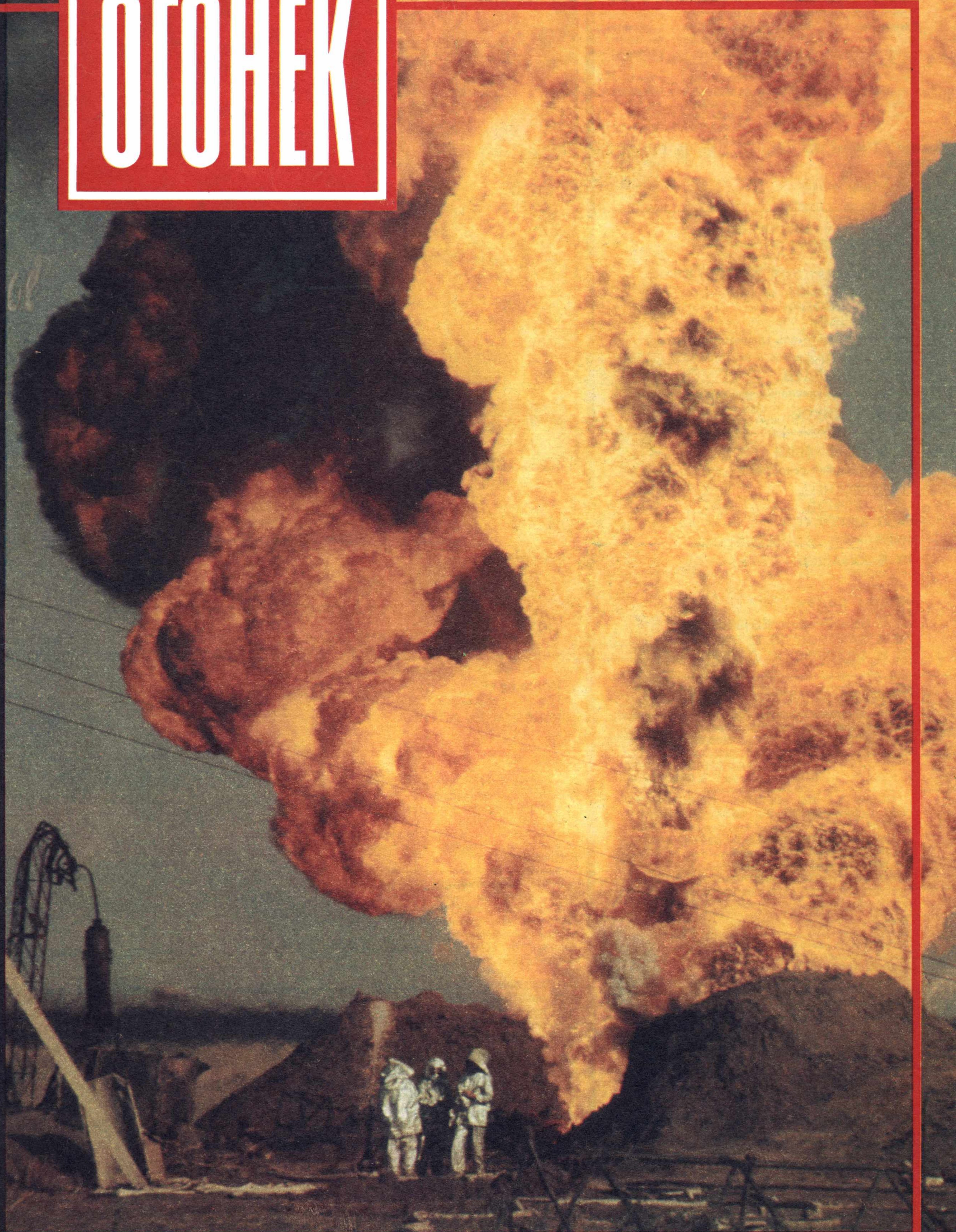
ISSN 0131–0097
АВГУСТ № 34 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ИЗ ИСКРЫ...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 34 (3344)

17 — 24 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Пожар на газовой скважине. (См. в номере материал «...Шагнуть в огонь».)

Фото Юрия ЛУШИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 29.07.91. Подписано к печати 13.08.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 741. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРОСТО ЖИЗНЬ...

ПОПЫТКА БЕСПРИСТРАСТНОЙ ПРОГУЛКИ ПО ЕРЕВАНУ

Геворк МАРТИРОСЯН, собственный корреспондент «Огонька»
Фото Владимира МАШАТИНА

1

Телефон этим летом выдает веселые, но странные звонки.

Друг из Риги интересуется: есть ли в Ереване водка?

Супружеская чета из Киева тактично выясняет: не стреляют ли в Ереване в туристов?

Знакомые москвичи просят выслать местные газеты: что-то центральная пресса вновь замалчивает Армению.

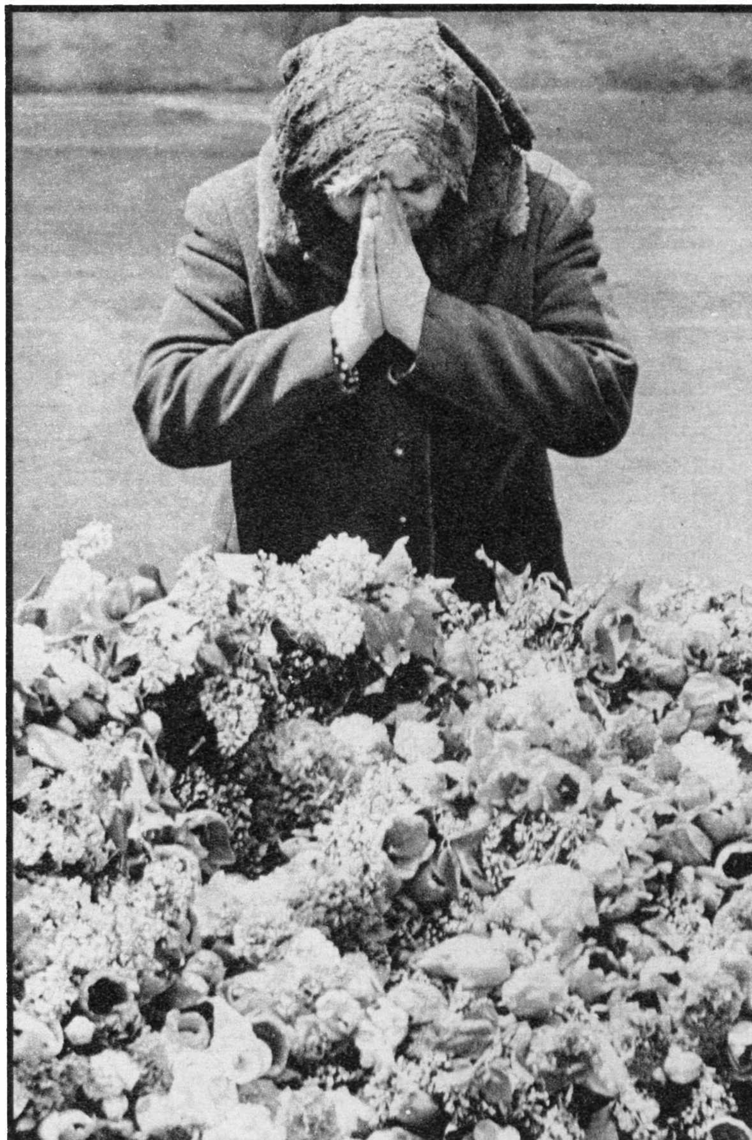
А вот мой коллега, польский журналист, серьезно обеспокоен проблемой смешанных браков: верно ли, спрашивает он, что армянским девушкам запрещено выходить замуж за иностранцев?

Из Херсона звонят: «Это правда, что в Ереване приватизированы все предприятия службы быта, а Шарль Азнавур скупил оптом городские бани и парикмахерские?»

Спрашивают о погоде, о последних анекдотах армянского радио и количестве женщин в республиканском парламенте. Спрашивают об армянских боевиках: верно ли, что готовят их где-то за рубежом, а затем засылают в Армению?

Вот какие звонки случаются летом. И я, набравшись терпения, отвечаю Риге, Киеву, Москве, Херсону...

Дорогой Саша! Водка в Ереване не перевелась (тьфу, не сглазить бы!). Она

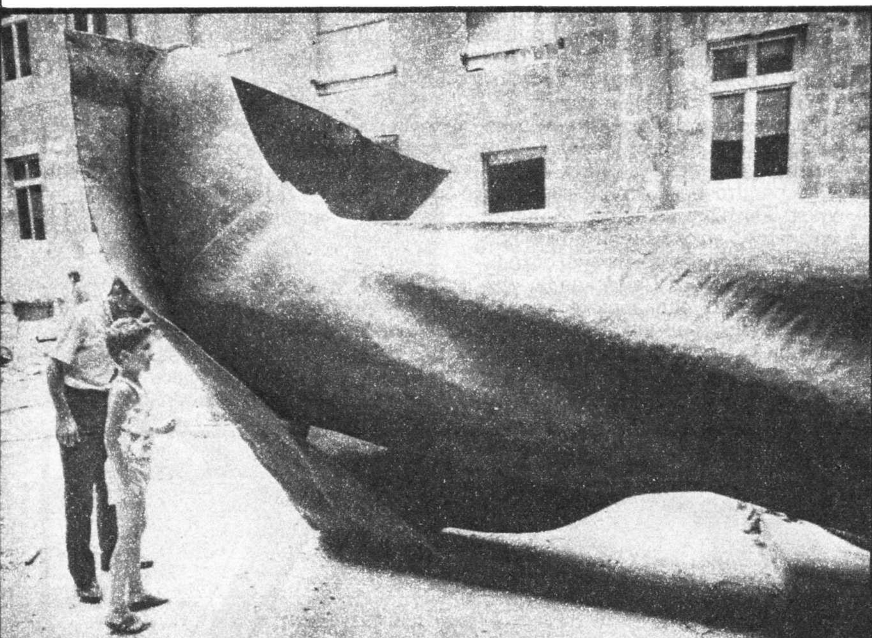
у нас по-прежнему без талонов и лихих очередей. Приезжай! Лучше с закуской.

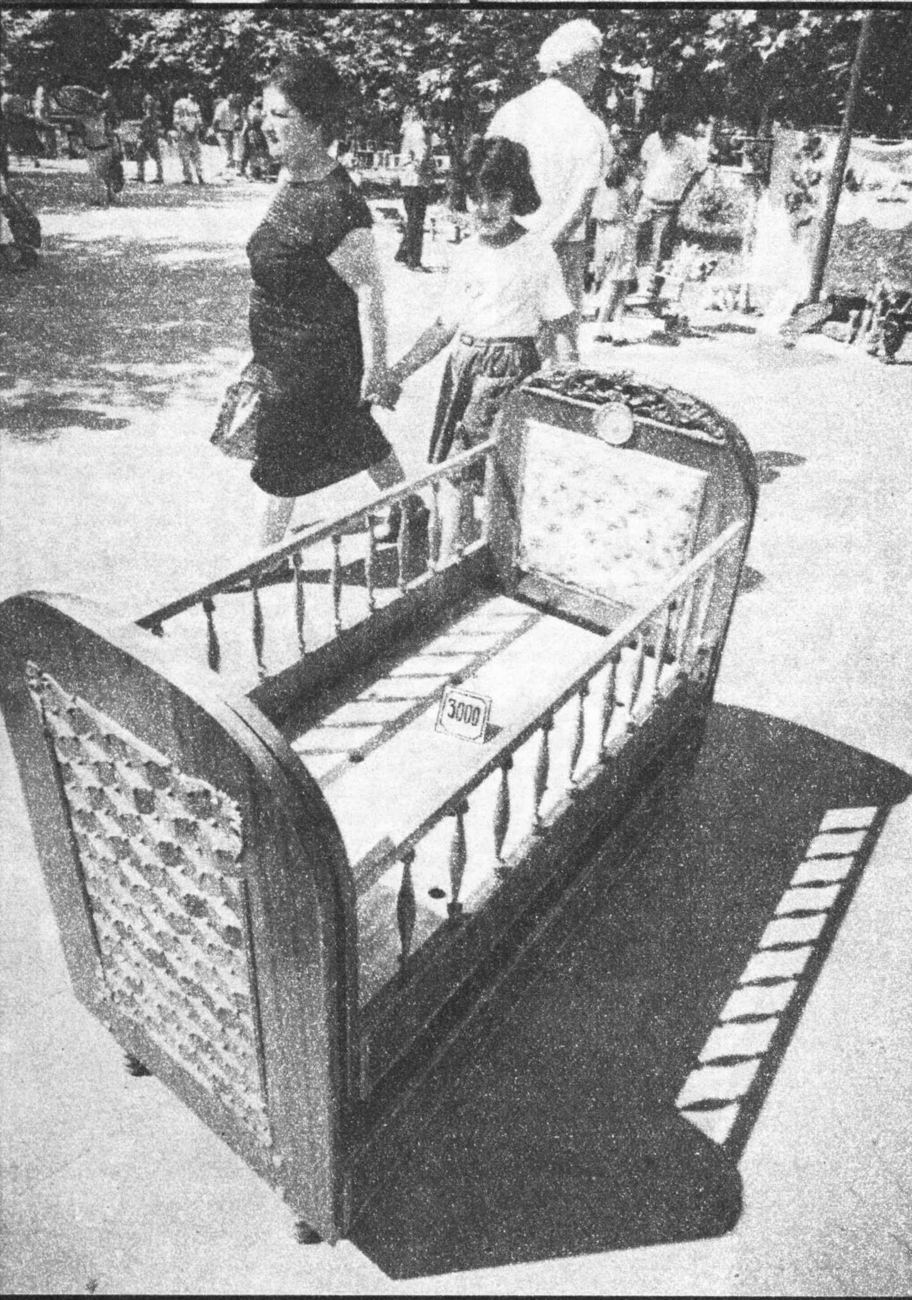
Достопочтимые супруги! В Ереване в туристов не стреляют. Здесь вообще не стреляют, разве что в тирах. Стреляют еще в НКАО и в приграничных с Азербайджаном районах. Стреляют в основном в мирных жителей. Но туристов туда не возят. А Ереван по-прежнему с удовольствием принимает гостей. Так что приезжайте, милости просим!

Почему центральная пресса мало пишет про Армению? Удивляюсь вашей наивности, друзья! В республике нет комитета национального спасения, нет интерфронта и прочих атрибутов раскола. О чем же писать и что показывать? Скучно!

Алло, Ви́тек, дорогой варшавский сердцеед! Армянские девушки просят передать, что суровый брачный закон непременно будет принят, если все иностранные женихи окажутся столь же легковерными, как ты. Такого закона пока нет. Приезжай!

И так почти ежедневно. Что-то сломалось, наверное, в информационной цепочке выпало какое-то звено. Иначе откуда такое количество диких вопросов, на которые серьезно ответить невозможно, а не отвечать нельзя?

Но, стоп, может, они мне, ереванцу, кажутся дикими, а за ними все-таки кроется какой-либо потаенный, неведомый мне смысл? И тогда я решил пройтись по улицам моего города, напитаться впечатлениями, вслушаться в пеструю многоголосицу его площадей и скверов, как это делают туристы во всех странах. И может быть, после этого начну задавать странные вопросы самому себе?

С чего начнем нашу прогулку? Конечно же, с центра.

2

На бывшем проспекте Ленина — ныне проспект Месропа Маштоца — разбит небольшой скверик с белокаменным Сарьяном посредине. Сегодня воскресенье, здесь столпотворение.

По народным приметам нынешних дней, большое скопление людей — это или несанкционированный митинг оппозиции, или госторговля яйцами по старым ценам. Ошибиться может гость, но я-то знаю, что здесь такое. В скверике собираются художники — и стар и млад, и профессионалы, и те, кто считает себя таковым: показать публике свои работы на предмет выгодной продажи.

Пришел, посмотрел, выбрал, поторговался — и неси домой или охрадышащий пейзаж с видом на Арарат, или буйную игру фантазии местного приверженца кубизма, или, скажем, обнаженную натуру с зовущим блеском бесстыдных глаз. Кому что!

Признаюсь, меня всегда интересовало: неужели кто-то может приобрести монументальное полотно сомнительной художественной ценности в помпезной золоченой раме? Как, скажем, это. Полногрудая красавица, с кокетливой тряпицей на бедрах, неловко возлежит у домашнего бассейна с золотыми рыбками и задумчиво гладит по шерсти то ли тигра, то ли льва. В узком оконном проеме — далекие снега и крутая тропка, по которой целеустремленно карабкаются еще три хищника неизвестной породы. Тоже, видимо, к бассейну, тоже под ласковую руку...

Удовлетворить свое любопытство у авторов подобных шедевров, сами понимаете, не совсем удобно. Однако их неунывающий вид убеждает меня в том, что пышногрудые красавицы, ласкающие зверей или рвущие им пасти, ждущие своих возлюбленных у бассейна или в полной боевой готовности на ложе любви, имеют стабильный, к тому же нехудо обеспеченный круг почитателей.

Но Бог с ними, с этими неутоленными женщинами! Может, грядущие поколения еще найдут их шедеврами, а мне, чего доброго, зачтут задним числом невежество...

Зато сколько кругом истинного искусства!

Вот мастерски исполненные поделки из дерева, металла, кости... Вот сказочное панно из сушеных цветов: на черном фоне в небольшой рамке пылает всеми цветами радуги вечно живой букет. Рядом демонстрирует свое искусство чеканщик. Солнце плавится на пузатых боках медной утвари. С ним соперничает искусный камнерез: его миниатюрные стилизации армянских хачкаров из красного, белого, черного туфа схожи с тончайшей ажурной вышивкой...

Шумит, бурлит скверик Сарьяна. Искусство кисти и резца на равных соперничает здесь с искусством коммерции.

3

Если вы не приезжали в Ереван последние три года, то вам сразу же бросится в глаза обилие новых коммерческих магазинов, частных комиссионных салонов, ресторанов, баров, кафе.

Проспект Месропа Маштоца и отходящие от него улицы, равно и как весь центр Еревана, буквально усыпаны приватными торговыми точками — верными приметами надвигающегося рынка и прогрессирующей импотенции рубля.

Располагаются они в основном в подвальных этажах жилых зданий, некогда запущенных и захламленных. А нынче в эти подвалы-магазины, мимо чугунных кружев и облицовочных плит из отшлифованного фельзита, ведут гранитные ступеньки с элегантными деревянными поручнями... А внутри — ни дать ни взять — нью-йоркский «шоп». Не меньше!

Большинство этих магазинов зазывают клиентов неоновыми вывесками с именами своих владельцев. Некоторые выдают склонность хозяев к масштабному мышлению: «Эффект», «Мираж», «Мечта»... Но все «комки» как две капли воды схожи по ассортименту: импортные видео-, аудио- и оргтехника, импортная парфюмерия, импортные шмотки и прочий ярко упакованный де-

фицит, о существовании которого многие из нас и не подозревали...

Есть деньги — заходи! Нет денег — тоже заходи. За посмотреть здесь платы не берут.

А смотреть есть на что. Вот, к примеру, презервативы — на любой, как говорится, вкус. По этим симпатичным пакетикам можно стать отличником по географии. Можно приобрести и крышку от унитаза — всего за какие-то 3 тысячи с хвостиком. Да, но ведь крышка-то не со знаком качества нашего измотанного сантехсервиса, а сработана в самих Соединенных Штатах. А там, сами понимаете, толк в унитазах знают.

А крышка действительно дорогого стоит: и цветочки на ней симпатичные, и утеплитель есть специальный — из губки, наверное.

Впрочем, хватит. Я не собираюсь бесплатно рекламировать деятельность пионеров отечественного бизнеса. А если кто интересуется, пусть приезжает в Ереван — сам все увидит. Скажу лишь, что ереванцы — люди со здоровым чувством юмора, и они с должной симпатией относятся к своим «комкам»: ведь что ни говори, а после знакомства с тамошними ценами уж никакая павловская реформа не страшна.

Мы можем смеяться, можем негодовать, можем восклицать праведные и неправедные слова, но давайте согласимся, что кооперативы живут, здравствуют и незаметно для нас пустили прочные корни.

Сегодня уже трудно представить Ереван, скажем, без частных ресторанчиков, где можно отведать позабытые блюда армянской кухни, выпить стаканчик терпкого аштаракского вина...

Кооперативы оказывают квалифицированные медицинские услуги, изготовляют мебель, помогают найти спутника жизни и постричь собаку... С их помощью можно обучиться иностранным языкам и согнать лишний вес, съездить в Грецию и заняться йогой.

На 1 января 1991 года в Армении действовали 10 144 кооператива, в которых, согласно официальным данным, трудятся 181 тысяча работников. Кооперативная индустрия республики реализовала за прошлый год продукции (услуг) более чем на 1 миллиард 322 миллиона 671 тысячу рублей. 696 миллионов из этой суммы ушло на производство товаров народного потребления. Без сомнения, 1991-й перекроет эти показатели.

Пока призрак коммунизма беспечно бродил по нашей стране, деловые люди Армении решили вновь перечитать Маркса и особенно тщательно его закон о прибавочной стоимости. Но на этот раз без идеологических догм. И не без пользы для себя.

4

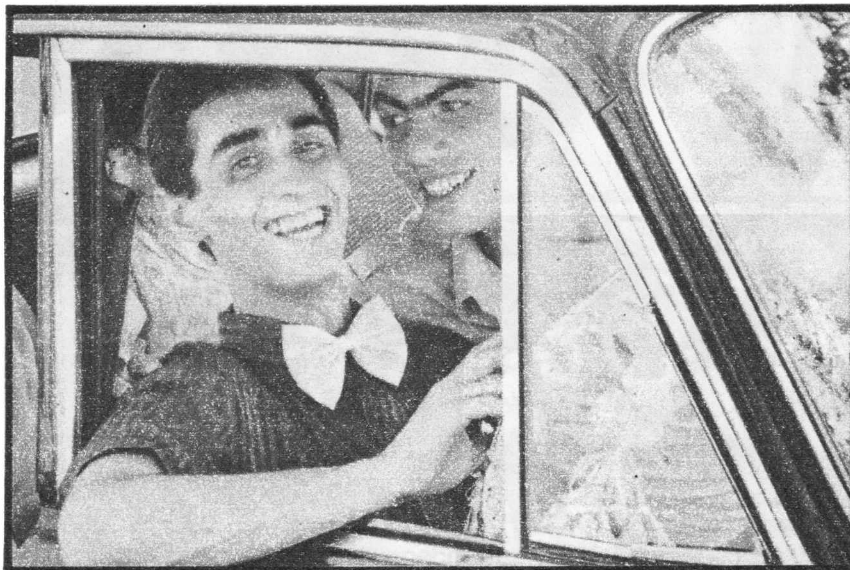
Рынки — самый точный барометр состояния экономики и политической стабильности. Не надо быть одним из авторов программы «500 дней», чтобы почувствовать на наших рынках опасный уровень аритмии сложного организма государственного сектора. Об этом говорят и мясные ряды, где цены, как на аукционе, взлетают все выше и выше. И рекордная стоимость аппетитно пахнущей бастурмы — семьдесят рублей за килограмм, и втрое-вчетверо подорожавший лаваш... Компенсацией, увы, сыт не будешь!

Ах, рынок, рынок! Какие остросюжетные фильмы можно здесь снимать — о человеческих страстях и уже решенной продовольственной проблеме. Прокрути такой ролик где-нибудь в северных широтах — и, глядишь, поверит доверчивый гренландец, что коммунизм никакая там не химера...

В Ереване около десяти рынков. Крытых и открытых. Одинаково шумных. Зелено-желтых. Ароматных. Дорогих. И никогда не скудеющих. Стоит побывать на одном из них, как тут же возникает куча различных вопросов. Почему, скажем, во всех адресных книгах эти рынки именуются колхозными? С каких это пор, дорогие граждане покупатели, изобилие рыночной скатерти-самобранки создается в трижды горемычных коллективных хозяйствах? И с каких это пор в наших колхозах научились не только выращивать прямо-таки выставочные овощи и фрукты, но и сохранять их супертоварный вид чуть ли не круглый год?

Нет, уважаемые господа гренландцы, рынки по справедливости должны называться не колхозными, а как-то иначе. Ну, скажем, по имени тех, кто на клочках собственной земли творит чудеса, которые и Мичурину не снились. Хотя, пожалуй, одному из рынков я бы оставил старое название, но с условием: здесь будут продаваться только и только дары колхозных полей. Тоже занятный ролик может получиться. И не только для северных широт...

Зато в плане межнациональных отношений на рынке полный порядок. Вот молчаливый житель грузинских субтропиков сосредоточенно строит пирамиду из спело-желтых цитрусов. Колдуют над мешками с урюком и янтарной россыпью бескосточкового изюма обходительные торговцы из Самарканда, удивительно быстро овладевшие необходимым минимумом армянского. У чанов с квашеной капустой и различными соленьями хозяйничают бойкие русские красавицы из молоканских сел...

После унылых магазинных прилавков ереванские рынки, что бальзам для голодных глаз. Лишь бы деньги были да авоська покрепче.

Мастера скороспелых огурцов и крутозасоленных арбузов утверждают, что сегодня на рынке есть все, но завтра будет еще больше. И дешевле. Земля ведь возвращена крестьянам! Этот, без преувеличения, исторический акт армянского парламента дал наконец хозяина всей земле, а не только небольшим лоскуткам частных угодий, кормящих сегодня чуть ли не всю республику.

Дайте только обработать эту землю да напоить ее досыта — тогда и приходите на ереванские рынки. Что вам тогда царский стол!

5

Тема приватизации сегодня занимает всех. Вслед за землей из государственных рук в частные переходят торговые объекты различного профиля: продовольственные, промышленных товаров, хозяйственные магазины, парикмахерские... В Ереване состоялось четыре аукциона, выявивших на зависть многим немало состоятельных людей. Объекты, купленные за миллион и выше, уже не поражают воображение.

На последнем аукционе сумма за проданные объекты составила 4 миллиона 225 тысяч рублей. За 140 тысяч «ушла» в частные руки парикмахерская, за 870 тысяч — продовольственный магазин на улице Киевян. А вот торги магазина хозкультторга на улице Фурманова стали главным событием аукциона. Стартовая цена — 740 тысяч рублей. Желающие приобрести эту торговую точку все взвинчивали и взвинчивали цену: 760 тысяч, 780, 860, 920, миллион рублей... Магазин в итоге был продан за 1 миллион 680 тысяч.

Приватизация стремительно набирает темп. Недалек день, когда с молотка пойдут не только магазины и парикмахерские, но и небольшие фабрики, заводы, другое государственное имущество. И хотя слух о покупке Шарлем Азнавуром ереванских бань и парикмахерских, мягко говоря, не соответствует действительности, тем не менее уже очень скоро бизнес армянской диаспоры сможет влиться в ряды доморощенных предпринимателей. Может, тогда кому-то с Бродвея и приглянутся ереванские бани?

Если вам повезет и в дни вашего пребывания в Ереване будет проходить такой аукцион, обязательно зайдите — не пожалеете. Страсти — шекспировские. Цены — астрономические. Покупатели — настоящие.

6

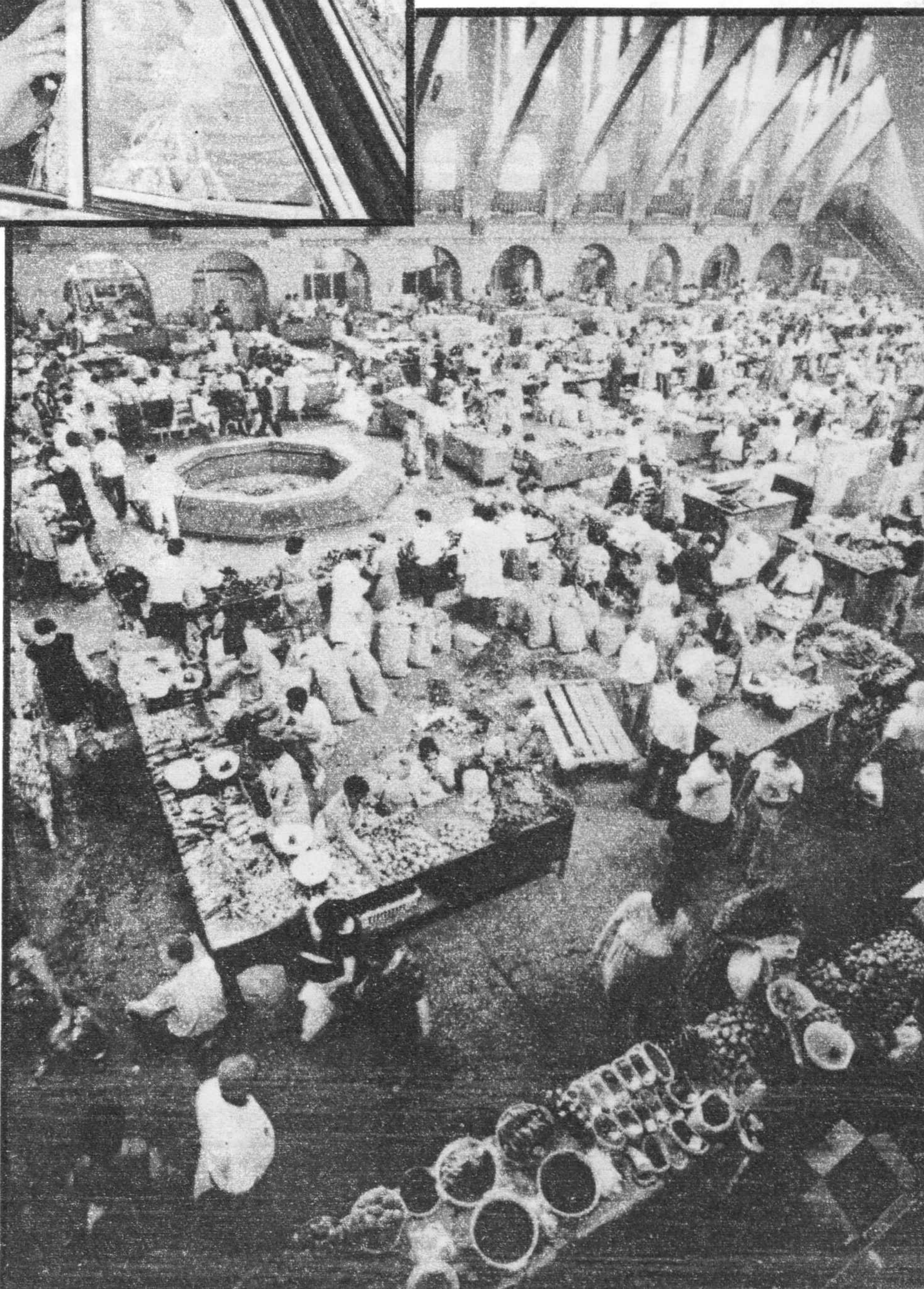
После толкотни в торговых точках лучше всего пройтись пешком. Хотя бы на центральную площадь города, которая с недавних пор носит название Республики. Еще весной здесь стоял памятник Ленину великолепной работы скульптора Меркурова.

Эта часть города неизменно вызывает восхищение туристов: поющие фонтаны, стремительный бег улиц, плавно вписывающихся в кольцо площади. Хоровод величественных зданий из красного туфа... И скульптура была хороша: недаром считалась одной из лучших в стране. Но политические страсти взяли верх над эстетикой. Бронзовый Ленин, десятилетиями взирающий на соцусилия тружеников Армении, демонтирован согласно решению сессии городского Совета. Сейчас здесь голый постамент. Скульптуру убрали на задний дворик одного из ереванских музеев, где она вдали от людских глаз мирно соседствует с изваянием Екатерины Великой. В Ереване прошел слушок, что скульптуру Ленина якобы собираются купить какие-то иностранцы. Но пока что заморские купцы что-то не спешат в Ереван за Лениным.

Война памятникам началась не в Армении. В последнее время подобные акты были совершены в различных регионах страны, да и в странах, максимально приближенных к нам по идеологии. Жертвами этой войны в Ереване стали памятники Степану Шаумяну и Александру Мясникяну. Они были залеплены краской и долгое время служили потехой беспечным туристам, которым лучшего фона для фотоснимков и искать не надо было. Жаль, что никто не догадался брать с них пошлину за эти снимки. Какой-никакой, а доход в городскую казну.

Со своего пьедестала в городском парке тихо, без суеты исчез памятник Кирову. А еще раньше оголился и другой постамент — с бюстом Чехова. Если с первым более или менее ясно, то за что Антона Павловича — клянусь, не знаю. Правда, злые языки утверждают, что, дескать, произошла ошибка, спутали Чехова с... Феликсом Эдмундовичем... Если б только так...

Население, измученное политиче-

ским плюрализмом, на сей раз проявило завидное одномнение: подобные деяния не красят армянский народ. На оставшиеся памятники прежних эпох никто пока не покушается.

7

Отшумели митинговые бури, ушли забастовочные дни и массовые голодовки на площади Свободы. Но политическая активность ереванцев не спала.

С утра оккупируются газетные киоски, где ошалевшие от напряжения продавцы изо всех сил стараются сохранить нейтралитет относительно политических взглядов как покупателей, так и предлагаемых им изданий. В очереди ведь все равны: и коммунисты, и дашнаки, и христианские демократы, и ни в черта не верящие.

Газеты просмотрены. Теперь можно обменяться мнениями. Ереванцы любят это делать за чашкой кофе или в своеобразном Гайд-парке, у театра Сундукяна. На худой конец можно высказаться и в переполненном трамвае — обстановка, так сказать, располагает к откровенности. Вот уж где больше всего попадает иным политическим деятелям, вот где доподлинно можно узнать, грядет ли новая реформа цен и что мешает решению карабахской проблемы... Академия политического ликбеза — вот что такое городской транспорт!

Каждый второй анекдот, услышанный в Ереване, политический. Каждая вторая фраза на заборе — тоже, извините, не из области полового воспитания подростков...

И лишь добросовестно проштудировав десяток газет, переварив крутые анекдоты и богатую фольклористику, поостыв, наконец, от трамвайно-троллейбусных политтусовок, можно в какой-то мере почувствовать мир забот и тревог ереванцев.

Их волнует судьба НПО «Наирит», закрытого больше года назад под мощным давлением митингового пресса. Листовки с короткой как выстрел фразой «Нет — «Наириту»!» до сих пор встречаются в городе, напоминая о тех днях, когда тысячи ереванцев требовали остановки экологически вредного производства.

И вот «Наирит», монопольный производитель хлоропренового каучука и латекса в СССР, вновь в центре внимания. Парламент республики после бурных дебатов принял решение о его повторном пуске.

Может, и не имела бы эта история столь широкого резонанса, учитывая даже незавидное экономическое состояние республики, если бы не одно обстоятельство. Инициатором столь неожиданного шага выступили политические силы, в свое время добившиеся закрытия «Наирита».

Сейчас не место анализу этой экономической проблемы с этическим оттенком. В конце концов интересы республики превыше всего. И если без «Наирита» нам не прожить, то пусть «Наирит» работает, но под жестким экологическим контролем.

А у меня перед глазами один из рабочих этого многотысячного коллектива. Пожилой человек, оказавшийся безработным не по своей воле. Вернется ли он снова в объединение, поймет ли и простит политиков, столь круто изменивших его жизнь?

8

Лето нынче выдалось жаркое. В городе появилось множество лоточников, торгующих баночным пивом всех сортов. Но утолить жажду может не каждый — цена кусается. И вообще нынешняя дороговизна болезненно сказалась на большинстве ереванцев, особенно на интеллигенции, которая никогда не отличалась даром предпринимательства.

Как жить? Как прокормить детей? Вопросы, увы, далеко не праздные. Их сегодня задает большинство горожан.

У моих знакомых растут двое детей. Оба школьники. А всего в семье пятеро — бабушка, отец с матерью и дети. По старым меркам месячный бюджет этой семьи, включая компенсацию, выше среднего: около шестисот рублей. А на деле?

Один поход на рынок обходится этой семье в 100 рублей. Это полтора килограмма мяса по 25—30 рублей, килограмм сыра по 20—25, овощи по 4—8 рублей, фрукты по 5—7 рублей. И это в разгар урожайного лета! А еще картошка по 4 рубля, зелень, лук... Словом, самое необходимое и в самых разумных количествах. Провизии этой хватает семье на полнедели. И холодильник снова пуст. А ведь еще детей приодеть, квартиру отремонтировать, кинескоп в телевизоре заменить — да мало ли трат в семье. Что делать? Математик с кандидатской степенью стал шить брюки. А супруга математика перешла на режим строжайшей экономии. Как говорится, хочешь продержаться, не приглашай гостей и переходи на строгую диету.

Семья эта не на грани нищеты, вполне благополучная по нашим меркам. Есть ведь гораздо более неблагополучные, где вопрос, есть или не есть, приобрел уже далеко не философский смысл.

Я понимаю, что экономические проблемы ереванцев с малым или средним достатком не Бог весть какая сенсация. Так же бедствуют сегодня и в России, и в Белоруссии, и на Украине... Экономический кризис больнее всего ударил по неимущим, социально незащищенным слоям. И рассказал я об этом еще и потому, что очередному абоненту не пришло в голову спросить у меня посреди ночи: верно ли, что ереванцы после ароматной толмы любят поесть на десерт ананасы?

9

Как бы тяжело ни приходилось сегодня простым ереванцам, я все же берусь утверждать, что проблемой номер один для всех армян остается вопрос Нагорного Карабаха. Точнее, последствия этой кровоточащей проблемы. Хотите вы этого или нет, но в Ереване об этом говорят всюду. Насильственная депортация армянского населения Арцаха, вооруженные стычки на армяно-азербайджанской границе переросли в самую настоящую войну с применением тяжелой боевой техники. Пора честно сказать, что за три года противостояния двух соседних республик центральным властям не только не удалось помирить два народа, найти хоть какой-нибудь выход из карабахского тупика, а наоборот — центр еще более усугубил эту конфронтацию.

В конфликт ввязались внутренние войска МВД СССР и Советской Армии. Вместе с азербайджанским ОМОНом они якобы выкуривают из армянских деревень боевиков. Но на деле страдают ни в чем не повинные люди, среди которых старики и дети. Что-то не удается им показать миру хоть одного боевика, а число жертв растет с каждым днем. В НКАО, Геташене и Мартунашене погиб уже 41 человек, ранено 70. Взяты в заложники 335 мирных жителей, из которых освобождены 189 человек. Трое заложников замучены до смерти в азербайджанских тюрьмах. Двадцать населенных пунктов полностью опустошены — депортировано около 5 тысяч граждан армянской национальности.

Вследствие массовых обстрелов в приграничных с Азербайджаном районах Армении с конца апреля нынешнего года погибло 35, ранено 44 человека. Взяты в заложники более 60 сотрудников Министерства внутренних дел, десятки депутатов местных Советов. Боюсь, что, пока эти строчки дойдут до читателя, цифры возрастут...

А потом мы удивляемся, что где-то в Армении совершено нападение, захвачено оружие. Зло всегда порождает зло. Если кто-то угрожает твоему дому, то дом надо защитить.

Я ни в коей мере не оправдываю насилия. Я вообще против насилия. Но если центру кажется, что карательными акциями можно вразумить армян, вернуть их в лоно обновленного Союза, то это недальновидная политика. Будет лишь больше сирот. И кто-то еще встанет на защиту своего разрушенного дома. Встанет с охотничьим ружьем, чтоб кто-то назвал его потом боевиком. А кто-то наивный спросил: это правда, что их готовят за рубежом, а затем засылают в Армению?

Нет, пора остановиться. Пора оглянуться. Пора покончить с эскалацией напряженности, политическими интригами. Кровь людская — слишком высокая цена за ошибки национальной политики. Ошибки, из которых, сдается мне, никто не спешит делать выводы.

Не хотелось бы на такой невеселой ноте кончать наше путешествие по Еревану. Поистине, начал за здравие, а кончил... Но именно так сегодня живут Ереван и вся Армения: в радости и горе, с юмором и каждодневными заботами.

Я благодарен своим абонентам. Эта прогулка помогла и мне: я в чем-то поновому взглянул на свой город, на знакомые лица ереванцев, на нашу жизнь.

10

Еще один поздний звонок. Из Лос-Анджелеса. Это друг мой школьных лет. Недавно переехал в Штаты. Устроился, работает, хлопочет о водительских правах. Очень ловко говорит «о'кэй».

— Как ты?

— Нормально.

— Что нового в Ереване?

— Лето. Масла дают по четыреста граммов. «Арарат» снова выиграл... Говорят, в банках свободно будут продавать доллары. Накоплю и приеду в гости... Что? Повтори.

— Ты вчера где кофе пил?

— Как где, в «Козырьке».

— Эх ты, а говоришь, масла по четыреста граммов дают... Да я бы сейчас от хлеба отказался, лишь бы в Ереване очутиться, в «Козырьке»...

Ереван.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Сейчас свободу получили «демократы», торговцы, биржевики, меценаты, рожденные господской перестройкой, попы, проститутки, гомосексуалисты. Прикрылись законами. Но скоро придет время, когда поговорим с вами с позиции «товарища маузера».

Р. И. ИВАННИКОВ
Краснодар

Недавно распрощался со службой в Германии и сразу же почувствовал холодок от горячо любимой Родины. Немцы, в прошлом наши враги, никогда не называли меня оккупантом. А здесь полковники мне советуют не ездить по городам в форме, друзья — брать газовый баллончик. А я люблю свою форму, свою профессию артиллериста. Обращаюсь ко всем офицерам: кто, как не мы сами, защитим свою честь и достоинство?!

Майор О. В. ФЛОРЯ
Каменка-Бугская Львовской области

Почему таких людей, как Пельше, Восс, Пуго, в прошлом высоких партийных начальников в Латвии, никогда не говоривших со своим народом на латышском языке, всегда забирает Москва? Дело за Рубиксом. А если посчитать другие республики, Венгрию, Болгарию, бывшую ГДР, Польшу... Боже, жаль москвичей.

Л. ЗАРИНЬ
Цесис, Латвия

Самой причастностью к событиям российской истории исчезающее ныне русское еврейство доказало кровную с этой страной связь. Беда в том, что мы не доросли до юридической ответственности, требуем — родовой, коллективной. Толпе нужны виновники, заложники.

Л. ЛЕМЕШЕВ
Москва

После войны мы устанавливали в Донбассе американские воздуходувки для доменных печей и прокатных станов. Если нам помогли тогда (а мы видели в то время в Америке только империалистическое государство), то сейчас, когда мы и сами стали другими, встав на путь цивилизованных отношений, я не верю, что Запад и Америка помогают нам только из корыстных целей.

Г. Г. ЛУКАШОВ
Липецк

В троллейбусе двадцатилетняя девушка щелкает семечки, шелуху бросает на пол, делаю замечание. В ответ: «Ты что, в морду хочешь?» А мне за шестьдесят. В погоне за колбасой и чулками мы не замечаем главную нашу болезнь — всеобщее озлобление.

ИЛЛАРИОНОВА
Брянск

По телевизору все уши прожужжали: наши беды из-за теневиков и рэкетиров. И ни слова о главном стервятнике — ненасытном ВПК, разорившем наши гнезда. Будет ли предел разорению экономики военными?

Л. ВАСИЛЕВСКИЙ
пос. Орье Красноярского края

■

Все познается в сравнении. Услышал по радио, что за отстрел одного архара (дикий горный баран) охотник должен уплатить сумму 30 тысяч долларов, а стоимость одного доллара в настоящее время — 60 рублей (см. «Известия»).

Я инвалид I группы с детства, за погибшего отца получаю возмещение ущерба в сумме 14 руб. 50 коп.

Нетрудно подсчитать, что жизнь моего отца (работал механиком в шахте) оценивается в 120 000 раз меньше, чем жизнь архара. Учитывая, что выплата проводится ежемесячно, вышеназванная сумма (стоимость архара) будет выплачена в течение 10 тысяч лет.

В недавно принятых «Основах Законодательства Союза ССР и республик об индексации доходов населения» даже не упомянуто, что компенсация положена и тем, кто получает возмещение ущерба за погибшего на работе кормильца.

А. И. БУБНОВ
Анжеро-Судженск Кемеровской области

■

Началась подписная кампания. Стоит ли тратить деньги? Ибо мой почтовый ящик постоянно пуст, хотя я многолетний подписчик нескольких журналов и газет, а в первую очередь — «Огонька». Обратился в отделение связи с просьбой оставлять подписку до востребования. Там ответили: мест для хранения нет, это мои проблемы.

Я задумался. Начать что-либо изобретать? Устроить засаду в подъезде дома?.. А если утешиться? Например, тем, что, читая мою подписку, бездельник, джентльмен легкой поживы превращается в юного предпринимателя и становится первопроходцем на пути к миллионам... Другой вариант обретения душевного спокойствия: я способствую самообразованию инспектора почтовых ящиков, который вырастает до размеров премьера ассоциированного государства...

Впрочем, нужны ли грамотность и культура в обществе, где нет гарантии получать информацию... К сожалению, о вашей точке зрения я теперь не узнаю. По вине Министерства связи.

А. ГОРБУНОВ,
в будущем году бывший подписчик (чьи права не защищены) «Огонька», «Комсомольской правды», «Вечерней Москвы», «Аргументов и фактов», «Московских новостей» и десяти «толстых» журналов
Москва

■

В «Советской России» опубликовано «Слово к народу», подписанное дюжиной довольно известных в стране людей.

Поскольку это обращение к народу, то мне, как одному из представителей народа, хочется ответить на обращение, выразить свое отношение к нему. Так вот, на мой взгляд, все содержание этого документа является сплошным кликушеством, ибо в нем нет ничего конкретного и вразумительного.

Напротив, сейчас, когда остро нужны дельные советы и предложения, способствующие выводу страны из кризиса, подобные обращения еще более запутывают сознание людей своей полной неопределенностью, общими истерическими выводами и призывами, намеками опять на какие-то мифические вражьи силы.

Остается только поражаться, как писатель В. Распутин, написавший в свое время известный «Пожар», а следовательно, понимавший, во что превратилось наше общество за последние (тогда) 60 лет, теперь вдруг решил, что наши беды пришли к нам сейчас, в годы перестройки, а не являются результатом жестоких и лживых до мозга костей сталинских и брежневских десятилетий.

В конце 30-х годов в нашей стране был создан неплохой кинофильм «Щорс». В нем есть такие кадры: Петлюра, будучи уже на грани своего банкротства, созвал совещание поддерживающих его украинских магнатов и попросил дать дельные конкретные советы для выхода из сложившейся тяжелой обстановки. В ответ на его призыв один из купцов или чиновников предложил следующее: «Нужно, чтобы колокола во всех церквах все время звонили, звонили, звонили... А народ, чтобы все время молился, молился, молился...»

Обращение двенадцати, выступивших со «Словом к народу», напомнило мне вышеупомянутые кадры.

Ю. П. МИНЕЕВ,
ветеран войны и труда
Иркутск

■

В больших промышленных центрах страны, насыщенных металлургическими, химическими и другими вредными производствами, всегда наблюдается большой процент заболеваний верхних дыхательных путей, в частности бронхиальной астмой. Особенно у тех, кто проработал длительное время.

Профилактика приступов удушья предусматривает единственное — помощь ингалятора. Если нет его, ложись в стационар. Потому-то мы месяцами вынуждены лежать в больницах.

В свое время обеспечение ингаляторами было запланировано в рамках СЭВ (Польша, Югославия), у нас в стране они не производились.

Я хотел бы спросить у нашего Великого Финансиста, ни одного дня не работавшего во вредных цехах и, наверное, имеющего хорошее здоровье: разве невозможно сократиться на 6 истребителей МИГ-29 или 2 баллистические ракеты, заплатить Польше долг за уже поставленные нам лекарства в I квартале 1991 года и получить для всей страны новые?

И еще я хотел бы спросить у премьера: кто допустил непостижимое для разума издевательство над нами?

Ю. П. САРАНДАЧЕВ
Кривой Рог

■

Не избрали Председателя Верховного Совета РСФСР, отложили до осени. Есть ощущение, что немедленно надо что-то делать, как-то спасать Россию от «народных избранников». Я — за Ельцина и Хасбулатова.

Стыдно задавать Р. И. Хасбулатову вопрос о его национальности на съезде России. Ценить необходимо не формальные признаки нации типа курносого носа, русоголовья и любви к кислым щам, а то, что может сделать человек для Отчизны. Это ж в каком затмении депутатам России надо быть, чтоб не заметить отличия Бабурина от Хасбулатова! Это ж как надо хотеть насолить своим оппонентам, чтобы настойчиво выбирать демагога вместо настоящего парламентского работяги.

Я не могу утверждать, что С. Н. Бабурин — плохой человек. Это только предположение, возникшее из недоверия к нему прежде всего потому, что, с одной стороны, в уме ему не откажешь, с другой — какой же умный человек всерьез будет воспринимать душераздирающие филиппики Горячевой с их уровнем колхозного рынка?! Не верю я, что С. Бабурин серьезно к этому относится и честно сочувствует, а если сугубо из личных побуждений, скажем так, лукавит, то где мера дальнейшей лжи? Думается мне, что он скорее другого способа не нашел,

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

НЕ НАЛИВАЮТ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ...

Страшная ПРАВДА выступления Вл. Солоухина потрясает, сражает наповал! Наконец-то КПСС открыто и в полном объеме предъявлен счет за нанесенный нашему (и не только нашему) народу, обществу опустошающий нравственный и экономический урон с истреблением и изживанием миллионов лучших, ни в чем не повинных людей.

Верхушке номенклатуры КПСС не хватило ни совести, ни чести, ни ума, чтобы если не в апреле 85-го, то хотя бы до конца 1986 года сказать эту правду нашему народу (и всему миру), принести покаяние и уйти с политической арены мирно, по-доброму.

Можно спорить с писателем: кто же должен принести покаяние — номенклатура или вся КПСС? Думается, что здесь двух мнений быть не может. Сама по себе номенклатура КПСС, составляющая абсолютное меньшинство в обществе (даже с учетом того, что она власть, вооруженная до зубов), не смогла бы сделать то, что она сделала, если бы ее не подпирали со всех сторон, надежно, с гарантией, различного рода подхалимы, угодники, приспособленцы и просто молчуны-налогоплательщики.

Были в КПСС инакомыслящие, протестующие, но их тут же сокрушали поодиночке, пользуясь вот тем самым страшным молчанием «гвардии рядовых».

Мы должны знать правду и о Бухарине, и о Гайдаре, и о Гинзбург. На их судьбах мы видим, каким образом партия, захватив власть, дискредитировала само понятие коммунизма, никто из членов КПСС не вправе считать себя свободным от ответственно-

чтобы быть «как равный», только с другого бока, среди таких, как Собчак, Хасбулатов, Ельцин, Афанасьев, а иначе ему до них не подняться никак, как и какому-нибудь Жириновскому с его гордостью — 200 рэ зарплаты.

Ужас любого революционного времени — это лотерея неудачников, где счастливый билет славы и признания может вытащить личность в иных условиях самая средняя и, в общем, не способная ни к долгому упорному труду, ни к истинным волевым усилиям. Как и в этом случае, когда коммунистам, засушившим интеллект чеканными абзацами циркулярного новояза, понадобился тот, кто и в классические сборники заглядывал, и об умном может толковать.

Н. И. БУРЦЕВА
Киев

■

Президент СССР своим Указом от 15 ноября прошлого года обязал Совмин СССР в месячный срок рассмотреть вопросы о компенсации ущерба в связи с гибелью солдат в мирное время.

Однако Кабинет министров не торопится выполнять этот Указ, в то время как некоторые постановления и решения выполняются мгновенно. Например, введение 5-процентного президентского налога или обмен пенсионерам на новые купюры только 200 рублей.

Мы отдали армии единственное и самое дорогое — свое дитя. Высылаю справку, что наш сын трагически погиб при исполнении служебных обязанностей в 1980 году. Мы, родители Юры, после гибели сына так тяжело заболели, что вынуждены были оставить работу и живем на пенсию по возрасту и инвалидности. Просили посильную помощь у Министерства обороны, но получали категорические отказы.

Пишу потому, что перенес шесть операций, ожидаю седьмую. Очевидно, помощи не дождусь. Но очень боюсь за свою жену, тяжело больную, истерзанную тяжким горем. Сейчас, после 2 апреля, жить стало совсем невозможно.

Г. А. РЫМОВСКИЙ
Одесса

■

По поводу статьи «Синдром турецкого чая» (№ 27). Хорошо, что написали. Но разве у нас только этот синдром? (Под ним понимаю хаотичные, безрассудные действия в болезненном состоянии.) Синдром похмелья, синдром стяжательства, синдром безысходного страха... Есть и еще синдромы, для общества более опасные.

Синдром «президентства». Синдром «возрождения национальной культуры». Синдром «борьбы», пожалуй, самый устойчивый. Я пережил борьбу с врагами народа, космополитами, стилягами, тунеядцами, алкоголиками...

Удивительно не то, что кампании эти кто-то заинтересованный усиленно разжигает, а то, что народ, как слепое стадо, шумит-вопит, поддерживает «всем миром». А в результате каждой из этих «борьб» мы недосчитываемся многих благ: то в развитии кибернетики и телефонизации отстали, то подсчитываем многомиллиардные убытки от уничтожения виноградников и стеклянной посуды. А кто подсчитает убытки от гибели людей? Того же профессора-винодела Голодриги, покончившего с собой в самом начале перестройки? Или тысяч покончивших с собой после прихода на работу извещения из вытрезвителя? А сотни тысяч узников пресловутых ЛТП? Кто виноват? Да никто! Марктвеновский афоризм: «Украл 100 долларов — посадят в тюрьму, украл железную дорогу — изберут сенатором» — срабатывает у нас удивительно четко. Е. К. Лигачев, по настоянию которого (при молчаливом согласии других руководителей) перепохабили миллионы гектаров солнечных гроздей, перебили посуды больше, чем во всех семейных скандалах за всю историю человечества, порезали автогеном уникальные импортные технологические линии, он что — наказан? Как бы не так! Получает солидную пенсию и снова рвется в политику, чтобы опять учинить какую-нибудь разорительную «борьбу всем миром».

Общество наше больно, и, прежде чем христорадничать у «большой семерки» хлеба и денег, прежде чем звать экономистов-варягов, надо бы пригласить хороших профессиональных психиатров.

Без излечения нашей психики разворачивающийся сейчас синдром «рынка» не способен принести ничего, кроме очередных шутовских выходок премьера Павлова, которые обернутся новыми убытками и новой болью.

Готов лечиться первым.

Ю. Н. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат технических наук
Одесса

■

Недавно я вернулся с лечения на курорте «Тинаки-1», что на окраине Астрахани. Рядом с санаторием расположился ... военный аэродром. С утра до поздней ночи реактивные боевые самолеты на взлетном форсаже проносятся над крышами корпусов санатория, одиночно и группами взлетая с аэродрома. Представляете, что в это время происходит на грешной земле? Земля и стекла в окнах дрожат, врачи не слышат больных, больные — врачей. Я уверен, что любой измеритель децибелов зашкалится во время пролетов «летающих монстров».

Санаторий «Тинаки-1» успешно лечит опорно-двигательную систему, и более половины больных в каждом заезде — это инвалиды и участники Великой Отечественной войны. Так за что же им такое внимание со стороны армии? Оставшиеся в живых, но отдавшие для Победы свое здоровье, они дополнительно получают (в подарок) расстройство нервной системы и слуха.

Писал я об этом министру обороны тов. Язову, он ведь тоже участник войны. Но получил отписку, естественно, не за его подписью, из которой следует, что все останется по-прежнему, но количество полетов обещают максимально снизить. Каково? Уверен, что сам маршал такой ответ не подписал бы ни за какие коврижки.

В. И. РОДИН,
участник войны,
бывший воздушный стрелок
Краснослободск Волгоградской области

■

10 сентября 1987 г. в Москве, в двухкомнатной квартире инвалида войны, родилась первая за все послевоенные годы в стране Еврейская общественная публичная библиотека. Затем — первый в стране Музей памяти 6 миллионов евреев — жертв гитлеровского геноцида и героев Сопротивления. Тут же были организованы литературная, историческая и другие секции.

В марте 1988 г. создано Московское еврейское культурно-просветительское общество (МЕКПО), зарегистрированное исполкомом Моссовета только 1 августа 1989 г. А в апреле 1991 г. по адресу этой же квартиры зарегистрирована еще одна организация — Всесоюзная ассоциация советских евреев — ветеранов войны, партизан, узников концлагерей, гетто и их детей (ВАСЕВВ).

Здесь проводились концерты, лекции, встречи с писателями, артистами, героями. Собиралось около ста человек сразу: сидели на полу, стояли в коридоре при распахнутых настежь дверях. О разносторонней деятельности МЕКПО скупо извещала отечественная пресса, и десятки статей вышли за рубежом.

Сюда приходят делегации многих стран мира. Были здесь и чиновники горкома и горсовета — «старого» и «нового». Удивлялись, восхищались, обещали помощь. Все наши неоднократные обращения о предоставлении помещения — и к В. Т. Сайкину, и к Г. Х. Попову — остались без внимания. В апреле с. г. пришел единственный ответ из исполкома Моссовета с неопределенным обещанием.

По иронии судьбы в этом же доме расположен Антисионистский комитет советской общественности, АКСО, в прекрасных комнатах, с богатой мебелью, с охраной...

Четырежды раненный, инвалид войны, полковник в отставке, председатель МЕКПО, он же председатель ВАСЕВВ и председатель Совета еврейских организаций Москвы Ю. И. Сокол сейчас в больнице. Из больницы ему вернуться некуда: он все отдал людям. Необходимо срочно предоставить помещение для библиотеки и музея.

Н. Г. ПЕЙСАХОВСКИЙ,
Герой Советского Союза,
И. Л. ЛАХМАН,
ветеран войны,
доктор экономических наук,
профессор

■

В апреле этого года мне вручили удостоверение к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Лица, имеющие эту медаль, приравниваются по льготам к участникам войны. Но удостоверение на льготы в горсобесе г. Загорска получить сложно. Сразу же заявили, что нет бланков удостоверений, будут в середине мая. В мае сказали, что в июле получим, потом — в сентябре. А вот 1 июля вывесили объявление, что удостоверения будут выдаваться только в декабре.

Похоже, что удостоверение я получу в 2000 году с доставкой на кладбище.

В. А. БЕЛОВ
пос. Новостройка Московской области

сти за содеянное зло. Никто.

Хочется низко поклониться Вл. Солоухину. Такое не забывается. Этим выступлением он выполнил свой гражданский долг перед нашим многострадальным народом.

Е. Н. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ
ст. Снегири Московской области

Вл. Солоухин в статье «Не наливают новое вино в старые мехи» («Огонек» № 29) спрашивает: как мы должны каяться и что это такое — покаяние? Естественно, он этого не понимает, поскольку не понимает, что такое личная ответственность человека. Он это уже с циничной откровенностью выразил в печати, когда речь зашла о травле Пастернака. «Жанр» покаяния недоступен Солоухину, зато он хорошо владеет другим «жанром» — «доносов» на давно умерших деятелей прошлого. Можно это и хитро подать — как-де не должны каяться их бедные потомки? А за этим стоит подленькая и плоская «философия»: все-де не без греха, все одним миром мазаны.

Итак, отчего не донести на Гайдара, Евг. Гинзбург, Бухарина, Ю. Трифонова, раз у них тем более есть еще дети, их помнят друзья, близкие, да еще их уважают, читают и почитают сотни тысяч людей во всем мире? Да еще и подбросить им в компанию какого-нибудь Юровского — чем он, дескать, хуже Гайдара или мамы Трифонова? Подло хотя бы потому, что Бухарин и Евг. Гинзбург прошли те круги ада, о которых только наслышан Солоухин; подло, потому что книга Гинзбург и спектакль по ее книге очищают души сотен тысяч людей. Помимо покаяния, которого не понимает Солоухин, есть еще и искупление, которое столь же недоступно ему.

Многие могли бы объяснить Солоухину, что такое покаяние. Это когда человек с душевным сокрушением отдает себе отчет во всем плохом, что он лично совершил или о чем хотя бы помыслил. Отдает себе отчет наедине со своей совестью, вспоминает все свои грехи и корит себя за них. Солоухин предпочитает вспоминать грехи других...

С. П. ГИЖДЕУ
Москва

О ДНЕВНИКАХ ГЕББЕЛЬСА

В редакцию поступают отклики на публикацию в «Огоньке» №№ 32 и 33 фрагментов дневников Геббельса, которые в более полном виде будут напечатаны в сборнике Издательства политической литературы «Вторая мировая война — глазами противника. Свидетельства и признания». Напоминаем нашим читателям, что журнал «Знамя» анонсирует публикацию в конце 1991-го, в 1992 г. работы Елены Ржевской «Доктор Геббельс и его «Дневник».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшей публикацией июля назван очерк Михаила Корчагина «Обед у рэкетира» (№ 30). Мы поздравляем автора с присуждением ему премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ.

Виталий КОРОТИЧ

ЧУЖИЕ ЗЕРКАЛА

1

В самом конце июля рано утром в Нью-Йорке темнокожий подросток, во весь опор мчавшийся по тротуару мне навстречу на дребезжащем велосипеде, оттопырил на ходу ступню и просто так лягнул меня в голень. Я остановился, потому что было больно, и подросток затормозил, ожидая спектакля. «Зачем ты?» — спросил я у него. «Гы! — радостно осклабился юноша. — А чего? Хочешь, еще стукну?» «Да ничего,— сказал я. — Жлоб ты, вот что». Это самое слово я произнес по-русски, что ввело велосипедиста в минутное замешательство. Затем он радостно завопил: «Иностранец, гы!» — и радостно покатил по тротуару, стукая прохожих по голеням.

Это воспоминание возвратило меня к прошлой нью-йоркской осени, когда в городе начались погромы корейских лавок. Судя по тому, как это объясняли сами погромщики, корейцев было за что бить. За недолгое время — меньше двух десятилетий — на моей памяти эмигранты-корейцы создали в Америке разветвленную процветающую систему овощных, фруктовых и цветочных лавок, работающих едва ли не круглосуточно, требующих неимоверного старания продавцов и поставщиков, но дающих возможность приобрести любые цветы и любую зелень когда угодно. Цены были вполне терпимыми, и корейцы — по медной денежке, помаленьку — начали богатеть. Тогда обитатели трущоб начали бить корейцев. Преобладало в этом битье воинственное, жлобское неприятие факта, что кто-то упорным трудом, из ничего выбился в люди.

Года четыре назад мы в «Огоньке» рассказали о суде над двумя московскими молодыми жлобами, которые от нечего делать громили парковые скульптуры. На деликатный вопрос судьи, что было причиной таких поступков, один из подсудимых угрюмо взглянул на стража законности и буркнул: «А чего она там стояла?!»

С заморской аргументацией совпадало один к одному. Пока еще пролетарии изводили время в межпартийных дискуссиях, жлобы всех стран соединялись, даже ничего друг о друге не зная. Они называли себя жертвами обстоятельств и бритвами резали сиденья в метро по обе стороны океана.

Во время корейских погромов чернокожий мэр Нью-Йорка Динкинс примчался к одной из корейских лавок, взятых полицией под охрану, демонстративно купил там кочан капусты и подошел к своему смуглому избирателю, нечто неразборчивое вопящему из-за полицейского барьера. «А чего они тут?! — громогласно ответил на невысказанный вопрос мэра его бунтующий собрат. — Развели! Пусть катятся в свою желтозадую Корею!»

Прижимая кочан к груди, мэр сдержанно удалился.

Конечно же, я не берусь анализировать всю сложность отношений между расовыми и социальными группами в Америке. Она не столь проста и далеко не только лишь чернобелая. Но даже на уровне внешних примет можно судить о многом. Точно так же, как в заехавшем на столичный Цветной бульвар юноше-гастролере из Поволжья, вознамерившемся в одночасье свести счеты с «сытенькой и богатенькой Москвой», сплелось множество влияний, слухов и подзуживаний, так и в примерах с жлобами чужестранными припомнилось что-то до муки знакомое: подожженный свиноводческий кооператив под Москвой и лилейно-белый алкаш, орущий на бывшей улице Горького, что он ни за что не пойдет в услужение к буржуям, кооператорам и евреям.

В который уже раз меня возвращает домой чужестранная ситуация, и до чего же поучительно задумываться над ее уроками. Понять закономерности счастья столь же необходимо, как и закономерности несчастья, но не менее важно достойно принимать то и другое.

По утрам молодой темнокожий нищий встречает меня все у того же газетного киоска. Грязный, нечесаный, мутноглазый, он взыскательно позвякивает бумажным стаканчиком от кофе, требуя мелочи. Каждое утро продавец отсыпает мне шестьдесят центов сдачи с доллара и несколько монет непременно звякают в стаканчик. «Спасибо, сэр»,— говорит мне нищий. Если ему подает чернокожий покупатель газет, нищий благодарит иначе: «Спасибо, брат!»

Однажды я спросил у араба, владеющего киоском: «А как обращается нищий к вам?» «Никак, — ответил владелец. — Для него я почти враг. У меня есть свое дело, значит, я продался угнетателям. Для него же быть черным и быть нищим — едва ли не одно и то же. Социальный статус. Комплекс жертвы. Виктимизация». Я много раз слышал здесь это слово. «Виктим» по-английски «жертва». «Виктимизация» — слово непереводимое, нечто вроде привыкания к статусу жертвы, требующей постоянного внимания, защиты и льгот.

«Виктимизироваться» непросто, но зато потом это становится образом жизни. Может стать.

Интересно, что чернокожего генерала Колина Пауэлла, выходца с Ямайки, чернокожие американские радикалы не раз уже объявляли «лакеем белых господ». Блестяще образованный военачальник, державший в руках все нити недавней войны в Персидском заливе и прекрасно манипулировавший этими нитями, Пауэлл не раз говорил, что требует одного: дабы люди честно работали каждый на своем месте независимо от цвета кожи и религиозной принадлежности. Его собственная карьера, положение в армейской иерархии США (пост, соответствующий нашему начальнику Генштаба, — упрощаю, чтобы было понятнее) лишь доказывают, что человек, талантливо работающий, может всего достичь. Но не среди виктимизированных сограждан.

Этим летом американский режиссер Спайк Ли не удостоился высшего приза от жюри кинофестиваля в Каннах. Он тут же обвинил жюри в расизме.

Для некоторых темнокожих виктимизация бывает главным источником силы. Не приняли по конкурсу на должность? Расисты! Некоторые университетские профессора говорили мне, что боятся ставить «неуды» своим темнокожим студентам. Недолго и до бойкота: расист!

Когда доблестные представители советских вооруженных сил в ответ на обоснованную критику величают своих оппонентов предателями и защитниками чужих интересов, а никак не иначе, мне приходит на ум здесь рассказанное, потому что это все та же подмена понятий, все та же спекулятивная виктимизация. Так же, как в стенаниях Нины Андреевой, Ивана Полозкова, генерала Макашова и других верных и несгибаемых о том, что травят коммунистов, производится сознательная подмена понятий. Спрашивают ведь с осуществителей теорий, заведших страну в тупик.

Но публика эта не привыкла отвечать за поступки. Если вы помните, при амнистиях в первые послереволюционные годы первыми выпускали из тюрем осужденных крестьян и рабочих. Делалось это потому, что по всемогущей марксистской теории все они прежде всего жертвы предопределенных массовой борьбой отношений. Весь марксизм, собственно, держится на принципе виктимизации, на том, что рабочие и крестьяне есть жертвы, а новое общество все их страдания обязательно компенсирует.

В Нью-Йорке ко мне приходила за интервью представительница троцкистского ежемесячника. Уже с порога она сообщила мне, что вот-вот разогнется мускулистая спина рабочего класса и все эти небоскребы обязательно будут заселены пролетариями из Южного Бронкса.

— А дальше? — спросил я.

Дальше фантазия троцкистки не шла. Она была убеждена, что, кто был ничем, тот станет всем, но каким именно образом — предстояло обсудить. Но я не стал делиться опытом. Тогда корреспондентка расфантазировалась, будто делегат коммунистического партийного съезда несколько десятилетий назад. Я терпеливо выслушал все это и сказал, что пусть она непременно сохранит несколько развитых капиталистических стран, чтобы потом было к кому ездить за помощью. Корреспондентка обиделась и убежала.

Нежелание принимать реальность такой, как она есть, — состояние чрезвычайно опасное. Готовность изыскивать оправдание в окружающих и только в них — признак тревожный, как всякий отказ от действительности. Системы фальшивых критериев постоянно рождают самые странные сочетания.

Помню, как несколько лет назад я высказался в том смысле, что представители ряда советских национальных культур совершенно правы, сетуя на великодержавные традиции в отечественной повседневности. Но тем не менее в ряде случаев их книги не читают еще и потому, что это плохие книги, написанные слабо, отмеченные провинциальной ментальностью, неразвитым вкусом. Что тут началось! Ряд моих коллег по литературе готовы были жить и погибнуть в роли жертвы, но никак не бездарности. Чего я не наслушался тогда!

Зато русские провинциалы стенали не о шовинизме, а о русофобии. Их виктимизация шла во встречном направлении. Все, что в России было не так, объяснялось вражьими происками. Известно чьими. Были сочинены и опубликованы романы, повести и поэмы о том, как нас растлевают и подавляют через всякую рок-музыку и другую абстрактную живопись.

Комплекс неполноценности вдохновляет на спекуляции для самооправданий, а не на творчество. Он опасен для судьбы народа, подсовывая решения, разрушающие своей легкостью его самовзыскательность.

Страшная это штука — виктимизация.

Наверное, вы помните, что относительно недавно Марион Берри, мэра американской столицы, накрыли в вашингтонской гостинице «Виста» за курением наркотиков в обществе платной девки. Даже сняли на видеопленку, как господин мэр собственноручно набивает трубку и закуривает наркотик. Какова же была первая реакция уважаемого темнокожего политика и джентльмена? Вначале: «Эта стерва меня подставила!» Затем — виктимизация, цвет кожи во спасение. Теперь при каждом случае Берри повторяет, что он жертва негрофобии. «Вы курили наркотик в гостинице?» — спрашивает судья. А ему в ответ про негрофобию.

Замечательно быть жертвой, особливо если умеючи. Это значит — причина всякой беды на стороне, вне тебя. Это значит — сознание успокаивается поисками врагов, а не попытками самоанализа.

Опасно. Очень опасно. У нас это уже бывало.

Сегодня отчетливо видно, как во многих наших городах и весях с усердием ищут инонациональных врагов для оправдания собственных бед и нелепиц. Не хочу детализировать, но хочу подчеркнуть, что такой поиск чрезвычайно выгоден именно для истинных виновников народных несчастий, подталкивающих толпы навстречу друг другу и вкладывающих им в руки орудия убийства.

Вопрос о жертвах и культе жертвы во многих случаях не исчерпывает проблем. После известных кровавых событий в Баку мы опубликовали в «Огоньке» вопрос, ответ на который не прислан нам до сих пор. Повторю его.

Когда готовились погромы в Баку (а события такого рода готовятся долго и основательно), знали ли об этой подготовке комитеты государственной безопасности Азербайджана и СССР? Если знали, то было ли предупреждено об этом правительство и какие меры были приняты для предотвращения погромов? Если комитеты не знали, то почему? Если не сообщили, то почему? Если меры не были приняты, то почему?

Ответа, как я вам сказал уже, нет до сих пор.

Почему я настаиваю на необходимости докапываться до корней, до причин, а не только до понимания того, что жертвы требуют сочувствия и отмщения?

Потому что виктимизация, а вернее сказать — виктимизацией уводят в сторону от верных решений.

Возвращаясь к заокеанским впечатлениям, скажу, что здесь пишут о виктимизации как о серьезнейшей социально-политической проблеме. При всей своей неоднозначности комплекс великомученика-профессионала размагничивает общество, предлагает простенькие объяснения и простенькие оправдания.

Доходит до курьезов. Несколько кинокритиков опубликовали статьи, упрекающие черных подростков в том, что они шумно ведут себя в кинозалах и вопят во время сеансов. Критиков обвинили в расизме.

В ряде случаев, по мнению социологов, виктимизация ослабляет и снимает с людей ответственность за их собственные поступки. Или позволяет использовать эти поступки себе на пользу вопреки привычным логике и порядочности. Несколько примеров.

В течение сорока лет некая Роза Чипполоне выкуривала не менее полутора пачек сигарет ежедневно. Читала все предупреждения, начертанные на сигаретной пачке, смотрела телепередачи, предупреждающие об опасности курения, и — курила. У несчастной Чипполоне врачи установили неоперабельный рак легких, от которого она и скончалась. Но перед смертью курильщица успела возбудить судебный процесс против трех табачных компаний, сигареты которых она употребляла с особенным удовольствием. Процесс еще не закончен, и неведомо, кто в нем победит.

Нередко на самых оживленных перекрестках Нью-Йорка можно увидеть оборванца, скачущего между автомобилями в час пик. Неужели не боится, что сшибут? Так он ведь и скачет, чтоб сшибли! Существуют в Америке права водителя, но есть и права пешехода, и такой вот придурок, травмированный твоим колесом, может высудить себе несколько лет вольготной жизни за твой счет, скитаясь по клиникам и строя из себя жертву.

Получить статус жертвы бывает и прибыльно, и привлекательно.

Четверо в Калифорнии высудили себе миллион долларов, ибо жили возле загрязненного источника водоснабжения

и сумели доказать на суде, что страдали по этой причине боязнью заболеть раком и понесли немыслимые моральные страдания и потери.

Дважды в этом году я наблюдал на центральной, Пятой авеню Нью-Йорка массовые демонстрации гомосексуалистов и лесбиянок, требующих у властей особого уважения и даже права на однополые браки. Известная теннисистка Мартина Навратилова заявила, что она жертва сексуальных предрассудков и травли, что она проиграла в Уимблдоне именно в связи с этим.

Сладкий статус жертвы.

...Если на Бродвее завтра на меня еще раз наедет велосипедист и я врежу ему за это по шее, не исключено, что в некоторых газетах напишут о заезжем расисте из Москвы. Но я помню, как завернул из «Огонька» некоего вздорного старикана, принесшего совершенно безграмотную рукопись, а затем полгода отписывался от его жалоб, что, мол, травят ветерана войны. Сегодня извечный российский вопрос «кто виноват?» на множестве языков звучит во всем мире. И во всем мире находится достаточно людей, которым удобнее не отвечать на этот вопрос, а прятаться за него.

2

Американцы на все лады обсуждают сейчас кандидатуру, предложенную президентом Бушем на вакантное место в Верховном суде их страны. Как в любом государстве, построенном на уважении к закону, в Америке членство в Верховном суде может быть предоставлено лишь человеку, вызывающему всеобщее доверие. По крайней мере доверие большинства.

Судье Томасу, который предложен Бушем, что называется, перемывают все косточки. Выяснилось даже, что в юности он однажды курнул марихуану, а жена его как-то раз посетила собрание сомнительной религиозной секты. Все это всенародно обсуждается: вспоминается, где, когда и по какому поводу уважаемый судья голосовал и к чему эти голосования привели. Все это выстраивается в скрупулезно подробную картину прожитой жизни и на основании этой картины решается, может или не может страна довериться судье Томасу.

Очень важно, чтобы это происходило именно так — в открытую и честно.

Кандидат на должность вынужден здесь подробно и публично отвечать на множество вопросов, вплоть до самых личных, не боясь общественного мнения, а взаимодействуя с ним. И не дай Бог соврать. Это конец не просто претензий на должность — это конец репутации, конец доброго имени.

Приходится отвечать правду, даже когда этого очень не хочется.

Помните, как не был утвержден на должность министра обороны США предложенный Бушем на эту должность сенатор Тауэр? Выяснилось, что много лет назад его видели крепко выпившим, да и по дамской части...

Эта самая «дамская часть» сейчас дожигает политическую карьеру сенатора Кеннеди, которому в преддверии новых выборов пресса ставит в вину не только его собственные амуры, но даже братьев, детей и племянников.

Ничего не поделаешь. Человек, занимающий ответственную должность, особенно представляющий правящую в стране структуру, должен быть понятен и чист. Все повороты его личной судьбы и политической карьеры должны быть нескрытно проанализированы и предъявлены народу во всей их живости, взаимосвязи, изменчивости.

Мы у себя привыкли, что неспособность к изменениям ценилась и ценится в отечественной партии коммунистов больше всего. С самого начала, с того самого Октября, у нас установилась традиция немыслимого почтения к несгибаемым ленинцам, стальным наркомам, железным Феликсам. История страны позвякивает, как металлолом.

Во всяком случае, те карнавалы несгибаемости, в которые раз за разом превращались политические мероприятия в нашей стране, стали всемирной притчей во языцех, а то, как проходит большинство мероприятий советской коммунистической партии, и сегодня неизменно ставит под сомнение нашу готовность стать современным демократическим государством.

Сегодня в большинстве случаев попытки соотнести свои взгляды с современностью провозглашаются несовместимыми с кОммунистическими принципами. Откровенно говорят о том, что демократы и реформисты (конечно же, «так называемые») чужды этой самой организации строителей коммунизма, и в доказательство публикуются их послужные списки, свидетельствующие, что Яковлев и Шеварднадзе, к примеру, состояли в комсомоле и партии, а значит, к изменениям неспособны, потому что менять свои позиции не имеют права. Неподвижность и догматизм снова и снова объявляются главными качествами истинно советского человека.

Советская страна застыла, удивляя мир своей болтливостью и неспособностью к практическим изменениям. Все в стране, казалось бы, есть: лучшие грунты Европы и Азии, богатейшие полезные ископаемые. И в то же время нет ничего.

Черт знает что.

У нас ведь многие годы даже нормальной научной фантастики не могло быть, поскольку с будущим все было категорически ясно — коммунизм, и никаких вопросов. Если возникала раздумчивая литература этого жанра — как братья Стругацкие,— ее попросту подавляли. Никаких изменений, никаких неожиданностей, никаких двусмысленных символов.

Хоть символы, сказать по правде, случались. По причинам, так сказать, не зависящим...

В парке у Театра Советской Армии в Москве, неподалеку от которого я живу, стоит забавнейшая скульптура, которую вы, конечно, тысячу раз видели — по крайней мере на репродукциях и плакатах. Называется скульптура «К звездам».

Этакий стройненький босоногий юноша, задрапированный в нечто классическое, похожее на простыню, вытянулся, устремленный за ракетой, которая из его рук стартует в космос.

«Вот какой замечательно откровенный символ нашего общества,— не раз думал я.— Без штанов, но зато с ракетой...»

И здесь ведь едва-едва изменяемся. Более полутора десятилетий нас убалтывали на договор по стратегическому разоружению, но мы ни в какую. Наконец-то американский президент едет в Москву и — подписываем. Это сейчас-то, когда всем ежам понятно, что никто на нас нападать не намерен, а каждая ракета — это миллионы, изъятые у голодного и неустроенного народа. Но боязнь изменений парализует руководителей, особенно армейских.

Национальная традиция. Национальная болезнь. Наше истинное отличие от человечества.

Болезнь эта в наших условиях может поразить даже тех, кто хочет считаться либералами. Большевистское воспитание достает и их из исторической глубины и, как шило из мешка, торчит наружу.

Если вчера еще положено было клясться, что с рождения ты обожал идеи коммунизма и мечтал слиться с партией, то теперь множество людей заявляет, что обо всем знали, презирали партию и правительство с пеленок и всю жизнь мечтали лишь о том, как это безобразие сокрушить. Люди по-прежнему боятся быть самими собой, боятся предстать перед соотечественниками такими, какие есть. Недавно я прочел в самой любимой своей московской газете, как рекомендуют нам лидера киевского «Руха», известного поэта. Никогда, мол, не написал ни строки, славящей партию и Ленина. Но, помилуй Бог, ведь меня, и не только меня, сто раз шпыняли в ЦК замечательной способностью этого поэта к покаяниям и его же замечательными стихами о коммунизме и партии. Всем в пример ставили, а его талант к покаяниям постоянно упоминался строптивым в назидание. Было это? Было!

Ну, так бы вот и сказал. И ничего нет стыдного в том, чтобы признать собственную способность к изменениям, к эволюции, к сегодняшнему очищению и обновлению души. Так нет ведь: не писал, не изменялся, не состоял... Почему же тогда, если столько раз наказывали, столько раз прощали?

Когда уже испарится из нас синдром большевизма, требующий быть железными, а не живыми? «Гвозди бы делать из этих людей!» — восхищался когда-то Николай Тихонов. А дальше что? Молоточком по головке?

Гвоздики... Винтики... Когда мы уже отряхнемся от забытой миром игры в безгрешных вождей и в граждан, годных лишь на то, чтобы служить частями государственного механизма?

Вдумайтесь, как просто сказано в американской Декларации независимости, принятой ровно 215 лет назад: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и на стремление к счастью, что для обеспечения этих прав существуют среди людей правительства, осуществляющие свою власть с согласия тех, кем они управляют...»

Лидеры обязаны показывать пример откровенности, образец высокой души, неподвластной мимолетным конъюнктурам...

И не суетиться.

Читаю интервью с президентом Грузии Звиадом Гамсахурдиа. Хорошо ведь помним, как по первой программе Всесоюзного телевидения он бранил противников прекрасной советской жизни. Теперь оказалось, что всю жизнь был человеком железным, стальным, каменным. И никак иначе.

Зачем это? Народ Грузии великодушен и умеет прощать тех, кого любит. Ну, почему бы не признать способность человека меняться, эволюционировать? Ничего страшного не случится.

Зачем создавать подхалимскую прессу, конфисковать издания, содержащие критику в адрес грузинского президента?

Жаль, что большевистский синдром поражает даже людей, искренне не приемлющих большевизма. Это как генетическая болезнь.

Пока не подрастет и не сформируется новое поколение политиков, мы вынуждены будем обходиться теми, что есть.

Надо, чтобы к изменениям оказались способны самые честные. Те, кто по крайней мере не предавал, не доносил, не сживал со свету. Надо точно знать, кто есть кто, доставая до людей сквозь неискренность политических истерик. Очень важны и нужны те, кто в силу личного опыта, осознанно, а не ввиду врожденной проницательности оказался способен одолеть комплекс окаменелости, синдром большевизма.

ДАЖЕ ЗЕРКАЛА

Как это произошло с нынешним председателем латвийского Верховного Совета Горбуновым. Я помню его еще секретарем ЦК в Риге. И вот — человек с русской фамилией, владеющий русским и латышским языками одинаково, настоящий патриот, но не провинциал, принял на себя задачу чрезвычайно сложную и высокую, оказался политиком умным и гибким, сумел стать лидером Латвии в ответственное и нелегкое время борьбы за независимость. Можно еще сколько угодно говорить неправду о латышской якобы русофобии и поддерживать великодержавные стоны оттуда, делить людей на «наших» и «ваших», но пример республиканского лидера и то, что именно он ведет Латвию по нелегким путям возрождения, подчеркивает важность умения оценивать живую политику и живую жизнь.

Помню, как я брал интервью у Рональда Рейгана в конце его пребывания в Белом доме.

— Я во многом переменился,— сказал тогда Рейган.— Я уже не считаю Советский Союз империей зла. Способность к пересмотру позиций очень важна для политика, особенно руководящего... Не только для политика. Для любого мыслящего человека самокритичное отношение к своим взглядам просто необходимо.

Интересно пишет и говорит сегодня об эволюции его отношения к Советскому Союзу замечательный французский актер Ив Монтан. Он пел у нас, защищал репутацию Советского Союза, где и как мог. Затем, после того, как советские танки раздавили венгерскую революцию, Монтан сказал: "Довольно!" И четко изменил свою позицию, обоснованно и ясно объясняя, почему он сделал это.

Людей с окостеневшими душами, неспособных изменяться, надо бояться, как потенциальных разрушителей жизни.

Американцы сегодня не считают возможным дарить президенту шанс избираться более чем на два четырехлетних срока. В соседней Мексике президент вообще избирается только один раз и на шесть лет. Считается, что после этого срока человек теряет гибкость, начинает мыслить стереотипами, неспособен усваивать новые идеи. За семьдесят с лишним лет в нас столько раз вбивали уважение к нетленным ценностям и столько раз выбивали способность к адаптации, ощущение времени, что окостенение вполне естественно было зачислено в разряд достоинств.

Большевизм оказался убийственным вариантом популистской социальной догмы, шаг влево или вправо от которой считался попыткой к бегству и карался по суровым революционным законам.

Вот и дожили.

Дай Бог, чтобы мы возродили в себе хоть какие-то демократические привычки. А то ведь неспособны взять окостеневшими пальцами даже то, что валяется под ногами.

Железные ленинцы, прости Господи. Несгибаемые марксисты. Нагнуться не можем.

В отдел искусств «Огонька» приходит много писем с просьбой печатать классику изобразительного искусства. Оказывается, традиция вырезать наши репродукции и наклеивать на стенки не только жива, но и для многих является знаком стабильности в мире, где все, кажется, рушится, в том числе и стены. Мы польщены.

А недавно наши коллеги из США прислали еженедельник «Профсоюзы и время», выходящий в г. Кургане, где напечатано интервью с художником Ильей Глазуновым. С приятным удивлением мы прочли: «...вы заметили, как поменялись вкладки в «Огоньке»? Там теперь Рафаэля печатают, других великих художников. Моя работа. Я позвонил Коротичу и сказал: «Слушай, кончай своих авангардистов шлепать...»

Илья Сергеевич, если не трудно — в следующий раз, когда вы о чем-нибудь «договоритесь» с нашим главным редактором, поставьте, пожалуйста, и его в известность об этом.

Чтобы уж не очень подводить «всесильного» Глазунова и оправдать его ожидания, печатаем репродукции работ великого Эль Греко.

Наталья ТРОЕПОЛЬСКАЯ

Эльвира ПОПОВА

НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ЭЛЬ ГРЕКО

Было это в конце 40-х. В запасниках Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина двое друзей, знаменитый советский график и известный архитектор, стояли перед картиной Эль Греко и, перебивая друг друга, шепотом восторгались — то были времена, когда за одно явное внимание к Эль Греко причисляли к «космополитам». Картины великого мастера называли «враждебными рабоче-крестьянским массам». И не важно, что жил и творил художник в XVI столетии. Достаточно, что он посмел ради открытой им новой художественной выразительности властно видоизменять на холсте натуру, подчиняя ее своему гению. Характеризуя Эльгрекову манеру, современный нам венгерский исследователь А. Кампиш говорит о «вопиющем искажении фигур и частей тела в высоту и длину» и в то же время видит у художника рационализм и расчетливость. Известный советский искусствовед М. В. Алпатов считает, что «...в каждом его создании есть нечто от того возбуждения, того лихорадочного состояния, которое можно сравнить с ясновидением».

Доменикус Теотокопулос (Теотокопули) — таково настоящее имя мастера — родился в 1541 году в столице острова Крит — Кандии; учился здесь, видимо, у местных живописцев, работавших в архаичных византийских традициях. Вскоре он отправился в Венецию. В творениях работавших там Веронезе, Тинторетто, Тициана (учеником последнего, кстати, числился какое-то время) увидел юный грек необыкновенные возможности цвета. Наибольшее впечатление произвели могучие холсты Тинторетто, создателя огромных массовых сцен.

А в Риме, куда Теотокопули переехал позже, еще жив был дух недавно умершего Микеланджело. Но, преклоняясь перед Неистовым, Доменико не станет ему подражать. Со слов придворного медика папы римского (к чьему двору по протекции друга-художника попал будущий Эль Греко) Д. Ч. Манчини известно, что, поглядев Микеланджелов «Страшный суд», дерзкий грек заявил, что, будь фреска сбита, он мог бы выполнить более благопристойную и не уступающую ей по красоте живописи. Столь «богохульный» вызов в лицо людям, боготворившим недостижимого Буонарроти, породил не просто возмущение — бойкот, и Доменико Теотокопули вынужден был отправиться из Рима в Испанию, где по давней традиции благосклонно принимали художников из Италии. Несмотря на эту выразительную легенду, справедлива, по-видимому, та версия, что Доменико уехал, спасаясь от чумы, эпидемия которой унесла казавшегося бессмертным Тициана.

В Испании Эль Греко поистине нашел себя. Здесь сложилось и его необычное, оставшееся в веках имя, которое по-итальянски должно было звучать Иль Греко, а по-испански Эль Гриего. Сначала он попал в Мадрид, тогда небольшой и невзрачный город. В ту пору в 80 километрах от испанской столицы его величество Филипп II возводил в местечке Эль Эскориал новую, невиданную по роскоши резиденцию. С этим строительством Эль Греко связывал весьма честолюбивые планы, которым, увы, не суждено было осуществиться. Пока длилась неопределенность ожидания, интересная работа привлекла художника в древний Толедо. Там он обрел свою творческую родину.

Работая в Толедо по заказу, Эль Греко соорудил для церкви монастыря Сан Доминго Эль Антигуо главный алтарь, причем выступил и как архитектор, и как ваятель. По его же эскизам были исполнены скульптура, живописные алтарные картины «Вознесение Богоматери», «Троица», «Воскресение Христа», «Поклонение волхвов» и четыре изображения святых.

Еще не закончены работы в Сан Доминго, как поступил новый заказ уже для Толедского собора. На картину «Эсполио» — изображение момента, когда палачи перед казнью снимают одежды с Христа.

Из-за трех смятенных женских фигур на этой картине — Богоматери и двух Марий — у Эль Греко возникла тяжба с заказчиками-теологами, отрицавшими, что при событии том присутствовали женщины. На самом деле прав был художник, большой эрудит, искушенный в богословской литературе. Впрочем, тяжбы у Эль Греко с заказчиками-церковниками возникали нередко, почти в связи со всеми крупными полотнами. Но неизменно он выходил победителем. При слабости здоровья, физической хрупкости этот человек обладал железной волей и недосягаемым для простых смертных чувством достоинства. Причиной тяжб чаще всего была слишком завышенная, по мнению священнослужителей, цена. Ведь в Испании искусство живописи ставилось много ниже архитектуры и скульптуры. А Эль Греко сформировался в Италии и знал, сколь почитаем там живописец. Ведом ему был и факт, для чопорного испанского двора просто невозможный: король Карл V во время портретного сеанса у Тициана поднял оброненную мастером кисть и в ответ на восклицание: «Что вы делаете, ваше величество?!» — ответил: «Ничего особенного, я просто поднял кисть великому Тициану».

Эскориал расписывали второстепенные и третьестепенные живописцы. Это вызывало у Эль Греко чувство обиды. Но он продолжал втайне надеяться на королевский заказ. И он получил его во время визита Филиппа II в Толедо: выполнил в 1579 году сложное аллегорическое полотно, которое называли то «Видение Филиппа», то "Глория Филиппа», а в последнее время — «Поклонение имени Христа» из-за парящей среди облаков монограммы Небесного Царя.

Картина была принята королем благосклонно, и тут же последовал заказ на большой алтарный образ «Мученичество св. Маврикия» для того же собора св. Лаврентия в Эскориале. Хотя Эль Греко и не «удостоился» бывшего тогда вакантным места придворного живописца, все же работал он над этой картиной с величайшим воодушевлением.

Порою на полотнах Эль Греко фигуры людей, предметы изображаются так, что одну и ту же форму можно «читать» как вогнутость и... как выпуклость — всем знаком этот оптический фокус. В других случаях он использует принцип византийской живописи, знакомый ему едва не с отрочества — когда на одном холсте совмещаются разновременные эпизоды. Впрочем, описывать картины Эль Греко трудно, и не только из-за огромного числа деталей, персонажей, ослепительно насыщенного колорита, множества выразительных до нарочитости жестов, требующих каждый отдельного истолкования, но и из-за сложности всевозможных живых и мистических связей композиции.

...В те времена Толедо был необычный город. В этом центре католицизма и богословской мысли нашла свое место аристократия. Гордая, духовно изысканная, она неколебимо противостояла зависимой от трона Габсбургов придворной знати.

Эль Греко, сам «великий философ», по свидетельству Франсиско Пачеко, был дружен с лучшими из лучших и принимал их у себя в прекрасных, разубранных роскошными предметами покоях дворца маркиза де Вильена, где даже будничную трапезу услаждала прекрасная музыка...

Среди друзей художника были юристы, поэты, ученые, духовные лица, писатели, например, мастер изысканных метафор поэт Луис де Гонгора-и-Арготе, философ-гуманист Франческо Патрицци. Приверженность давним идеалам, консерватизм взглядов были неразделены с... вольномыслием, пылкая религиозность питала способность абстрактно мыслить, утонченность эстетических вкусов находила адекватные формы выражения чувств. Удивительно ли, что почти каждый портрет кисти Эль Греко — встреча с высокой, вселяющей веру в человека духовностью.

Но есть среди этих чудес портретной живописи шедевр из шедевров, заставляющий вспомнить Веласкесова папу Иннокентия с его репликой «Слишком правдиво!». Это написанный Эль Греко в традициях парадного портрета главный инквизитор дон Фернандо Ниньо де Гевара. Холст почти невообразимо красив по живописи: золотистая узорчатая парча, затянувшая стену, малиновый переливчатый муар верхнего кардинальского одеяния, серебристо-белое кружево видного из-под него стихаря, красный густой бархат кресла, золоченые шляпки гвоздей на обивке... И вся эта изысканная, виртуозно воплощенная красота только усиливает невольный ужас при взгляде на лицо, где из-под черных роговых очков глядят холодно-жестокие, отчужденно-пронзительные глаза. Портретом инквизитора Эль Греко смело и неистово сказал правду о времени — прибытие нового короля Филиппа III в Толедо в 1600 году было «отмечено» жутким аутодафе на площади Содоковер... Но взгляните на другое Эльгреково портретное творение — изображение молодого монаха фра Ортенсио Парависино. Несмотря на разницу лет, был он другом художника и, конечно, горячим поклонником его таланта. Благородством черт озарено лицо фра Ортенсио. Он только что закрыл книгу — пальцы еще придерживают тяжелый переплет, а в глазах жив отсвет какой-то поразившей его мысли. И не нужны здесь изыски роскоши — достаточно черного монашеского одеяния и белой подкладки капюшона, оттеняющего несказанной душевной чистоты лицо.

Трудно поверить, что этот гениальный новатор не чуждался второсортного труда художника-кописта — в небольших копиях Эль Греко скрупулезно воспроизвел каждое свое полотно. «Образцы» висели в одном из залов замка де Вильена, и заказчики могли выбирать любой для повторения. Впрочем, и здесь Неповторимый остался неповторимым: уменьшенные авторские копии, случалось, превосходили в лучезарности и экспрессии оригиналы.

Достигавший почти недоступного смертным душам величия и правды в изображении человечности, Эль Греко не избежал штампа, велеречивости, почти манерной красивости в иных своих холстах на религиозные сюжеты. Но его вершин превысить не дано было никому. И пророческой формулой останутся на века сказанные братом Ортенсио об Эль Греко простые, гордые слова: «Его необычный талант будет вызывать восхищение, но никто не сможет ему подражать».

ОГОНЁК

Эль Греко. СВ. ЛУКА (?).

Эль Греко. ПОХОРОНЫ ГРАФА ОРГАСА. 1586—1588.

Эль Греко. ХРИСТОС В ДОМЕ СИМОНА ФАРИСЕЯ. Ок. 1610—1614.

Эль Греко. СНЯТИЕ ОДЕЖД С ХРИСТА (Эсполио). 1577—1579.

«Политик должен вовремя уйти...»

Перед вами первое интервью, которое генерал Войцех Ярузельский согласился дать советскому журналисту после ухода в отставку. Интервью не состоялось бы, если бы не товарищеская помощь главного редактора польской «Газеты выборчей» Адама Михника, лично попросившего генерала отступить от его нежелания в последние годы встречаться с советскими журналистами. Так благодаря нашему польскому коллеге и состоялась беседа одного из виднейших политиков современности с политическим обозревателем радиостанции «Эхо Москвы» Андреем Черкизовым.

— Представляю читателям своего собеседника: господин генерал Войцех Ярузельский. Бывший Президент Республики Польша. Бывший первый секретарь бывшего Центрального Комитета бывшей Польской объединенной рабочей партии...

— Позвольте, однако, не согласиться с вашей категоричностью: бывший, бывший... Все же я не «бывший» генерал и отнюдь не «бывший» солдат. И то, что до сих пор я остаюсь солдатом — Польши и нашей партии,— возможно, наложит определенный отпечаток на последующий наш разговор...

— Господин генерал! Как чувствует себя политический деятель, волею обстоятельств оказавшийся не у дел — как говорят русские, в опале? Видимо, появляется возможность как бы со стороны посмотреть на плоды собственной политики?

— Я бы даже сказал, что ощущаю своеобразный комфорт. Я достаточно долго проработал на ответственных постах, но наступает момент, когда само время требует поменять устоявшийся жизненный режим. Попросту говоря, отдохнуть от дел. И я принял решение оставить пост президента с чувством — не скрою — большого удовлетворения. Разумеется, меня не оставляют равнодушным ни температура политической обстановки в Польше, ни некоторые выпады прессы по поводу нашего режима. Но все же вы правы: я рад появившейся у меня возможности наблюдать события на политической арене с определенного расстояния. Оценка стороннего наблюдателя все же более лояльна: радуюсь тому, что явно радует, огорчаюсь тому, что огорчает.

— Вы сказали, что, оставаясь генералом, остаетесь также и солдатом. Но вы еще и не «бывший» политик. Я думаю, что быть политиком — это не только судьба, но даже образ жизни, своего рода родимое пятно. И ту или иную ситуацию вы оцениваете прежде всего как политик. Мой вопрос к вам как к политику: как вы воспринимаете положение вещей, сложившееся в Речи Посполитой?

— Видите ли, это историческая закономерность: страна находится на переходном этапе — от одной системы к качественно новой, другой. Этот путь очень сложен и труден. Но я рад, что мы смогли преодолеть критический момент в жизни страны мирным, эволюционным способом, в духе диалога и взаимопонимания. Важно и то, что в какой-то мере Польша стала примером и для других стран, ступивших на подобный путь. Но, с другой стороны, меня огорчает множество трудностей, выпавших на долю моего народа, особенно в области экономики. Хотя я понимаю, что падение уровня жизни поляков в определенной мере обосновано, но столь большая глубина все же внушает тревогу. Сегодня мы несколько по-другому истолковываем понятие социальной справедливости, но основные ее принципы все же сохраняются.

Меня беспокоит, что сегодня политическая борьба порой выходит за рамки того, что мы называем приличиями, демократией, политической культурой. Но подчеркну еще раз: и это тоже болезнь переходного периода.

Вся страна учится строить новую жизнь, и наука эта имеет два основополагающих принципа. Первый — избавиться от всего плохого и больного, что тянет нас назад, от дурного наследия изжившей себя системы. Второй — сохранить все важное и ценное, результат труда миллионов поляков на протяжении многих лет. Сейчас, по моему мнению, самое главное — выходить на новые рубежи, учиться принимать новые решения: с одной стороны, впитавшие передовой опыт других стран, а с другой — учитывающие польскую национальную специфику, наши традиции, образ мышления. Это гигантская работа, но иного пути нет.

— Журналист, пожалуй, тоже не всегда ходит по проторенным дорожкам. Поэтому позвольте задать вам достаточно личный, почти интимный вопрос. Политик, наверное, всегда должен подавлять свои эмоции, не позволять им брать верх над собой. Как вы себя чувствовали в тот день, когда узнали, что вас не позовут в Сейм на церемонию передачи президентской власти господину Валенсе?

— Это не было для меня внезапностью. Такой вариант я предвидел и ранее, в ходе предвыборной кампании. Неофициальные контакты моих сотрудников с коллегами будущего президента лишь подтвердили мою догадку. Поверьте, я не переживал особенно по этому поводу. Одна из особенностей моей натуры — отсутствие какого-либо стремления постоянно быть на виду, подчеркивать свое присутствие. Подчас меня даже тяготило «отсиживание» во всяких президиумах, аплодисменты... Говорю это не для того, чтобы показаться лучше, чем я есть, но, честное слово, я просто не люблю показной помпезности. Поэтому когда я узнал, что не буду стоять на виду у всего Сейма рядом с Валенсой, то не нашел в этом ничего удручающего. Тем более что в тот же день новый президент встречался с так называемым президентом польского правительства в эмиграции. Я же с ним встречаться не хотел, а тем более соперничать. Такое соперничество мне было не нужно. Я считаю, что выполнил свой долг, а оценит пусть... нет, не история, это слишком высокопарно звучит,— пусть оценят мои соотечественники. Посему нет для меня важнее вещи, чем чистота совести.

Сейчас я читаю мемуары бывших политиков, многочисленные интервью с ними. Как ни забавно, но со страниц своих книг политики эти зачастую предстают ангелами, случайно забредшими в сущий ад. Ну, я-то, конечно, не ангел, я человек со слабостями, не всегда, может быть, вникающий в суть той или иной проблемы. Да и мир, в котором мы жили, тоже не назовешь адом. Были большие слабости, большие болезни, преступления даже — в сталинский период, но ведь что-то было сделано и для пользы отечества. И я еще раз говорю, что самые радикальные реформы не должны перечеркивать результаты труда миллионов честных людей.

— Уж коль зашла речь о мемуарах, то позвольте предложить вам обратиться к недавнему прошлому. Советский человек знает историю Польши конца 70-х — 80-х годов, в общем, довольно односторонне, так, как она преподносилась советской прессой. А пресса по большей части излагала все так, как требовал ЦК известной партии. Итак, мой первый вопрос. В сентябре 1980 года Герека сменил Каня, а в феврале 1981-го вы становитесь премьер-министром. Чем была вызвана эта смена лидеров?

— Ответ достаточно прост. Вы знаете, что в первой половине 1980 года по Польше прокатилась волна забастовок. Страна находилась в критическом состоянии, когда было просто необходимо решиться на смену руководства, особенно первого секретаря ЦК ПОРП, который нес ответственность за ход событий, за нарастание кризиса, за те сложности, которые в конце концов спровоцировали столь острый конфликт. Таким образом, на место Герека пришел Каня. Он много лет был секретарем ЦК и, можно сказать, одним из главных действующих лиц диалога и даже некоторого перемирия с «новыми силами». Мне еще тогда предложили возглавить кабинет министров, но я отказался. Сопротивлялся я довольно долго, даже тогда, когда был уже фактически назначен на этот пост. Каня уламывал меня несколько дней, буквально умолял, просил принять эту должность. А я считал себя прежде всего военным, а не политиком такого масштаба.

— В феврале 1981-го вы становитесь премьер-министром Польши, а через несколько месяцев — первым секретарем ЦК ПОРП. Каня уходит в отставку, в опалу, в небытие. Чем была вызвана эта смена лидеров? Ведь, как вы сами сказали, Каня согласен был на сотрудничество с «Солидарностью». Что же изменилось, почему один из «архитекторов» августовского соглашения был отправлен в отставку?

— Да, я действительно стал первым секретарем, но Каня ушел вовсе не в небытие. Это был первый случай, когда руководитель партии оставил пост, если можно так выразиться, демократическим путем. Раньше, как правило, уходили с большим скандалом, после которого человек если и не умирал, то о нем и так окончательно и довольно скоро все забывали. Каня ушел политически культурно,— я публично объявил ему благодарность за его труд. И потом, что значит «ушел» — просто перешел на другую работу.

— Невольно напрашиваются аналогии. Борис Николаевич Ельцин — первый политический деятель в Союзе, который, будучи отстранен от дел, снят с постов, все же встал с колен и сегодня является первым Президентом России. Кстати, он дал очень хороший пример для подражания: вот и Шеварднадзе, Бакатин, Алиев — все сызнова начинают теперь свою политическую карьеру. Так

что у вас первым был Каня, у нас первым стал Ельцин?

— Нет, мне кажется, что уход и новый взлет Ельцина все же имеют несколько иную форму. Каня перешел на другую должность, а затем и вовсе ушел со сцены — но это опять же лишь следствие перемен, происшедших в стране. Сейчас он пенсионер, как и я. Почему так произошло? Каня, особенно в последнее время, уже не был в состоянии мобилизовать все свои физические и психологические силы для работы в должности первого секретаря ЦК ПОРП. Он просто по-человечески устал. Однако его уход не означал ломку проводимой им политической линии, потому что это была НАША ОБЩАЯ линия! Кстати, потом, когда мы встречались, Каня с пониманием, если не сказать с одобрением, отнесся к вводу военного положения и к дальнейшей нашей деятельности.

— Господин генерал, вы сами обозначили следующий мой вопрос: о военном положении. В Союзе здравомыслящие люди тогда очень волновались за поляков, как у нас говорят, «держали палец в чернилах». Мы понимали, что ввод советских войск в Польшу невозможен. То есть технически, безусловно, возможен, но советские солдаты не выйдут из казарм спокойно. Мы надеялись на мудрость польского руководства, которое найдет способ избежать этой опасной крайности. Разные легенды ходили тогда у нас... Председателем КГБ был в ту пору Андропов, и поговаривали, что план введения военного положения был разработан в Москве. А как происходило все на самом деле?

— Это достаточно обширная тема, сложная и болезненная. В подобном интервью вряд ли удастся осветить все ее аспекты. Я буду писать об этом. Но одно хочу и могу сказать: «рука Москвы» здесь ни при чем, план был разработан в Польше, поляками, и польскими же силами осуществлен.

Я считаю аморальным показывать на кого-то пальцем и всегда всю ответственность принимаю на себя. Обстоятельства, вынудившие меня к такому решению, были достаточно серьезны, осложнены как внутренними, так и внешними причинами. И, конечно, в моей будущей книге мне придется более детально о них рассказать. Но самое главное, что нам удалось преодолеть наиболее драматический порог ситуации при минимуме жертв. Как ни парадоксально звучит, но это стало началом перехода к новому этапу, который мы назвали социалистическим обновлением.

Сегодня это обновление уже не кажется таким радикальным: оглядываясь назад, трудно избежать разочарований. Но нельзя его рассматривать без учета условий, в которых мы жили и действовали, нельзя отрешаться от обстоятельств того времени. Думаю, что шаг за шагом мы все-таки шли к 1989 году. Рискну даже предположить, что без военного положения Польша не дождалась бы и «Круглого стола». Потому что военное положение затормозило события, способные разжечь невиданных размеров конфликт. Последствия такого конфликта я и предсказать бы не взялся. Но вот такой болезненной мерой, как введение военного положения, нам удалось направить ход событий в более спокойное русло и даже довести его до точки 1989 года.

Я не хочу оправдывать себя — мол, все то, что мы делали, было единственно правильным, нет. Напротив, уже после введения военного положения было сделано очень много ошибок. Возник некий «эффект перестраховки»: под зонтиком военного положения укрылись разные люди, которые, в силу определенных причин, не должны быть с нами в одном строю. Но случается, что во время войны закрываешь глаза на недостатки союзников: враг-то один. То же происходило тогда и в «Солидарности»: там были и «правые», и «левые», но и те, и другие действовали сообща. Чем это кончилось, мы знаем — раскол между двумя уклонами оказался достаточно серьезен. То же было и в ПОРП.

Сейчас я, разумеется, сожалею, что мы с товарищами почему-то не приняли более жестких решений, дабы очистить ряды партии от балласта, тормозящего столь необходимые тогда реформы. Если бы такая селекция была произведена раньше, мы, может быть, уже тогда упростили бы наш сложный путь, столь болезненно давшийся стране сегодня.

— Как высший руководитель Польши допускали ли вы возможность советского вмешательства? Нам из Москвы тогда казалось, что не последним мотивом для вас, вводящего военное положение, было — не дать советским войскам войти в страну. Вы учли опыт Праги-1968 или знали твердо, что советские не выйдут из казарм?

— Я уже говорил, что многогранность ситуации требует более пространного толкования. Возможно, не совсем к месту, но упомяну и моральный аспект проблемы. Многие мои соотечественники в последнее время весьма резко, так сказать, «сменили кожу». Сначала они произносили лозунги типа «Мы вместе с Советским Союзом», «Союз — наш друг», «За Советскую Армию, за братство по оружию» и так далее. В их рядах я находился не один десяток лет, и совершенно искренне. В целом я верю, что нашим странам нужны хорошие, дружеские отношения. Но те, кто недоволен сегодня Советским Союзом и разглагольствует о том, насколько там плохо,— срывают аплодисменты. Мне не нужны такие аплодисменты, потому что я переживаю ваши трудности вместе с вами. Я не намерен плыть по такому течению, пальцем показывать: вот они, плохие русские, которые нам угрожают.

Когда я беседовал с папой римским, то сказал даже, что мы как власть в 80-е годы считали основными несчастьями «Солидарность» и Рейгана. А сейчас получается наоборот: несчастьем стали называть бывших коммунистов, номенклатуру и Советский Союз. Сейчас у вас сложные времена, но я люблю и уважаю русский народ. У меня много друзей среди русских военных, с некоторыми из них мы вместе воевали. И я считаю, что корни всех проблем следует искать не на стороне, а у себя. Устранять **свои** слабости — ведь негативные воздействия внешней среды все же второстепенны. Поэтому в своих нынешних выступлениях я всегда подчеркиваю: давайте сначала ответим за собственные грехи. За то, к примеру, что в свое время правительство, оппозиция и «Солидарность» не сумели найти общего языка. На это, видимо, нам всем не хватило и ума, и честности, и смелости. Так что начинать покаяние нужно с самого себя.

— Спасибо, ваш ответ дает и нашим читателям пищу для размышлений. Но если я правильно вас понял, в 1981 году «Круглый стол» не состоялся потому, что и коммунисты, и «Солидарность» были неспособны к диалогу?

— Теоретически переговоры были возможны. Но лишь теоретически. На практике же все оказалось сложнее. Тогда я выступил с инициативой проведения так называемой «Встречи трех» — Валенсы, Глемпа, Ярузельского...

— То есть «Солидарность», духовенство и власть?

— ...и внес предложение создать Совет национального согласия, способный сформировать уже Фронт национального согласия. Туда вошли бы представители различных политических сил, объединенные способностью определить отправную точку реформ. Могу сказать, что и примас Глемп, и Лех Валенса положительно отнеслись к этой идее. К сожалению, позже Валенса не получил согласия от руководства «Солидарности». Но он все же приехал на эту встречу, осыпанный протестами своего окружения, не получив никаких полномочий. Потом я предложил создать инициативную группу для организации Совета. Церковь назначила своего представителя, а «Солидарность» не стала.

Я не буду вдаваться в детали, припоминать аргументы, которые приводились. Но и раньше, и потом правительство предлагало сесть за один стол представителям всех профсоюзов — «Солидарности», отраслевых (тогда в них состояло около 4 млн. человек), так называемых автономических, региональных и, конечно, представителям самого правительства. Но «Солидарность» снова отказалась, и нам не удалось созвать даже профсоюзного «Круглого стола».

Я не хочу, чтобы это прозвучало так, будто лишь я и правительство были готовы к хорошему, умному разговору. Наша ошибка в том, что за эти десятилетия представители оппозиции много раз наблюдали, как власть сначала вроде бы принимает решение пойти навстречу, а потом уходит от этого, обманывает... Проще говоря, на том этапе сесть за стол переговоров нам не позволил недостаток доверия друг к другу.

Конечно, важен был и внешнеполитический аспект. Мы были интегрированы в определенную систему: происходящее в Польше вызывало беспокойство всех наших соседей. Не столько даже Советского Союза, сколько, может быть, чехов, немцев, болгар. Заинтересован был и Запад, поддерживающий «Солидарность», оппозицию не только политически, но и финансово, технически. Постараюсь объяснить.

Тогда фактически начался новый этап «холодной войны» — Афганистан, евроракеты, с одной стороны — Брежнев, с другой — Рейган... И Польша как раз оказалась в центре этого противостояния. Мы стали элементом обострившегося противоборства двух политических систем. Поэтому я часто говорю, что для решения наших внутренних проблем гораздо более важно новое мышление в политике Советско-

го Союза и Горбачева, чем перестройка как таковая, носящая внутренний характер. Новое мышление предполагает уход от острого конфликта «Восток — Запад». А это означает, что любая из стран, в каком бы из блоков она ни находилась, может свободно решать свои внутренние проблемы.

— Введение военного положения явилось необходимым инструментом для охлаждения пыла противоборствующих сторон. Вы изначально осознавали эту цель или же таков оказался неожиданный результат?

— Это действительно была одна из запланированных целей — снизить температуру общественного кипения. События развивались лавинообразно, и обществу требовался шок. На мое решение повлияло и множество писем, которые я получал от людей: «Генерал, спасайте, делайте что-нибудь! Мы летим в пропасть!» У нас очень серьезно и объективно проводятся опросы общественного мнения. В 1982 году почти 70% поляков согласились с необходимостью введения военного положения. Потом эта цифра снизилась до 60, потом до 50%. Потом вновь пошла вверх — сейчас 65% считают, что военное положение вводить было нужно.

Вы очень правильно подметили, что шок был охлаждающим. И та, и другая сторона очистились от экстремистских элементов. Часть адептов «Солидарности» уехала за границу, часть стала думать по-другому, часть вообще ушла из политики. А из партии ушли консерваторы и догматики. Это позволило нам приблизиться наконец друг к другу. Иногда я говорю: мы прошли чистилище в виде военного положения, чтобы не попасть в ад! Разумеется, я не считаю военное положение панацеей, я сильно переживал, взвалив на плечи столь тяжкий груз. Ведь это страшно — решиться на такой крайний шаг. Ведь даже если все пройдет идеально, определенная часть народа все равно будет обвинять тебя, и до конца жизни придется ходить с этим пятном. А если дойдет до кровопролития?! Я полностью это осознавал... Не спал... Не ел... Но в конце концов пришел к выводу, что могу и должен взять на себя такую ответственность. Было бы недопустимым не предохранить страну от еще худшего. Знаете, я даже называл военное положение меньшим из всех зол, которые могли на нас свалиться.

— На тех, кто следил за событиями в Польше, особенное впечатление произвело ваше «Обращение к польскому народу». Вы писали его сами или поручили подготовку текста помощникам?

— Каждый политический деятель имеет круг сотрудников, помощников, специалистов по подбору материалов. Это существенно облегчает работу, были помощники и у меня. Но я достаточно скрупулезный человек и немножко, как мне кажется, умею писать... В это обращение я вложил максимум своих личных переживаний.

— Это чувствуется. Вспомним историю: когда Сталин выступал 3 июля 1941-го, было слышно, как дрожала ложка в стакане. Нечто подобное слышал я и в то утро, 13 декабря. За сколько дней вы знали, что в ночь на 13-е будет введено военное положение?

— 12 декабря в 14 часов 20 минут мне позвонил министр обороны генерал Кищак и спросил: будем вводить или не будем? Потому что если мы не примем решения сейчас, то вряд ли решимся на это позже. Была суббота. А на 17 декабря «Солидарность» планировала провести в Варшаве большой митинг, посвященный событиям на Побережье в 1970 году. Мы все сознавали, что может случиться новый Будапешт: стоит лишь одному автомату выстрелить, как за ним выстрелят и остальные. Но до последнего момента надеялись, что все пройдет благополучно... А 4 декабря было известное совещание «Солидарности» в Радомире. Резкие слова, декларации...

— ...А мы в Москве все размышляли: у кого же в портфеле оказался магнитофон? Эти стенограммы — закрытого заседания! — потом распечатывали...

— Этот магнитофон был в портфеле одного из виднейших деятелей «Солидарности», возглавлявшего регион Пила,— Легиюша Ножковского. Он был сотрудником госбезопасности. Что вы смеетесь? Чтобы было еще смешнее, я скажу вам, что он сотрудничал и с западной разведкой, а позже бежал на Запад. Поэтому можно сказать, что Запад знал кое-что. Знал и молчал. Значит, кто-то там был заинтересован в том, чтобы ситуация в Польше дошла до кипения.

— Простите, господин генерал, я перебью вас. Ответственность за это событие, которое произошло на Побережье в декабре 70-го, каким-то образом ложится на вас? (В декабре того года в Польше были повышены цены — в среднем на 15—20%. Рабочие Гданьска, Щецина и других городов Побережья вышли на улицы. Войска открыли огонь. Погибло свыше 20 человек.— А. Ч.)

— Я был министром обороны. Моральная ответственность за эти события лежит на каждом члене партии, будь то военный или член ЦК. Но прямой моей ответственности здесь все же нет, потому что решение было принято первым секретарем ЦК ПОРП (В. Гомулкой.— **А. Ч.**) и передано председателю Совета Министров, который был председателем Комитета обороны страны,— минуя меня. Затем Гомулка создал свой личный «канал управления», выходящий прямо в Гданьск. Туда был послан мой заместитель, генерал Корчиньский, близкий человек Гомулки. Там находились три члена Политбюро, имевшие прямую связь с Варшавой.

И то, что я тогда мог делать и делал — давал указания, письменные и устные: вести себя осторожно, стараться обходиться без жертв. Я и мои товарищи уже думали, как бы закончить эту несчастную историю... Необходимо было сменить руководство... Было много контактов, бесед... Тогда армия осталась единственной опорой для власти. Мое мнение, что надо выйти на новые политические решения, способствовало тому, что все это закончилось. Первым секретарем ЦК ПОРП стал Эдвард Герек.

— Господин генерал, я хочу спросить вас о странной, никому не нужной провокации с убийством ксендза Попелюшко. Что стояло за этим убийством? С точки зрения здравого смысла оно не выдерживает какой-либо критики. Значит, были тайные мотивы?

— Все то, что было выяснено следствием, оглашено на судебном процессе. Никаких «жареных» фактов, кроме конкретных доказательств вины убийц и одного полковника, который был в курсе и, таким образом, разделил ответственность. Сейчас дело возобновлено.

— В советской прессе сообщалось, что один из осужденных, находясь под стражей, заявил, что хочет дать дополнительные показания.

— В них не содержится ничего нового. Он не отрицает, что убивал, не показывает на кого-то, приказавшего это сделать. Каждый защищается, как может. Он говорит, что виновата система, определенным образом относящаяся к церкви, а он, вписывая свои действия якобы в официальную концепцию, как бы «перебрал».

Я был в шоке, когда узнал, что убит Ежи Попелюшко. Вообще убийство любого человека — само по себе трагедия, преступление против жизни! А что такое в Польше — убить священника, да еще столь известного, как Попелюшко? Это вызвало огромный резонанс, это был спровоцированный моральный удар по власти. Мне страшно слышать о том, что кто-то наверху был заинтересован в этой смерти. Можно считать нас плохими людьми, но не кретинами же, не идиотами, не самоубийцами! Тем более что в конце 1984 года наши дела все же пошли лучше. Опрос общественного мнения показывал, что авторитет властей растет, а рейтинг «Солидарности», напротив, снизился.

Чтобы поддерживать хорошие отношения с духовенством, мы всегда шли ему навстречу. Согласились, например, на постройку множества новых костелов. Потому что католическая церковь, считали мы, поможет стабилизировать обстановку. Кстати, наше духовенство, полагая, что деятельность Попелюшко создает определенные сложности в отношениях церкви с государством, приняло решение (за неделю до трагедии) послать его в Рим, в Ватиканский университет... И по сей день нет ответа — был ли это выпад особо агрессивных элементов, которые, как они говорят, «перебрали», или же за этим стояли некие силы, стремившиеся нанести удар по политике правительства — политике диалога, согласия, хороших отношений с церковью.

— Господин генерал, позвольте вопрос из более мирной области. Во время нашей беседы вы несколько раз замечали, что многие события, в которых вы как политический деятель принимали участие, достойны более детального описания. Я немедленно вспомнил о книжке, ставшей в Польше в некотором роде бестселлером,— о мемуарах Эдварда Герека. Будете ли и вы писать мемуары? Вроде бы все к этому располагает: возраст, время, вот этот симпатичный сад за окном...

— Пожалуй, напишу. И дело здесь не только в моем желании или нежелании. Я считаю своим долгом поделиться с людьми и опытом, и мыслями, даже совершенными мною ошибками. Для того, чтобы это помогло будущему поколению более правильно увидеть нашу историю, не допустить подобных ошибок и, таким образом, правильнее строить будущее. Это очень ответственная задача, и я собираюсь подойти к ней со всей серьезностью. Поэтому я сейчас очень много читаю, стараюсь что-то сопоставлять, чтобы получилась объективная, честная и глубокая книга.

Но, откровенно говоря, у меня есть определенный моральный тормоз. Плохо говорить о покойниках нельзя: мертвый не может защищаться. Сегодня в Польше достаточно высока политическая температура. И некоторые политические силы предпочитают не принимать самостоятельных решений, а постоянно оглядываются назад, вопрошая, кто виноват... Конечно, были люди, с которыми мне довелось работать, усложнявшие путь реформ, не работавшие так, чтобы страна могла без драматических моментов разрешить свои проблемы. Но если сегодня назвать их пофамильно, указать на каждого пальцем — хотелось бы услышать, что они скажут. Мне кажется неэтичным сваливать всю ответственность на них.

— Позвольте искренне поблагодарить вас за беседу, господин генерал!

ПОСТСКРИПТУМ. Это интервью достаточно ясно показывает, почему Войцех Ярузельский — единственный из лидеров бывших прокоммунистических режимов Восточной Европы, против которого не возбуждено уголовное дело, которому не надо спасаться бегством из собственной страны и искать пристанища по советским госпиталям. Объяснение этому заключается в том, что он сумел стать Президентом Польши, перестав быть первым секретарем ЦК ПОРП.

Войцех Ярузельский живет в собственном доме в самом центре Варшавы, спокойно ходит по улицам, не опасаясь возмущенных сограждан. Он еще сыграет свою роль в политике Польши.

ЯВЛЕНИЕ

ЧТО ЧИТАТЬ

Мы справедливо сетуем на горькую нашу долю, но за лихорадочным мельтешением повседневности порой не замечаем, что даже нынче жизнь состоит не из одних огорчений. Привычно останавливаем внимание на всем, что нас раздражает, и проходим мимо того, что могло бы и порадовать. Вот так прошло пока незамеченным такое выдающееся событие. можно сказать, явление, как выход в свет книги Даниила Андреева «Роза Мира» *.

Автор — сын знаменитого русского писателя Леонида Андреева. Родился Даниил Леонидович в 1906 году. Мать его скончалась после родов, и он вырос в семье своей тетки, жены московского врача. Учиться начал в гимназии, завершил среднее образование в советской школе. Затем окончил Высшие литературные курсы. Писал стихи и прозу, которые в то время опубликовать было невозможно. Зарабатывал на жизнь как художник-шрифтовик. В 1942 году был мобилизован, служил в армии рядовым, вернулся в Москву в конце войны.

В 1947 году его арестовали вместе с женой. Все написанное до ареста (роман, стихи, письма) было уничтожено. Дали им каждому по 25 лет. Отбывал он свой срок во Владимирской тюрьме, жена — в лагере.

В тюрьме и была написана «Роза Мира». Вот собственное свидетельство Д. Андреева:

«Я начинал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы — люди и не люди — укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор».

При Хрущеве Комиссия по пересмотру дел политзаключенных уменьшила Андрееву срок с 25 до 10 лет, и он был освобожден в апреле 1957 года. Жизнь его была тяжкой, бездомной, он очень болел, так как в 1954 году перенес в тюрьме инфаркт. Тем не менее он все время работал над рукописью, созданной в заключении. Подготовив ее к печати, умер в марте 1959 года. Издать книгу удалось его вдове.

Даниил Андреев так пишет о своем труде:

«Никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании.

Книга направлена прежде всего против этих двух зол... Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле,— вот задача моей жизни. Я стремился и стремлюсь ее выполнять в формах словесного искусства, в художественной прозе и в поэзии, но особенности этого искусства не позволяли мне раскрыть всю концепцию с надлежащею полнотой, изложить ее исчерпывающе, четко и общедоступно. Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактующей об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас,— вот задача настоящей книги».

В редакционном послесловии к «Розе Мира» она по праву названа одной из самых необычных книг XX века, которая, несомненно, обогатит сокровищницу мировой культуры. Ее значение — в творении нового мировоззрения, и выдвинутые автором идеи никак не назовешь очередной социальной утопией.

Д. Андреев пишет о том, что образовался гигантский вакуум духовности, который не в силах заполнить гипертрофированная (авторское выражение) наука. Рубеж XX века, считает он, явился той эпохой, когда завершился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. В то же время социально-политическая сфера вовлекает в себя — и чем дальше, тем определенней — не наиболее духовных представителей общества, а как раз наименее духовных. Автор утверждает, что «колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда».

А главное — вульгаризация материализма нанесла ему самому больший ущерб, чем идеализму, и спор между ними отнюдь не решен.

Есть так называемые вечные вопросы, на которые и сегодня наука не дает ответа. Д. Андреев приводит их. Существует ли Первопричина, Творец, Бог? Есть ли душа или что-либо подобное ей, и бессмертна ли она? Что такое время, пространство, энергия? Вечен или бесконечен мир или, напротив, ограничен во времени и пространстве? Ради чего человек должен делать добро, а не зло, если зло ему нравится, а наказания он может избежать?..

От начала до конца в книге перемежаются четыре слоя: философия, история, религия и литература. Автор широко использует труды многих великих мыслителей, писателей, поэтов, в «Розе Мира» — одухотворенность и мудрость Зенд-Авесты, Вед, Библии, Корана. Д. Андреев пишет, что «зреет предопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия», и продолжает:

«Соцветие религий не только не погибло, несмотря на все средства, ради этого мобилизованные, но именно под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком — Розою Мира».

То, что пишет автор о религии (и одновременно — о науке!), многим нашим неподготовленным читателям, детям и внукам воинствующих атеистов, может показаться странным и непонятным. Д. Андреев, разумеется, имеет это в виду и старается растолковать неведомые большинству из нас проблемы. Каждый, например, знает, что наш физический слой, то есть наша астрономическая Вселенная, характеризуется тем, что его пространство обладает тремя координатами, а время — одной. А в основе «Розы Мира» лежит понятие многослойности Вселенной. Под каждым слоем имеется в виду такой мир, материальность которого отлична от других числом пространственных или временных координат. При нашем закостеневшем представлении о привычных нам координатах попробуй представить такое! Скажем, вообразите физический слой, в котором пространство измеряется по тем же трем координатам, но время имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. И это только один из множества аналогичных примеров.

Столь же необычно для нашего восприятия понятие, которое обозначается индийским словом «карма». Это «закон возмездия, железный закон нравственных причин и следствий — тех следствий, которые могут проявляться и в текущей жизни, но во всей полноте проявляются в посмертии и даже в следующих воплощениях,— можно назвать индийским термином карма. Карма есть такая же равнодействующая двух противоположных воль, как закон смерти и закон борьбы за существование».

Не каждый и не все примет за истину в этой книге, но как часто в ней самые парадоксальные откровения пересекаются с наукой! Используя свои поистине энциклопедические знания и дар провидца, Д. Андреев не только подводит итоги глобальным процессам развития нашей цивилизации, но и переосмысливает их.

Перекликаясь с идеями Вернадского, автор пишет о стремлении человека к самоубийственному разрушению биосферы и ноосферы, анализирует антагонизм техносферы и биосферы. У него свой взгляд и на эти проблемы, он все время подчеркивает взаимосвязь планетарного космоса и нашей среды обитания. Кстати, по Андрееву, под планетарным космосом понимается совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, но непременно связанных со сферою Земли как планеты. Как тут не вспомнить Достоевского: «...Все на земле живет через таинственное касание мирам иным»!

Огромное внимание в книге уделено истории. И автор снова предлагает читателю по-новому взглянуть и на этот предмет. Как известно, наш энциклопедический словарь утверждает, что «история превратилась в науку, когда стала базироваться на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса». С этим Д. Андреев не согласен. Он рассматривает историю не совсем традиционно, а как явление метаисторическое, создает свою ее интерпретацию, причем от Киевской Руси до сталинской тирании.

Эту сферу его исследований, думается, еще предстоит оценить исторической науке. Чего стоит, например, созданный им портрет Александра I, жизнь которого, утверждает Д. Андреев, завершилась отнюдь не в Таганроге в 1825 году, а продолжалась еще почти сорок лет, которые бывший император провел в монашеской рясе. Так легенда под талантливым пером писателя и проницательным взглядом психолога обретает вполне реальные очертания и работает на основополагающие принципы его книги.

Во имя этих принципов, для их разъяснения и утверждения Д. Андреев постоянно обращается и к литературе, широко использует идеи и труды русских классиков. И снова, и снова он не повторяет известные истины, не суммирует их, а привлекает этот материал для обоснования своих суждений, давая свое оригинальное толкование. Посвященные русской прозе и поэзии страницы «Розы Мира» — бесценный дар людям, читателям, продолжение великой традиции мифологизированного сознания, в которой высятся такие вечные памятники, как «Божественная комедия» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, «Фауст» Гете.

Д. Андреев уделяет много внимания анализу таких понятий, как «талант», «гений», «вестник» и «пророк». На конкретных примерах он иллюстрирует провидческий дар Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского и других гигантов нашей литературы. Он не просто цитирует и комментирует их, а создает оригинальные творческие портреты, мы видим их в новом свете, расширяем и углубляем наше традиционное представление. Хотя, казалось бы, что еще можно сказать об этом сегодня, на исходе XX века?! Убежден, что специалисты по нашим классикам прошлого и нынешнего века теперь уже не обойдутся в своих работах без «Розы Мира». В частности, огромное впечатление оставляет глава «Падение вестника», посвященная Блоку.

А вот одна из многих цитат, которые приводит автор:

«Это мужчина среднего роста с каким-то деревянным лицом... Как смоль черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамляют узкий лоб. Глаза... осененные несколько припухшими веками... взгляд чистый, без колебаний, губы тонкие, бледные, опушенные подстриженною щетиной усов; челюсти развитые, но без выдающегося выражения плотоядности, а с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам. Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы».

Это из Салтыкова-Щедрина. Нужны ли комментарии? Д. Андреев приводит еще несколько цитат из Салтыкова-Щедрина (вестника? пророка?) и заключает:

«Цитаты кончились.

Удивительно в них, конечно, не то, что великий сатирик дал одностороннний — не реалистический, а резко гротескный образ, доведенный до чудовищности. На то он и сатирик. Удивительно то, что, отталкиваясь от конкретных исторических фигур прошлого, фигур гораздо меньшего масштаба, он предварил в своем творении исполинскую фигуру будущего. Конечно, он увидел и изобразил ее только с одной стороны, с той самой, которая роднила ее с российскими деспотами прошлого. Но долгое, острое, исполненное душевной боли и муки вглядывание мыслителя в типичные образы отечественной истории и в ее тенденции привело его к пророчеству о том, что тираническая тенденция, проявлявшаяся и в Бироне, и в Павле, и в Аракчееве, и в Николае, достигнет своей кульминации лишь в грядущем, и тогда появится на вершинах власти тот, на одну из существеннейших сторон которого Угрюм-Бурчеев похож больше, чем на любого из его предтеч».

И еще одна цитата из множества приводимых Д. Андреевым:

«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю
любовь,
И пищей многих будет смерть и
кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
И станет глад сей бедный край
терзать...

Так начинается поразительное стихотворение, написанное шестнадцатилетним юношей Лермонтовым в 1830 году. Озаглавлено оно четко: «Предсказание».

...И станет глад сей бедный край
терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач,
твой стон
Ему тогда покажется смешон...»

Пророк, вестник в... 16 лет?! Нет, не все так просто в этой жизни. Ее видимую («материалистическую») простоту отвергает Д. Андреев. Он вводит нас в мир куда более сложный, но настоящий, хотя и многим из нас неведомый.

Владимир НИКОЛАЕВ

*** Даниил Андреев. «Роза Мира». Москва. Издательство «Прометей». 1991 г.**

...шагнуть в огонь

Чем ближе к фонтану, тем горячее воздух, громче свист и вой газового смерча. Останавливаюсь метрах в пятидесяти, ближе без специальной амуниции не подойти. Одежда сразу же нагревается, обжигает тело, кажется, будто к нему приложили горячий утюг. Тут понимаешь, почему в знойный полдень газоспасатели поддевают ватные штаны и толстые фуфайки, прежде чем облачиться в серебристые жароотражательные костюмы и шагнуть в огонь. Ветер рвет алые, желтые, темно-красные и почти белые космы пламени, свивает их в жгуты, перемешивает время от времени с черным дымом — это сгорает смешанный с газом конденсат. Неистовая сила, дремавшая до поры до времени в недрах земли, швыряет горящую струю метров на семьдесят в поднебесье.

Ныряю в укрытие, под спасительный щит стены вагончика, в котором расположились укротители газовых фонтанов. Сюда, на крупнейшее в стране Карачаганакское газонефтеконденсатное месторождение, они съехались из Узбекистана и Туркмении, Оренбурга и Уральска. Отборные парни, не раз бывавшие в огне, этот фонтан оценили уважительно:

— Силен и даже очень...

— Справитесь?

— Видели бы вы, что тут творилось в первые дни, — сказал Александр Жихарев. — Вон те горы металлолома пришлось вытаскивать из огня, чтобы расчистить устье скважины.

— Как это?

— Очень просто. Шли к фонтану с тросами, цепляли конструкции, а потом тракторными связками выдергивали их из огня. Постепенно все убрали.

Авария случилась на 321-й скважине в ночь с субботы на воскресенье. Буровая, объятая пламенем, рухнула в считанные минуты. Бурильные трубы выбрасывало из-под земли, словно спички. В этом аду они и работали. И не будем поминать лихом тех, кто не выдержал и давно пьет чай с вареньем дома. Такая уж это работа, не всем по плечу. Те, кто остался, кому по плечу, расчистили устье аварийной скважины и попытались установить на нее превентер (специальное устройство для глушения фонтана). Не удалось с первой попытки...

Смотрю на буйство огненного фонтана и не сразу замечаю прямо под ним, может быть, в десятке метров от устья скважины скорчившиеся фигурки людей в серебристых костюмах. Пожарники. Они кажутся такими маленькими на фоне бушующего огненного джинна. Укрывшись за металлическими щитами, они сквозь прорези в них контролируют работу бульдозеров, которые торят проход к устью. Бульдозеры со всех сторон укрыты толстым войлоком, а сверху защищены еще несколькими слоями асбестовой ткани. И все равно стекла в кабинах полопались от жары. Каким же образом выдерживают люди в этих стальных коробках? Герои? Да, все тут герои, и все говорят, что делают обычную, привычную для них работу.

Мелькает паническая мысль:

— Если, не дай Бог, в этом аду заглохнет двигатель, что будет?

— Тогда, — объясняют спокойно газоспасатели, — появится работа для нас. Мы пройдем туда, зацепим тросом застрявший бульдозер, а резервным выдернем его.

— У вас будет запас времени?

— Да, и порядочный, не менее пяти — семи минут.

Смотрю на фонтан и думаю о том, сколько же кубометров газа вылетает из него и бесследно сгорает. Бесследно ли? В первые дни пожара экологи отметили значительное превышение предельно допустимых концентраций сернистого ангидрида в близлежащих населенных пунктах — городе Аксае, селах Березовка, Тунгуш, Бестау. Потом обстановка вроде бы стала нормальной... И вообще сколько стоит этот фонтан? Трудно сказать. Одна лишь сгоревшая буровая вышка с оборудованием потянет на несколько сотен тысяч рублей плюс шесть километров труб, которые необходимо всадить под землю, чтобы добраться до продуктивного пласта, плюс такая мелочь, как зарплата буровикам, аренда вертолетов для перевозки вахт, затраты на питание, спецодежду... Никак не меньше миллиона получается, но это лишь начальная цена. С каждым днем горения фонтан дорожает.

Вечер прерывает бдение у фонтана до утра. Раскаленные бульдозеры отводят в сторону. Люди развешивают мокрую от пота одежду, чтобы с рассветом вновь вернуться сюда... Я забираюсь на площадку только что смонтированной новой буровой. Если очередная попытка установить превентер окажется безуспешной, то с этой вышки начнется наклонное бурение. Смысл его в том, чтобы на многокилометровой глубине точно попасть в ствол аварийной скважины и заглушить ее... Степь до самого горизонта густо утыкана буровыми вышками, и горящий факел для всех — предупреждение о потенциальной опасности. Утверждают, что, если его не погасить, он способен гореть много лет.

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Роберт ШТИЛЬМАРК

ГОСПОДИН ИЗ БЕНГАЛИИ

Валерий Петрович Василенко стоял около вахты. Бросался в глаза его кожаный шлем с висящими наушниками, как у летчиков. По гордому, независимому виду и важности неторопливых движений он походил на местного босса из управления. Рядом с ним плюгавились двое военных — один в кожаной тужурке, похоже, командир взвода охраны, другой в шинели с гвардейским значком, однако с заспанной, пьяной и жалкой физиономией. Спутники Рональда единогласно решили, что пьяноватый гвардии майор, верно, начальник колонны, а Кожаный Шлем — важный управленец.

На деле же это и был Василенко, заключенный нарядчик, а оба военных представляли собою не подчиненных его, а, напротив, высших начальников!

Василенко взирал на окружающих стальными, ледяными глазами, маленькими, но зоркими. Во взгляде — хитрость и властолюбие. На этапную голь он смотрел весело-пренебрежительным, чуть покровительственным и снисходительным взором.

Вечером 14 мая 1950 года, сразу после ужина, когда остаются зеку лучшие минуты относительного отдыха — для царапания письма (огрызком карандаша на клочке оберточной бумаги), чинки прохудившейся телогрейки, «прогулки» по зоне с другом или дремоты на нарах, устланных покамест еловым лапником, поверх которого разостлан матрасный мешок,— именно в минуты перед вечерней поверкой и отбоем заглянул в палатку пожилой жуликоватого вида зек и пальцем поманил к себе Рональда:

— К хозяину... Айда по-быстрому!

Ваня-Малыш шепнул:

— Это дядя Миша! Валерия Петровича Василенко шестерка... Ступай.

В зоне уже высился второй барак-палатка. Там и обосновался нарядчик со своими подручными — дядей Мишей и поваром. Для них за двое суток успели выгородить слева от входного тамбура целый угол барака. Рональд толкнул дверь этого заповедника.

Дощатые стены! Брезентовая палатка изнутри была обшита сплошь досками, тамбурная стена — из таких же досок. Нары — тоже дощатые, а не из еловых слег, как в бараке,— покрыты чистой простыней. Одно ложе — вполне «индивидуальное», второе — в два яруса, первое — для нарядчика, второе — для повара и дяди Миши. Все это значило, что две-три бригады пильщиков («тебе, себе, начальничку») с маховыми пилами трудились на этот кабинет двое суток с утра до вечера.

Василенко сидел за дощатой тумбочкой, прикрытой до полу м а р л е й! Нетрудно было сообразить, что все предметы первой необходимости были доставлены сюда на руках, а за кусок марли для накомарника работяги отдавали по две хлебные пайки! На тумбочке лежала перед Василенкой коробка «Казбека» (гвардии майор у вахты курил махорку). Кожаный шлем Василенки висел не на гвоздике, а на вешалке с колками...

Сам хозяин этого северного походного дворца Шехерезады сидел перед горячей печкой. При свете керосиновой лампы со стеклом нарядчик сочинял приказ о премировании завхоза, выдумавшего способ добывать деготь для будущих колес повозок.

Жестом екатерининского вельможи хозяин предложил гостю табурет. Рональд, понимавший, что такое табурет в тех условиях, вслух отдал должное убранству. Василенко улыбнулся самодовольно, показал жестом, что, мол, колонна у него в кулаке, а начальство относится к нему поощрительно.

— Сами видите: кое-какие возможности у меня есть покамест... Можно иметь надежду, что их не убудет и начальник не изыщет меня ограничить.

Речь Василенко напомнила гоголевского кузнеца Вакулу перед запорожцами, когда кузнец из Диканьки старался не уронить себя в глазах казацкого панства!..

— Хочу вот побеседовать с вами об одном деле... Скажите: как вы относитесь к романтике?

— ???

— Ну, то есть к... романам? Ведь вы, как слышно, литератор? Рома́на вы писали?

— Нет, романов я не пишу.

— А повестя? Рассказы?

— Ношу их, как говорится, за пазухой, но пока не спешил выкладывать. Другими писаниями занят был.

— Какими же?

— Да так, разными. Стихи писал и печатал, критические очерки, рецензии, военные очерки, пособия по стилистике, даже учебник для студентов... Ну и... всякое прочее, включая сценарии, сценки и интермедии. Выпустил книгу очерковой прозы о Голландии.

— Ну, а... романом не желали бы заняться?

— Может, и занялся бы не без удовольствия, только... кому это нужно?

— Вот мне-то и нужно! Только... покамест тяпните по-быстрому!

Из-под складок марлевой завесы, свисавшей с тумбочки (это массивное плотничье изделие служило хозяину и временным письменным столом) появилась алюминиевая двухсотграммовая кружка, полная почти до верха. В нос ударил острый спиртовой дух. Это в лагере перепадает нечасто! Тут же явилась и миска. Рональд хватил всю порцию слегка разведенного спирта и закусил жареным пирожком, плававшим в горячем жиру.

— Видите ли,— продолжал собеседник мягко и вкрадчиво.— У нас только общие работы, к тому же колонна вскоре станет штрафной. На общих долго не протянуть, верно? А вы человек образованный, много писали всякой литературы. Вот и хочу потребовать от вас труда по специальности, хе-хе-хе... Ведь сапожнику заказывают сапоги, портному — костюм. Ну а литератору — р о м а н. Правильно я говорю?

— А какой вы хотели бы заказать мне роман, Валерий Петрович? О чем?

— О чем? Гм... Сейчас увидите! Задумал я тут одну глупую чепуховину!

Василенко неторопливо отогнул край своего матраса и извлек из-под изголовья немецкий солдатский ранец-торнистер, обшитый тюленьей кожей. Из ранца появились на свет Божий три пачки: общая тетрадь, исписанная чернилами, пакет с рисунками и несколько ученических тетрадок с карандашной записью. Прежде всего он достал несколько рисунков из пакета. Это были акварельки с одной общей подписью: Ваня-Малыш. Картинки были слабенькие, на уровне семиклассника средних способностей.

— Это иллюстрации,— пояснил Валерий Петрович.— Хороши?

Он протянул Рональду картинку с тонущим кораблем. Картинка была ужасна!

— Где же текст? — нетерпеливо осведомился гость.— И если роман уже готов для иллюстрирования, зачем вам мои услуги?

— Вот — текст! — В голосе Валерия Петровича слышалась гордость.— Ну-ка, полистайте! Полистайте!

Рональд увидел на титульном листе такие заглавные слова:

В. П. ВАСИЛЕНКО (писатель)

«Позднее признание» (роман).

Тетрадка была исписана бисерным бухгалтерским почерком с завитушками и закорючками.

— Это вы сами пишете? — Рональд изобразил в голосе восхищение.

— Нет, тут старичок один, бухгалтер, мне переписывает.

«Мириады звезд сияли на бархатном небосклоне»,— начал Рональд чтение «Позднего признания»...

Положение Рональда оказалось не из приятных: темная лагерная писанина и... непонятный субъект, то ли проверяющий собеседника, то ли искренне довольный этой литературной продукцией.

— Так, Валерий Петрович,— заговорил Рональд с опаской.— С какого же оригинала переписывал бухгалтер этот текст? Ведь ошибок много. Чья была рукопись?

— Рукопись была... Володи Белоусова. Бригадник у Юрки Милосердного. Он писал. По моим... указаниям. Только довел до середины и... бросил. Больше, говорит, иностранных знаний не хватает мне, ищите другого писателя. Вот, Рональд Алексеевич, беритесь за это дело! Позарез мне надобно этот роман

кончить. Притом поскорее бы! Беритесь — и... дело с концом!

— Но если я напишу исторический роман... какой же в этом прок... для вас?

Василенко поднял на говорящего тяжелый посерьезневший взор.

— У нас, Рональд Алексеевич, только общие работы! Чего спрашиваете, как малое дитя? Неужто портной пиджаки себе самому шьет?

— Понимаю... Значит, роман должен носить ваше имя?

— Ясно, мое, коли я заказываю!

— Вы хотели бы его опубликовать в печати?

— Ну, коли удастся, конечно, хочу. Только это — дело далекое. А покамест я его товарищу Сталину в подарок послать хочу.

— Гм! Но почему же роман не на современную тему? Почему не о строителях, не о подвигах наших людей?

— Ни-ни-ни! Ни в коем разе! Тут можно так погореть, что потом не откашляться! Писать только про старину. Не ближе как лет за сто пятьдесят. Иначе опер привяжется — пропадешь! Главное же дело — Сталин исторические романы любит. Это я точно знаю, от верных людей. Мы с вами где находимся? Недалеко от Курейки? А в Курейке он сам срок отбывал. Неужели не усекаете? Ежели он получит интересный роман из-под Курейки, разве он не обратит внимания? Подумайте, какая мысль! Понятно?

— Поймите, что сочинение большого исторического романа — дело не простое и не скорое. Нужны материалы. Нужно время.

— Временем мы с вами, Рональд Алексеевич, вроде бы не обижены. У меня срок — двенадцать лет, только разменял. А у вас остаток — поболее трех, коли зачтут северные... Хватит, по-моему! Ведь надо — с полгода, не более!

— Нет, в полгода не управишься! Требуется минимум год, полтора!

— Что вы! Многовато! Ведь половина-то уже готова. Целых сто страниц!

— Валерий Петрович! Скажу вам откровенно: то, что написано,— это испорченная бумага. Если вы хотите, чтобы получился у меня большой роман, то надобно его еще задумать, написать, выносить. Пусть даже о временах далеких, как вы желали,— все надо начинать сызнова. А это очень трудно! Боюсь, что в наших условиях просто невозможно!

— Напрасно так думаете. Ежели Василенко гарантирует условия — они будут созданы! Вот мои условия: как начнете — будете свободны от общих работ, получите легкую работу, она оставит вам много времени для писания. Если дело пойдет на лад, гарантирую вам через два месяца пропуск для бесконвойного хождения, чтобы жить вам за зоной, одному, в тайге — и только писать! Питанием, одеждой, куревом, светом я вас обеспечу. Будете получать малые зачеты, четверть дня за день. Значит, четыре дня отсидите, а будет считаться, что вы пять отбыли. Только условие: на глаза начальству не лезть, держать дело в тайне и работать с полной отдачей. Ну как? Согласны?

— Надо подумать, сообразить, о чем писать и где взять материалы.

— Материалы? Ну, старик, по материалам всякий дурак напишет! А голова-то на что? Набивал ее всю жизнь, а теперь еще и материалы ему подавай! Что же касаемо до того, о чем писать, то вот тебе мое большое желание... Слушай, батя, первое желание я тебе уже говорил: чтобы лет эдак сто или двести назад все дело происходило. К тому же прошу тебя — чтобы было оно не в России! И чтобы было страшно и трогательно, понял? Что, по-вашему, поученому, страшнее всего на свете? А? Ну, угадай!

— Да, по-моему, Валерий Петрович, то... что... вокруг нас с вами.

— Чего, чего? Эк сказанул! Чего же вокруг нас страшного? Ну, проволока, ну, вохра... Подумаешь, страх какой! Дело самое обыкновенное для меня и для всякого... Не-ет, ты настоящий страх должен изобразить. Понимаешь, к примеру, ежели ночью... встретить льва. Там, в Африке. И — охотиться на него. Вот это страх! Понял?

У Василенко действительно будто зашевелился пух на лысеющем темени. Его начинала бить дрожь... Кажется, он был совершенно искренен и трезв.

— Хорошо! Насчет страха я вас понял. А что вы полагаете самым трогательным для будущего читателя? И для... товарища Сталина?

— Рональд Алексеевич! Да как вы еще спрашивать можете такое? Ясно, что самое трогательное — это когда у матери ребеночка крадут либо пропадает у нее дитя малое. Что еще может быть жалостливее?.. Ну, как, соглашаетесь?

— Скажите, Валерий Петрович, а на основе чего писал Володя Белоусов? Вы давали ему какой-нибудь черновик? Или только общие указания?

— Вот что я ему давал! Смотрите! Вот это — мой замысел.

Василенко протянул Рональду ученические тетрадки, извлеченные из того же торнистера вместе с белоусовской рукописью и рисунками Вани-Малыша. Рональд стал их неторопливо просматривать...

Некий жестокий граф (воровские «романа» тискаются только про графов и герцогов, обычно разъезжающих с пистолетами и шпагами в черных каретах с потушенными огнями по улицам французского города Берлина) по имени Фридрих Эванс стал счастливым отцом мальчика Чарльза. А того похитили злые пираты, главаря коих звали Бернадит Луи. Мальчика воспитывали в чужой стране 18 лет. Из родного дома у него сохранился медальон. Отправившись путешествовать, он попал на родину, каковую не узнал, и, шествуя мимо отцова замка, прочитал, что там происходит шахматный турнир. Приняв участие в турнире, он обыграл хозяина замка, не подозревая, что это его отец. Оскорбленный проигрышем злодей заточил юношу в подвал, куда смогла проникнуть дочка Фридриха — Эмили, чуть было не вступившая в любовную связь с родным братцем. Но они обменялись медальонами и поклялись в любви. За это грозный Фридрих сослал юношу на необитаемый остров в Индийский океан. Там Чарльз подружился со... львом, обитателем острова. Юноша построил плот, пересек вместе со львом океан и прибыл на родину в момент свадьбы своей сестры. Скрытый в кустах враг жениха подстрелил его прямо во время свадебного шествия. Тогда Чарльз и лев накинулись на убийцу-обидчика. Лев сожрал убийцу, а заодно с ходу и подоспевшую невесту. Наконец, разбушевавшийся лев сожрал и самого юношу Чарльза, в результате чего на месте остались недоеденные трупы невесты, жениха, убийцы и Чарльза, а также подстреленный и издыхающий лев. Вызванный по телефону Фридрих Эванс примчался на автомобиле и, склонившись над трупами, обнаружил на них семейные медальоны. Так он осознал, что погубил своих детей, и воскликнул: «О, мои голуби! Это я погубил вас!» В этом заключительном катарсисе и заключалась идея «Позднего признания».

— Я же не умею писать, не люблю,— оправдывался Володя в бараке вечером,— он навязал мне всю эту чушь, потому что имею образование в девять классов... Я сам знаю, какова цена моей писанины, ее умному человеку показывать нельзя. А Василенко не то фанатик, не то... с приветом по этой части. Дал мне кантоваться, вместе с Ваней-Малышом. Зима прошла, стало тепло, плевать мне теперь на Василенку с его «Поздним признанием». В хорошую бригаду пойду, зачеты будут большие, через год и выскочу. А вы — другое дело. Человек не молодой, не здоровый — садитесь и марайте бумагу! Стараться особливо не стоит — он ведь ничего не смыслит. Что наваляете — то и ладно. Была бы ему исписанная бумага и картинки!

Никогда еще Рональд Алексеевич Вальдек не стоял перед столь деликатной дилеммой! После беседы с ребятами он стал задумываться уже всерьез: а в самом деле, не попытать ли счастья? Не отдаться ли во власть «неги творческой мечты»? Притом где? В гулаговском аду!

Сам он давно задумывался над идеей создания историко-приключенческого романа, типа современного Дон Кихота, как бы в насмешку над пережитками и традициями авантюрной классики. Ему чудился эдакий современный Дон Кихот с гамлетовской и чайльд-гарольдовской душой в роли странствующего Шерлока Холмса, везде вступающего в единоборство с власть имущими покровителями страшных тайных злодеяний. Он раскрывает их и, конечно, гибнет в конце концов как жертва неподкупной своей совести...

Арест прервал эти творческие искания, но, надо сказать, сохранившиеся в памяти Рональда наброски немало помогли ему в дни заключения, более всего — в этапах и пересыльных камерах. Самым страстным почитателем Рональдовых новелл был Иван Щербинкин, еще в гучковском и кобринском лагерях. А в этапах и на пересылках давно окрестили Рональда «батей-романистом», что обеспечивало ему положение как бы былинника-барда при варяжской дружине...

Вспоминался ему потом такой, например, эпизод на Штабной колонне в граде Абези. В разгар своего романа с заключенной дамой-инженером та обратила внимание на... неромантический вид той части Рональдова туалета, коей прикрываются нижние детали мужской фигуры. Рональд купил у алкаша-пропойцы шерстяное казенное одеяло трофейного качества и заказал лагерному портному брюки модного фасона, расклешенные, широкие и отделанные металлическими штучками. Они вызвали восторг дамы, но... уже на вторые сутки были тихо украдены с гвоздика под нарами. Огорченный Рональд отправился под вечер к королям колонны, квартировавшим в соседнем бараке, в особом углу, незримо выделенном от остальных барачных нар, где спали «королевские» бригадники.

Рональд застал привычную картину: главари-короли резались в буру, восседая на верхних нарах. Игра шла крупно, ибо в проходе между нарами валялась, будто нарочно оброненная, пачка крупных денежных купюр, перевязанная небрежно тесемочкой. Сотня жадных глаз, как притянутых магнитом, следила за судьбой пачки: не забудут ли невзначай?.. Рональду было хорошо известно, что ожидало бы дерзновенного дурня, осмелившегося потянуться за этой пачкой,— это был старый воровской трюк, чтобы отвести душу и расправиться с невоспитанным лагерным новичком-салагой: его просто истоптали бы сапогами!

Воры обрадовались появлению «бати-романиста». Его учтиво пригласили наверх, усадили поудобнее, предложили закурить, сунули спички.

«Рональд Алексеевич, тиснули бы нам что-нибудь эдакое, на сон грядущий!» — попросил Алексей Теплов, знаменитый в свое время вор-законник, единственный из воровской элиты, удостоенный политической, то есть 58-й, статьи, которой он неимоверно гордился и хвастал. Был у него самый редкий пункт этой роковой статьи — 58-14, то есть недонесение. Пункт этот в лагерях кратко формулировали так: «знал и... не сказал». Оказывается, Алеша Теплов находился среди тех советских войск маршала Рокоссовского, кто первыми обосновались в побежденном Берлине. И вот в дни между 9 и 16 мая в разрушенной и еще дымящейся, занятой русскими имперской столице состоялась первая международная конференция, притом с участием представителей 32 стран: международная конференция воров! Естественно, что председательствовал на этом интернациональном толковище представитель победоносной России, законный русский вор Алексей Теплов!

По его словам, конференция прошла на высшем уровне, выявив полное единство мнений по всем обсуждавшимся проблемам! Высокие договаривавшиеся стороны разделили сферы влияния и решили множество немаловажных технических проблем, связанных с изъятием и дележом чужого имущества, а также со статусом тех рыцарей наживы, кто носил военную форму и участвовал в военных действиях с оружием в руках, что, как известно, противоречило воровскому закону. Впоследствии эта проблема привела к жесточайшему кровопролитию, искусственному разделению «преступного мира» на законников и сук, что было, разумеется, стимулировано свыше и использовано для истребления не только самих рыцарей, но и рыцарских традиций, смущавших органы госбезопасности несхожестью с советским моральным кодексом, который возводил, например, стукачество в первую гражданскую доблесть, в отличие от кодекса воровского, каравшего стукачей смертью... Однако возвращаюсь к эпизоду с Алешей Тепловым в абезьском бараке...

Когда Рональд изъявил согласие «тиснуть» ворам какую-нибудь новеллу и его слушатели отбросили карты, Теплов как бы мимоходом повелел дневальному:

— Убери мусор!

Дневальный благоговейно и не дыша поднял с пола увесистую денежную пачку и положил на уголок верхних нар. Принародно так положил, чтобы она оставалась видна алчным взорам работяг.

— Ну, слушаем вас, Рональд Алексеевич!

По окончании Рональдового повествования (он предложил слушателям некий коктейль из Оскара Уайльда и американца О'Генри), вызвавшего сдержанные рукоплескания, батя-романист изложил Алексею Теплову главную цель визита: нельзя ли получить обратно похищенные брючата?

— Поклянись, батя, что брючата действительно т в о и!

— Блядь буду, век свободы не видать! МОИ, это точно! — Рональд торжественно поднял руку горé жестом клянущихся Горациев на луврском полотне Давида.

— Скажи, увели... технически? (То есть с должным соблюдением правил искусства.)

— Да, да, конечно! На высшем уровне!

— Ладно, Рональд Алексеевич! Разберемся. А теперь — спать пора!

...Всего часом спустя, еще при первом, некрепком засыпании, Рональд уловил еле слышный шорох. Приоткрыл глаз и различил на гвоздике очертания своих брюк, чуточку помятых. Почувствовал, что кто-то напряженно дышит рядом, будто чего-то ждет от дремлющего. Ведь прямо будить человека в лагере законом чести воспрещено — вдруг он волю во сне видит... Рональд открыл глаза и сел, делая вид, что не замечает брюк — их, видимо, надлежало и вернуть т е х н и ч е с к и! Совсем молоденький жучок, шестерка одного из старших воров, протягивал Рональду чью-то записку. Рональд поднялся, подошел к ночной лампе над общим столом и прочитал: «Уважаемый Рональд Алексеевич! Дурной пример заразителен: верните, пожалуйста, спички! У нас игра еще продолжается. С комприветом — А. Теплов».

Этот прелестный эпизод Рональд вспоминал, мучительно ворочаясь на нарах в майскую ночь 1950 года... Вероятно, и Алеша Теплов сейчас одобрил бы идею написать авантюрный р о м а н...

И начал брезжить сюжетный каркас этого р о м а н а.

У человека отнимают его доброе имя... Вот исходный мотив сюжета! Отныне человек должен жить и творить под чужим именем! А похититель — несомненный злодей, вроде Легри у Бичер-Стоу. Переставить буквы: Легри-Грелли! Хм! Имя этого Грелли, к примеру, Джакомо! Вот и герой: Джакомо Грелли! Списать этого похитителя с... Василенки! А под черты того человека, которого обокрал Джакомо Грелли, подставить черты собственные... черты Рональда Вальдека! Вот и сюжетный узелок! В какой же век все это отнести?

Мысленно он попытался перенести действие в XVII столетие. Впоследствии даже написал главу с аксессуарами этого столетия, войском Валленштейна и лагерем Илло... Позднее ощутил свое бессилие — нехватку познаний и памяти о событиях кромвелевских и валленштейновских времен...

В состоянии этого нелегкого раздумья он заснул и даже не слышал рельса к побудке. Бригадир Милосердный догадался оставить своего работягу в покое, а позднее в барак явился дядя Миша с подтверждением: мол, Василенко-нарядчик разрешил бате полежать-подумать. Батя лежать не рискнул, чтобы зря не лезть на глаза лепиле при обходе, а пошел прямо к самому заказчику, продолжить разговор.

Тот оторвался от своих текущих забот, встретил Рональда очень приветливо и тоном наставника, говорящего с неразумным дитятею, добавил ко вчерашнему еще одно конкретное обещание:

— Я тебя, старик, расконвоирую через два месяца, как сядешь за наше дело! Уже слышал, что ты сумлеваешься! Уговаривать не стану, сам знаешь: общага — не сахар! Тебе же я условия создам все! Будешь иметь курево, премблюдо и зачеты! Пусть небольшие — четверть дня, но ведь главное в лагере что? Сохранить себя! Ну, ступай, думай, батя, думай. И — решайся. Коли решишься — завтра с утречка и начнешь. Местечко тебе готово будет в бане. Понял? Не в мойке, а на чердаке, как только станет потеплее. А пока — выделим тебе уголок в тепле, в виде потайного шкафа...

Господи! Так в какой же век отнести этот лагерный роман, предназначенный для отправки Сталину на предмет помилования нарядчика Василенки? Рональд перешагнул в следующий, XVIII век. Франция... Людовики... Англия: три первых Георга... Как будто свежо в памяти! Да и есть добрый консультант на соседней колонне, музыкант оркестра, венгерец, профессор английской литературы в Будапештском университете, по имени Ласло. В театре сумел освоить виолончель, будучи отличным скрипачом. Может, удастся установить с ним переписку через бесконвойников? Он мог бы помочь с исторической канвой! Впрочем, Рональд и сам чувствовал себя достаточно уверенно по части истории XVIII века: Испания... Италия... несколько темноваты, но зато Америка — вот золотое дно! Индейцы, войны за независимость. Кладезь, а не век! Сколько знакомых событий!

И к Василенке он вечером, за ужином, пришел уже радостно возбужденный:

— Согласен! Поверил в наши возможности! Буду писать!..

Утром 16 мая после общего развода на работу по указанию Василенко Рональд пошел к бане. За эти краткие дни она получила крышу, печь и стекла в крошечных оконцах.

Он постучал в толстую сосновую дверь, услышал изнутри звериный рык. Высунувшаяся харя готова была взять наглеца за горло, ведь баня — одно из самых «блатных» мест на колонне, под охраной воровского закона! Однако волшебное слово «от Василенки» растопило лед в мгновение!

— А, батя-романист! От дяди Валеры? Все для вас готово: вот тут уголок темный, на манер стенного шкафа, вот столик вам приспособлен, вот чернилка из электроизолятора, вот ручка с перышком, только, уж извините, перышко к ручке ниткой привязано, а вот ваш завтрак. И, главное, тетрадочка. Как испишете, так дядя Валера другую даст. Только темно в шкафу будет, уж не взыщите: придется коптилку жечь, зато никто и не приметит. Если надзор заглянет — сюда нырните, в закуточек, а бумажки мы тут же и сховаем. Так вот дело по первости и пойдет. Потом на чердаке поместим, там простору будет больше!

Рональд с аппетитом съел свой завтрак «улучшенного пошива», какой получали все банщики и прочие придурки, и... обмакнул перо в чернильницу. Так был начат роман «Господин из Бенгалии»...

Дело пошло с поразительной быстротой. Через неделю автор стал различать, пока еще, разумеется, неясно, всю просторную «даль романа». Уже стало очевидно, что будет он многолистным, трехчастным, массивным. Пришли в голову иезуиты, работорговцы, пираты, монахи, трапперы, карбонарии. Последние сулили многое, но пришлось от них отказаться — они как-никак подвизались позноже, уже в XIX веке! Зато можно было всласть пользоваться луддитами, испанскими грандами, британскими атерни, американскими генералами, ворами и благородными морскими капитанами. Василенко изредка заглядывал в баню, выслушивал отрывки, и глаза его от радости сужались в щелки:

— Ну, старик! Обрадовал меня! Теперь вижу: наконец нашел того, кого так долго искал! Тебя мне и не хватало! Будешь ты у меня за зоной жить!

Между тем на колонне становилось все больше разношерстного народа. Строились настоящие домабараки из круглого свежего леса; начались работы на самой трассе — отсыпка подъездных автодорог. Пришли автомашины, тракторы, горючее, кое-какая примитивная техника. Кое-что сбрасывали с самолета, например, оборудование для кузницы. Рональд видел, как летела, похожая на бомбу, кузнечная наковальня. Кстати, с тем же самолетом Василенко ухитрился получить посылку для себя — толстенную пачку почтовой бумаги, на которой Рональд впоследствии и написал своего «Господина из Бенгалии». Занял он 22 изрядной доброты тетрадки-блокнота с почтовой бумагой...

Сменился начальник колонны: вместо пьяного гвардии майора прибыл старший лейтенант Платов, разжалованный из морских офицеров, фигура сравнительно благодушная. Дела он по-прежнему всецело передоверял Василенке, и тот остался полновластным хозяином на целом участке трассы. Передавали, что на воле и дома, а также здесь, на стройке, он обладал обширными связями с руководством, с органами МВД и, в частности, с местным кумом, то есть оперуполномоченным. Сидел он третий срок, и, как и оба первые, сидел «с почетом». Ведь «хапнул» он, судя по выписке из приговора, вагон кровельного железа из угнанного эшелона — вагон был присвоен Василенкой, так сказать, лично. Остальные вагоны должны были ублажить потребности «вторых хозяев нашей области», как величал сам Василенко свою гангстерскую организацию, включавшую руководство каких-то трестов, хозяйственных фирм, юридических и партийных органов. Василенко признавался Рональду, что взял на себя львиную долю вины, предотвращая дальнейшие, более глубокие разоблачения. «Поэтому мне во всем помогут ребята с воли»,— не раз говаривал он Рональду за рюмкой, стопкой или чаркой «под премблюдо». Кстати, Рональд пришел в ужас, когда узнал, из чего пекутся эти тяжелые пирожки для премирования ударников, именуемые «премблюдом» на этой колонне (премировали ли им на других колоннах — Рональду осталось неизвестным). Оказалось, что премблюдо изготовляется из... американской сухой штукатурки! Рональд установил это, когда однажды нашел пустые пакеты из-под той «муки», шедшей на премиальные пироги. На пакетах значилось, что сухая, быстро твердеющая штукатурка предназначена для строительства временных полевых аэродромов и изготовлена в США. Шла эта штукатурка, видимо, для жилых и служебных помещений во временных аэропортах и содержала некоторое количество грубой муки вперемешку с измельченным цементом и прочими строительными ингредиентами. Даже луженые зекские желудки выдерживали это «премблюдо» с трудом.

Рональд не расспрашивал своего заказчика, есть ли у того надежды на досрочное освобождение с помощью «ребят с воли», то есть своих уцелевших соучастников, однако однажды, разоткровенничавшись и впав в меланхолию, Василенко сам признался: «Все мои надежды — только на роман и... товарища Сталина!»

Чем многолюднее становилось на колонне, тем труднее приходилось банщикам. Первые трое суток Рональд сидел и не отрываясь писал своего «Господина». Потом волей-неволей пришлось помогать ребятам. Зачислен он был «дезинфектором вошебойки». К неудовольствию Василенки, ему пришлось эту работу реально выполнять. Хотя работа дезинфектора брала в сутки не более трех-четырех часов, но завеска вещей и их снятие из жаркой «дезкамеры», представлявшей собою как бы большемерную печь-духовку, изнутри обшитую железными листами, отнимала много сил и доводила Рональда до изнеможения за эти короткие часы работы камеры. Василенко хмурился и часто корил банщиков: вы мне старика не занимайте, я вам лучше десяток «опешников» за него пришлю! «Опешники», то есть люди, доведенные недоеданием до изнурения и поставленные на «у. д. п.» или «о. п.» — усиленное дополнительное питание или оздоровительное питание, сокращенно — «умрешь днем позже». Присылать «опешников» он, вероятно, забывал, и Рональду приходилось работу дезинфектора выполнять.

Чтобы банный шум не мешал «неге творческой мечты», Василенко летом перенес Рональдов тайник на банный чердак. Там в полной темноте, в пятидесяти шагах от ближайшей вышки он сидел на доске, пользуясь другой доской в качестве стола, и, почти не разгибаясь, писал, что бы ни творилось на колонне.

Незаметно подошла осень, а с нею и та операция над заключенными, которую большинство переживает особенно болезненно, так называемая инвентаризация. Это одно из тех бюрократически-издевательских мероприятий гулаговского руководства, которые имеют целью подчеркнуть зеку, кто он есть: бесправный, жалкий, голый раб. И... только, какие бы функции ни возлагали на него граждане начальники!

Заключенных всех рангов, статей и состояний выгоняют за зону (у бесконвойников на этот день отбирают пропуска), заставив взять туда с собою все «шмутки», то есть одежду, постель и личные вещи, все, какие есть. Производится железный шмон во всех лагерных помещениях, на нарах, в тумбочках, служебных столах, в производственных мастерских и т. д. Все извлекаемое при шмоне уничтожается (если зек надеялся что-то утаить от вохры, вроде фотографий или дневника). Затем происходит «впуск» в зону поодиночке. У каждого зека проверяется все его имущество, заносится в формуляры, а все «неположенное» тоже уничтожается или отбирается. Раб остается голым и должен осознать, кто он! Ничего личного! Ничего сверх гулаговской шкуры!

Недаром в тайшетских лагерях ходила шекспировская формула: «Нет повести печальнее на свете, чем инвентаризация в Тайшете!»

Руководство колонны заранее готовится к инвентаризации. Так было и той осенью, на штрафной, где царил нарядчик Василенко.

Банщики поддерживали с Рональдом живую связь с помощью приставной лестницы, ведущей на чердак. Василенко в утро инвентаризации появился под этой стремянкой и крикнул Рональду:

— Батя, я за тебя все сам обтяпаю! Ты не слезай! Сиди и пиши! А лестницу ребята вынесут, люк вохрики не приметят!

Но... вохрики таки приметили!

Когда все население штрафной уже стояло на улице в ожидании генерального шмона, а в бараках этот шмон уже заканчивался, кто-то из вохровцев увидал в потолке бани люк.

— А там у них что? — послышался законный вопрос.— Надо бы лестницу.

Нашли и стремянку! И вот влезший в люк вохряк внезапно узрел Пимена-летописца перед тремя светильниками, озарявшими листы рукописи... Пимен оброс седой щетиной и взирал на пришельца недоуменно.

— Ты... чего это здесь пишешь, а? — Тон вопрошавшего был почти испуганным.

Рональд никогда бы своим умом не додумался до разумного ответа. Но по некоему вдохновению или наитию он тихо и твердо отвечал:

— Капитанскую дочку!

...Его привели на вахту, к селектору. Вохровцы решили донести о своем открытии дежурному по управлению. И надо же было случиться, что этим дежурным оказался не кто иной, как... Рональдов товарищ по генеральному штабу, недавний з/к Виктор Альфредович Шрейер! Его сообразительность, столь необходимая разведчику и диверсанту (как он сам именовал одну из разновидностей своей деятельности в прошлом), и здесь не подвела. Ситуацию он оценил мгновенно, как только вохряк вызвал его телефонный номер и начал излагать суть дела.

— Вот тут, товарищ дежурный по управлению, на штрафной, обнаружен заключенный. На чердаке сидел, с бумагой и чернильницей, при свете. Пишет он «Капитанскую дочку». Какие будут распоряжения?

Необходимо при сем заметить, что разговор этот велся по селекторной связи, то есть все 47 колонн и управление четко слушали доклад вохровца и приказ управленца.

— Как его фамилия? — прозвучало из трубки.

— Вардей... Вальдер... Валдак... который Рональд Алексеевич.

— Так что он там пишет?

— «Капитанскую дочку», товарищ начальник.

— Вас понял. Ну, что же, это хорошая вещь. Пусть пишет! У вас все?

— Все, товарищ начальник.

А еще некоторое время спустя Василенко поднялся на чердак к Пимену-летописцу и предложил тут же чокнуться: «Старик, твой пропуск на вахте! С нынешнего дня ты у нас — бесконвойник! Можешь по грибы сходить, передохнуть от писанины своей! Ну, за твое и мое здоровье!..» Рональд шестой год тянул зековскую лямку, и, хотя «отбывал» в самых разных условиях, все-таки любой выход за зону сопровождался «человеком с ружьем». А тут... выходи через вахту в тайгу, ступай куда глаза глядят, только воротись в указанный тебе вечерний час. Замечу, что расконвоирование Рональда из-за «статейного признака», то есть 58-й статьи, не удавалось в свое время ни техническому отделу управления, ни дирекции театра. Таковы были тайные и могущественные связи Василенки с лагерным начальством!

— Только, батя, сейчас начальник тебя вызовет, будет должности предлагать. Бесконвойных у нас на колонне мало, нарасхват! Он тебе всякие работы станет предлагать — так ты дурачка разыгрывай перед ним. Вроде как в детской игре: черного и белого не покупайте, «да» и «нет» не говорите! А должность я сам тебе подберу подходящую...

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА.

В бревенчатом кабинете восседал Начальник, разумеется, под портретом Сталина в рост и Берии — по грудь. Он приветливо встретил вошедшего, но вместе с тем и удивился.

— Что-то я тебя у себя на колонне не примечал! Где ты работаешь? Любишь ты свою работу? Грамотен ты?

— Ды-к как, гражданин начальник, сказать, грамотен-неграмотен?.. Сказать, гражданин начальник, как бы свою работу понимаю более-менее, как я есть дезинфектор и дело это, как бы сказать, привычное, а все больше болею... и староват.

Начальник был поражен и пробормотал что-то вроде: ну и дураков же господних Василенко на расконвоирование шлет!

Все так и получилось, как везде, где бразды правления находятся в руках зековских, а начальство только воображает, будто распоряжается. Склад горючих и смазочных материалов, где теперь работал Вальдек, устроили в одном километре от зоны с ее вышками, фонарями и собачьим воем.

Выгородили колючкой прямоугольник тайги, сразу у трассы, в полусотне метров от рельсов. Поставили две цистерны — с соляркой и бензином. Да еще массивную третью емкость для смазочного масла. Срубили избушку-полуземлянку, на что пошло, как потом сосчитал в часы бессонницы Рональд, ровно 48 толстых слег. Вставили без рамы два стекла — спереди, с видом на трассу, и заднее — взгляд на цистерны и бочку. Поставили печь из бочонка, которая должна была топиться непрестанно дровами и соляркой: Рональд приспособился ставить банку с этой жидкостью в печь, она дымно горела, поддерживая и пылание сырых плах. Пол был тоже из щербатых, плохо тесанных топором бревен; потолок, засыпанный сверху землей, лежал прямо на верхнем венце сруба, прихваченный скобами. Кровля — толевая, на слегах. На эту кровлю часто садились белые полярные совы и куропатки. В окошке, что выходило в сторону трассы, сразу за нею, бывало, мелькали в снежной пороше зайцы и песцы. Обязанность у пожарника одна — не укрывать зеков с блядями, не хранить чаю для чифиристов и не допускать утечки либо похищения горючего. И Рональд стал писать по 20 часов в сутки!

Тем не менее автор с беспокойством чувствовал — работа затягивается: уж очень широко он размахнулся! Тревожился и заказчик: ему-то, постоянно вертящемуся около начальства, как было не знать, насколько шатко все положение строительства: финансовые затраты на стройку оказались много выше плановых, а толку никакого! Задуманная гением Вождя трасса, как становилось все очевиднее, никому не была нужна и пользы не сулила, во всяком случае, на близкое будущее: в железнодорожном сообщении между низовьями Оби и Енисея покамест не нуждались ни тюлени, ни белые медведи, как шутил тот самый Ласло, что трудился на соседней колонне, а раньше профессорствовал в Будапеште. Кстати, Рональд с ним переписывался и советовался, получал от него дельные справки о старой Англии...

Удивительная была зима!

В большом мире возник и консолидировался Североатлантический союз НАТО, шла корейская война, Европа уже начинала забывать потрясения военных лет; стало распространяться телевидение; действовал план Маршалла; рвались на испытаниях первые атомные и водородные бомбы; в советских газетах печатались бесконечные «потоки приветствий» Сталину к его 70-летию, минувшему еще год назад; советская лингвистическая наука спешно перестраивалась «в свете сталинского учения о языке» после выхода брошюры «Марксизм и вопросы языкознания», объявленной гениальным вкладом Сталина в сокровищницу мировой коммунистической идеологии; в Стране Советов прошла мощная кампания 1948 года по возвращению в лагеря так называемых «повторников», то есть лиц, выживших в заключении с улова 1937—1938 гг., отбывших свои тюремные и лагерные сроки и... вновь возвращенных по указанию Сталина в лагерную неволю. А в среде зековской втихую пошли толки насчет этапов и... будущих новых колышков.

Василенко хмурился и слегка поторапливал «батю-романиста». Из-за крайней экономии бумаги (она и всесильному Василенке доставалась все же не без хлопот) Рональд перестал делать наброски и черновики, как вначале. Весь третий том своего романа он писал прямо в тех блокнотах с почтовой бумагой, что Василенко получил с воли в виде авиапосылки, сброшенной прямо над тайгой. Но этот черновик, изобилующий поправками, разумеется, не годился для отсылки высокому адресату — Вождю народов. Требовалось каллиграфически переписать роман и оформить его так, чтобы августейший глава государства, партии и народа смог бы взять его в свои державные руки!

Бумагу для чистого экземпляра Василенко достал в управлении. Решено было каждую часть оформить в виде отдельного тома, в соответствии с трехча-

стным членением романа «Господин из Бенгалии». Требовалось должным образом переплести и оформить все три тома. Помог в этом очередной этап заключенных из Прибалтики. С этим этапом прибыл на Север и сразу угодил на штрафную (верно, попался с нарядчиком где-нибудь на Ермаковском ОЛПе либо еще как-нибудь «залупился») молодой эстонец. Парень, вероятно, был решительный или, как говорят в лагерях, «с душком», потому что ухитрился добраться до конечной колонны в красивой заграничной рубахе темно-синего шелка. По манию руки нарядчика Василенки рубаху с парня тут же «сблочили», кинувши взамен какие-то отрепья. Парня припугнули, заставили выполнять норму в тяжелой бригаде, показали, что жизнь его висит на очень тоненькой ниточке. Он смирился и притих, а рубаха синего шелка пошла на... переплеты трех томов (третий еще только писался) и на обложку для папки с письмом товарищу Сталину. Такое письмо Рональд сочинил от лица «дяди Валеры» как якобы автора сего исторического произведения...

Писание подходило к концу. Сюжет продолжал уже, что называется, сам собою ветвиться, как коралловый риф... А возникали все новые персонажи, и приходилось порой возвращаться к прежним главам, переписывать их. Так было с главой о иезуитах... Мозг становился более гибким. Подчас, ложась спать, Рональд давал голове своей задание: вспомнить чье-то имя или дату, исторический факт и т. д. Вот так, из некой сложнейшей ассоциативной мозаики, удалось выпутать и извлечь полное имя основателя ордена дон Иниго Лопец де Рекальдо Лойола! Иногда эти усилия доводили автора до галлюцинаций, повышенной температуры, сердечных приступов. Ведь роман писался без взгляда на карту, без элементарного справочника. Под самый конец третьего тома удалось мельком просмотреть «Политический словарь». Извлечь из этого примитивного издания что-то дельное было невозможно, но даже беглый взгляд на карты Франции, Англии, Италии и Испании сразу несколько облегчил писательство.

Главу он заканчивал недели за две. Когда поспевали и две сюжетно однородных главы. Василенко потихоньку собирал в бане на колонне всю аристократию, до трех десятков человек. Приходили главные воры — Никола Демин по кличке «Рокоссовский», пятидесятилетний пахан Илья Экскаваторщик, Костя-Санитар, затем «сенаторы» колонны — ведущие бригадиры, лучшие ударники (обычно «туфтовые», то есть фальшивые), лепило, нормировщик, стажер-экономист Феликс Браверман из Молдавии, Ваня-Малыш, счетовод Павел Куликов... Ведро чифиря подавалось открыто — снаружи стояли на стреме самые надежные шестерки — и так шло чтение. Успех его... пытаюсь здесь живописать. Ибо Василенко был ревнив к славе, а ни один из присутствовавших не сомневался в том, кто же сочинитель романа. Тем не менее Рональд неизменно предупреждал товарищей: хвалите, дескать, не меня, а его. Когда слушатели забывали это предостережение и обращались исключительно к автору, «заказчик» хмурился и мучительно страдал. На другой день Рональд ощущал, что питание ухудшилось, исчезало курево и будто что-то черное нависало над его головой.

Тем временем нашелся переплетчик, создавший действительно красивые обложки из картона и синего шелка. Заказчик обрел, наконец, и настоящего мастера книжной миниатюры для заставок, буквиц, мелких иллюстраций, виньеток. То был осужденный за подделку денег гравер с двадцатилетним сроком и изголодавшимся лицом. Он украсил книгу поистине художественными миниатюрами.

Среди лагерных читателей «Господина из Бенгалии» Василенко нашел умного и на редкость симпатичного артиллерийского капитана, начальника штаба боевого артдивизиона наших оккупационных войск в Германии. Его осудили военно-полевым трибуналом к 10 годам. Звали капитана Михаилом Ермиловым. Это был начитанный, честный и великодушный человек, лет под тридцать, очень страдавший от лагерной «романтики». Книга Рональда ему полюбилась. Однако он считал, что, взяв на себя этот заказ, Рональд Вальдек пошел на огромный риск. «Василенко постарается непременно убрать вас, Рональд Алексеевич, как только вы поставите точку. Этот человек из грязной среды, завистливый, мстительный и едва ли вполне уравновешенный. Он побоится, что вы сможете помешать его спекуляциям с книгой. На вашем месте я перестал бы играть в кошки-мышки и убрался бы с этой колонны. Пусть роман останется немного недописанным — когда-нибудь вы к нему вернетесь!»

Вскоре подозрения Михаила подтвердились.

Само лицо Василенки выдавало какие-то недобрые замыслы, а его шестерка, второй переписчик — субъект завистливый, злой и нечистоплотный,— делался то приторно вежлив, то откровенно скалил зубы и урчал в ответ на замечания по поводу ошибок в переписке.

И однажды под вечер, когда Миша Голубничий явился к Рональду на склад ГСМ с готовыми листами, лица на нем, как говорится, не было. Бледный, заикающийся, он поставил на доски стола котелок с едой, положил стопку переписанных листков в сторонку и почти разрыдался. Его буквально колотил озноб.

— Что, плохие вести? — спросил хозяин-пожарник.

Миша только отмахнулся. Мол, лучше не спрашивайте! Просто... спасайтесь!

— Послушай, Миша! Я ведь не очень цепляюсь за это наше земное бытие. Понимаю, что ты боишься открыть мне что-то важное. Тебя запугал Василенко? Ты обещал ему молчать передо мною?

— Да. Поклялся даже! Но... послушайте вы меня: переходите на другую колонну. Ведь вам помогут вольные! У вас есть в управлении знакомые! Не рискуйте далее ни часом. Вот все, что могу вам сказать!

Миша таился недолго и признался, что ночью сам Василенко явился в медпункт, где положили заболевшего вора-суку, и долго с ним шептался. Потом разговор стал слышен из-за стенки, ибо оба заговорили громко, вслух. Василенко передал вору тысячу семьсот рублей — за эти деньги вор должен убить «батю-романиста», когда тот явится в зону, чтобы помыться в бане. Подкупленный ворюга сразу по уходе Василенко позвал в медпункт других блатных, составился «банк», и к утру ворюга уже просадил в буру все деньги Василенки. Судьба «бати-романиста» была решена!

— Вызови ко мне сюда, на склад, нашего экономиста Феликса,— попросил «батя».— Думаю, что выкрутимся. А если нет — что же, я и не очень хотел!

Феликс пришел. Василенку он ненавидел, презирал, считал подонком и негодовал на Рональда: зачем тот помогает обыкновенному лагерному жулику рядиться в перья литератора? До сих пор Рональд только отшучивался. Теперь настала пора поговорить серьезно.

— Вот, Рональд Алексеевич, и достукались! Не я ли вас предупреждал? Попробуем, однако, воевать с Василенкой по-умному!

После недолгих обсуждений пришло такое решение: Рональд пока не должен носа совать на колонну. А Феликс уговорит Василенку послать роман (первые два тома — третий еще только шел к концу) как бы на литературную экспертизу к знатоку литературы, авторитетному для Василенки. Таким авторитетом был, например, прораб на 28-й колонне Алексей Иванов, с которым Василенко работал вместе до перехода нарядчиком штрафной. Иванов в прошлом был ленинградцем, знал толк в литературе, служил в Институте истории материальной культуры, у Марра, и мог произнести дельный приговор всему начинанию с романом.

«Эксперт» Иванов не мог долго задерживать у себя чужого посыльного, тем более расконвоированного зека. Он обещал просмотреть оба тома как можно быстрее и велел Мише явиться эдак через неделю...

Вскоре Миша пришел от Иванова и рассказал вещи потрясающие! Оказывается, Иванов давно слышал о затее Василенко и весело над нею потешался. Когда же стал читать роман, думая поострить и посмеяться, то... прочел за трое суток оба тома, требовал поскорее прислать ему последний и написал Василенке письмо, которое перед запечатыванием дал прочесть и посланцу Мише. Там говорилось примерно следующее:

«Я взял это сочинение, чтобы высмеять его. Прочитав, вижу, что у нас тут нет критиков для такой вещи. У нее будет большая судьба. Передай от меня глубокое уважение Р. А. (эту фразу Миша запомнил дословно). Ни в коем случае не вздумай выступать единоличным автором романа — ты не сумеешь его защитить, в случае вопросов. В качестве соавтора, может быть, проползешь (это слово Миша тоже запомнил в точности). Постарайся изучить содержание и смысл романа».

Такое «экспертное» заключение сулило делу некий новый оборот!

И действительно: уже в обеденный час того же судьбоносного весеннего денька явился к Рональду в землянку сам нарядчик Василенко! В руках он держал мощный голубой блокнот. На его первой странице Рональд заметил длинный столбик каких-то слов одно под другим, с изрядными пропусками. Что бы все это значило?

— Старик! — заговорил нарядчик тоном задушевным и ласковым.— Ты переутомляешься! Отдохни! Давай вот, отдыха для, потолкуем с тобой. Первонаперво: я ведь гляжу на этот наш роман словно бык на новые ворота! Ведь кое-кто у нас его читает, мне, натурально, вопросы задают. А я... ничего сказать не могу. Вот давай объясни мне тут кое-какие слова. Буду записывать! Растолкуй, что такое палаццо? Кто такой Везувий? Где у нас будет Барселона? Кто такие иезуиты?

Записывал он ответы Рональда добрых полчаса. Потом глубоко вздохнул и грустно махнул рукой.

— Нет, старик, мне это все так быстро не освоить! Придется еще не раз нам толковать о непонятном... А время бежит... И, главное дело, надо роман дo конца довести. Только вот что, батя! Давай мы с тобой вместях его подпишем. Желаешь? По рукам?

— Мне это не больно надобно. К твоему ходатайству перед Сталиным о помиловании я не собираюсь присоединяться: срок уже остается невелик, если зачеты не отменят. Не успеет сработать вся эта госмашина, даже если и положительно решит наши судьбы. Так что смотри, дядя Валера, я не очень заинтересован ставить официально свое имя на моей книге.

— Так ведь ее беспременно напечатают! Тогда и у тебя интерес будет — ведь мне деньги не нужны. Мне бы только... волюшку от Сталина добыть! Будем вместе его просить! А коли начнут нас спрашивать в политотделе про этот роман — тут уж пойдем отвечать вместе: я буду красиво помалкивать, а ты — об этих... иезуитах и везувиях толковать.

Так миновала непосредственная угроза гибели Рональда Вальдека от ножа наемного убийцы. Как впоследствии, однако, выяснилось, конфликт в воровском мире все же возник. Ибо вор, получивший деньги вперед, проиграл их, а Василенко стал требовать свои 1,7 тысячи обратно, поскольку надобность резать батю миновала. Вор же твердил свое: не нужен тебе батя — дай мне любой другой заказ, и я тебе представлю труп в лучшем виде. Замечу наперед, что вопрос этот разбирался впоследствии на воровском толковище другой, более строгой штрафной колонны — лагпункта № 25. Там, в бараке усиленного режима (БУР), воры решали, как быть с деньгами Василенки. Тем временем сам Рональд уже трудился как расконвоированный топограф строительства, и от его «хитрой трубки» зависели замеры объемов выполненных работ, то есть практически размер пайки у работяг шести колонн и лагпунктов. Как стало известно впоследствии (это повествование было записано одним из участников толковища — Мишкой-Чумой, он же Мишка-чифирист, он же Михаил Демин), в защиту «бати-романиста» выступил старый вор — пахан Илья Экскаваторщик, которому, по документу, было уже более полувека — редчайший возраст для вора в СССР. На толковище он сказал:

«Я тоже — онанист! (Илья хотел сказать: гуманист). Я тоже люблю хавать культуру. Батя-романист — человек! И к тому же — «хитрая трубка»! Он не гад. И к тому же — битый фрей, голубых кровей. А Василенко — это так, мелкосучий аферист. Он еще, сколько ему надо, у работяг накурочит. Значит, я говорю, Василенке долг не вертать. А за Костиком считать должок не Василенке, а нам, обществу. Как у нас явится надобность кого пришить — пусть Костик и представит нам тело. Я кончил. Кто за это предложение?»

Оно было принято. Батя-романист остался под охраной воровского закона.

А что до романа «Господин из Бенгалии», то и впрямь его судьба была многотрудной, но в конечном итоге победной. В конце концов он увидел свет примерно на 11—12 европейских языках... Это стало возможным лишь в конце 50-х годов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя Роберта Штильмарка хорошо известно читателю по его остросюжетному роману «Наследник из Калькутты». Нетрудно угадать, что «Господин из Бенгалии» — «псевдоним» именно этого произведения, а в главном герое Рональде Вальдеке можно узнать самого автора. Реальные прототипы есть и у помощников нарядчика, и у Василенко (с которым долгие годы, уже после освобождения, продолжалось сражение писателя за восстановление истинного авторства романа, к счастью, окончившееся успешно).

Все главы повествования «Горсть света», отрывок из которого вы прочли и которое Роберт Александрович считал самой важной своей книгой и дорабатывал до самых последних дней жизни, документальны. Хотя подчас они представляются по меньшей мере фантастическими, лишний раз доказывая, что подлинная история страны превосходит самое изощренное воображение. Судьба московской семьи немецкого происхождения в предреволюционной России, картины гражданской войны и быта 20-х, сюжеты из фронтовых будней Великой Отечественной и лагерного существования — почти целое столетие отечественной истории...

При жизни автор не надеялся увидеть книгу опубликованной. Да и после его смерти судьба ее была не из самых легких. Мы рады, что теперь можем познакомить вас с одной из интереснейших работ о горькой и удивительной истории нашей страны, увиденной и описанной современником и участником событий. Полностью роман выходит в издательстве «Огонек»-«Вариант».

Стихи этого поэта мы впервые услышали от Наума Коржавина. Многие литераторы старшего, фронтового поколения помнят их наизусть, но имя автора большинству неизвестно. «Найдите хоть какой-нибудь след!» — просил Коржавин, но как искать безымянного? Выполнить его просьбу тогда не представлялось возможным.

Недавно в редакцию «Огонька» пришел писатель Исай Кузнецов. «Вот подборка Мирона Левина,— сказал он,— посмотрите, очень интересный поэт». И передал те самые стихи, которые весной читал нам Коржавин...

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

МНЕ Б ЖИТЬ ДА ЖИТЬ!..

О Мироне Левине я услышал впервые от Александра Галича или Всеволода Багрицкого в самом начале войны. Короткие, по-особенному лаконичные стихи запоминались с ходу. «Пейзаж» — восемь строк. И еще — десять: «На дороге столбовой умирает рядовой». Всего два стихотворения, привезенные кем-то из Ялты...

Говорили, что ленинградский поэт Мирон Левин тяжело, неизлечимо болен, лежит в одной из ялтинских больниц санаторного типа, что у него туберкулез. Так говорили. Большего о нем никто из моих знакомых не знал.

От Михаила Львовского слышал, что стихи Мирона Левина ходили по Литинституту в сорок третьем году.

Приблизительно в это время, может, чуть позже, в сорок четвертом на фронте я получил письмо от одного своего друга. В письмо было вложено несколько листков со стихами Мирона Левина, уже покойного. (Кажется, он умер в сорок первом.) Среди тех стихов — с десяток тонких, каких-то акварельных по тону миниатюр, посвященных Ленинграду, Крыму, болезни, предчувствию скорого конца. И «Баллада разумного старика» с рефреном: «Мне б жить да жить! Других желаний нет. До сотни лет готов я жить на лучшей из планет». И там же, в этой балладе, навсегда запомнившиеся строки:

Но час пробьет, и я умру.
Поплачьте надо мной
И со слезами, поутру,
Заройте в шар земной.

Вернувшись в Москву, я долго пытался узнать что-либо о личности Мирона Левина, но безуспешно. Людей, лично знавших его, встретить не довелось.

Убежденный в том, что в сорок первом году в Ялте ушел из жизни понастоящему большой поэт — ушел безвременно,— уверен, что имя его не должно быть преданным забвению.

Может быть, кто-то знает о нем больше. Я — только это.

Исай КУЗНЕЦОВ

Мирон ЛЕВИН

* * *

Начинается война
И кровава, и длинна.
В лазаретах запах пота
И солдатского сукна.

Трупы, трупы, как грибы.
Рядом делают гробы.
Мы не мертвы: мы устали
От походов и пальбы.

* * *

На дороге столбовой
Умирает рядовой.
Он, дурак, лежит, рыдает
И не хочет умирать,
Потому что умирает,
Не успев повоевать.
Он, дурак, не понимает,
Что в такие времена
Счастлив тот, кто умирает,
Не увидев ни хрена.

* * *

Я ночью вспоминаю жизнь свою.
Она проходит в долгих поражениях.
Чем старше я, тем меньше узнаю
Себя в поступках,
в промахах, лишениях.

Но день настанет — зрелости черед.
И я себя узнаю в каждом шаге,
Когда победа долгожданная придет
И ляжет крупным словом на бумаге.

НЕПРИЯТНОСТИ

Мое богатство

Больничная койка,
Халат и белье,
В бутылке настойка —
Богатство мое.
Богатство, богатство...
Но я небогат:
Белье да лекарство,
Постель да халат.

Дисфония

Голос тихо исчезает,
Оставляя одного.
Так товарищи бросают
Тело друга своего.

Бессонница

Опять наступает
Привычный финал:
Четыре часа...
Не помог веронал.

Не спит человек
И не может уснуть.
И вот он в далекий
Пускается путь.
Идет на веранду,
Садится впотьмах.
Казенный халат,
Папироса в зубах...

Он видит, закрывши
Глаза, вдалеке
Свой город любимый
На дальней реке.

ПОРАЖАЮЩЕЕ ВРЕМЯ

14 апреля

Оставьте! Не трогайте! Бросьте!
С утра поднялся тарарам,
С утра телефонные гости
Звонили по всем номерам.

Голубчики! Вы им не верьте!
Они ни с того ни с сего.
Он умер совсем не для смерти,
И тлен не коснется его.

* * *

У нас еще не отняты права:
Мы говорим веселые слова.
И только в звонкой доблести острот
Пред нами жизнь,
как подвиг предстает.

КРЫМ

Здесь птица, поднятая окликом,
Летит и делается облаком,
Здесь скалы соснами увенчаны,
Здесь камни — плачущие женщины.

О, если б мы могли, могли бы
Перевернуть все эти глыбы,
Чтоб вместо плачущих камней
Увидеть скачущих коней,

Чтоб великан колоду скал
Между ладоней пропускал,
Чтоб птицы, поднятые криками,
С обрыва в облако не прыгали.

ПЕЙЗАЖ

Из ватной тучи,
Тучи-пакли,
Упали серенькие
Капли.
Они летят еще,
Но вскоре
Все эти капли —
Капли в море.

НЕЧАЯННЫЕ РАДОСТИ

* * *

Я вспоминаю очень старый
Рисунок женщины с гитарой.

Она сидит, совсем нагая,
Размытой тушью создана,
Рукою струны раздвигая,
Сама прямая, как стрела.

Она сидит и смотрит еле
На вас, глядящих на нее,
Чтоб вы с волненьем разглядели
Бесстыдство хрупкое ее.

ЕРУНДА

Ничего не поделать —
К позору, к стыду,
Дорогой человек
Написал ерунду.

Но, когда вспоминаешь
Поступки, года —
Понимаешь,
Что можно простить: ерунда!

* * *

И все-таки, милый, и все-таки
Об этом молчок, никому!
Мы тайное имя красотки
Не вымолвим даже ему.

А если попросит, попросит,
И тут не откроем секрет —
Мы тушью на чистой бумаге
Ее нарисуем портрет.

* * *

Душа моя! Милая птица!
Пернатый комочек тепла!
Прости меня, надо проститься,
А ты и простить не смогла.

Часами страдала от скуки,
Плела о безумной любви...
Ну, что ж! Разожми мои руки
И выше меня поживи.

ИЗ ДЭВИДСОНА

* * *

Крепчает ветер за окном,
И дождь стучит в окно.
Опустим штору, милый друг,—
Вокруг темным-темно.

Опустим штору, милый друг,
Кругом темным-темно.
И вспомним милых нам людей,
Которых нет давно.

У СЕБЯ ДОМА

Стучится дождь в мое окно,
И небо все мутней.
Игла барометра ползет
К черте ненастных дней.

И ветви клена у окна
Висят, оголены,
И дни привольного житья
От нас удалены.

БАЛЛАДА РАЗУМНОГО СТАРИКА

Стакан вина!
Мне б жить да жить!
Других желаний нет.
До сотни лет
Готов я жить
На лучшей из планет.
Но старость — черт ее дери! —
С котомкой и клюкой
Стучится — черт ее дери! —
Костлявою рукой.

Могильщик думает: «Ну-ну!
И твой пришел черед!»
Но я до сотни дотяну,
Скажу вам наперед.
До сотни лет
Мне жить и жить
На лучшей из планет!
Стакан вина!
Мне б жить и жить!
Других желаний нет.

Но час пробьет, и я умру.
Поплачьте надо мной
И со слезами, поутру,
Заройте в шар земной.
Чтоб солнце — черт его дери! —
Светило круглый год!
Чтоб утром — свет,
Чтоб ночью — тьма,
А в шесть часов — восход.

Стакан вина!
Мне б жить и жить —
Других желаний нет.
До сотни лет
Готов я жить
На лучшей из планет!

Светская хроника

ДОРОГОЙ АРНОЛЬД

Известный американский актер, спортсмен, красавец Арнольд Шварценеггер рассказал корреспонденту журнала «New Idea», что одна из его фанатичных поклонниц предлагала ему 5000 долларов за одну проведенную с ним ночь. Она мотивировала это тем, что не занималась сексом с тех пор, как умер ее муж, причем была крайне настойчива — дня не проходило без ее звонка.

Шварценеггеру пришлось уже четырежды менять номер телефона, чтобы избежать подобных инцидентов. Интересно, много ли найдется отечественных звезд, которые в отличие от непрактичного Арнольда отказались бы от столь выгодной сделки?

БЕРИ ШИНЕЛЬ!

Несмотря на всеобщий скептицизм по поводу конверсии в СССР, она продолжает распространяться как вширь, так и вглубь. В спортивном магазине «Динамо» в Нижнем Новгороде появились в продаже удобные и добротные офицерские шинели. Цена в зависимости от размера от 120 до 180 рублей.

По свидетельству сотрудников магазина, этот экзотический товар поступил к ним из военного округа, возглавляемого небезызвестным генералом Макашовым, который не раз публично демонстрировал свое презрение к рыночным отношениям. Расходится непривычный товар пока медленно: за три месяца купили три шинели. Лиха беда начало. В скором времени, как заявила заведующая магазином, ожидается поступление в продажу офицерских фуражек различных родов войск.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ И СУПЕРЗОМБИ

Кашпировский, Джуна, Чумак и другие кудесники-профессионалы являют собой угрозу для человечества. Их телесеансы провоцируют массовое сумасшествие, болезни, смертность зрителей. Откуда такая кровожадность? Оказывается, экстрасенсы работают на мировой сионизм. Во имя геноцида славян, среди которых в результате этого все больше психомутантов.

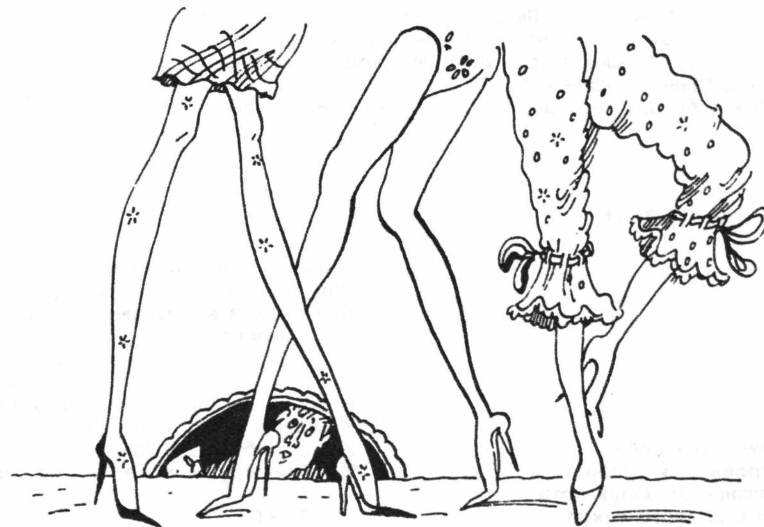
Таково мнение Тодора Дичева, доктора философских наук, врача-эколога, директора института биоэнергетики и экологии человека. Тодор Дичев выступил с циклом лекций в Минске. Слушатели узнали потрясающие факты. Оказывается, самыми неогражденными от сатанинских сил являются талантливые люди и политические деятели. Тяжело сейчас Президенту СССР Горбачеву — он находится в эпицентре психотронной войны, разразившейся в СССР и странах Восточной Европы. Между тем президент США Буш, имеющий «заслон» из 16 биоэнергетиков, практически неуязвим.

И, как следовало ожидать, особо лакомым кусочком для экстрасенсов — слуг мирового сионизма является Борис Ельцин, которого, по мнению Тодора Дичева, превращают в биоробота...

ЩЕДРАЯ ЖАКЛИН

Сергей Ефимов, барабанщик знаменитого «Круиза», ушел в продолжительный творческий отпуск. За время отпуска ему удалось записать музыкальный материал для нового состава группы «Маркиза». Кстати, эта группа, в которой Ефимов занял достойное место, играя на барабанах и ритм-гитаре, будет участвовать в супер-шоу имени Силвестра Сталлоне — «Сталлоне Рокетс». Маме Силвестра — Жаклин Сталлоне — настолько понравилось то, что делали на сцене вышеупомянутый Ефимов и Е. Соколова, атаманша «Маркизы», что она предложила им заключить годичный контракт для участия в этой новорожденной музыкально-спортивно-сексуальной акции. Поговаривают, что сумма, которая оговаривалась в соглашении, оказалась рекордной для всех подобных контрактов между советскими музыкантами и западными менеджерами.

АПОЛОГИЯ МИНИ-ЮБКИ

Видимо, ко всему привыкшая и уже ничему не верящая Москва все-таки скоро будет потрясена: в середине августа в столицу ожидается вторжение Испанского театра моды. Театр привезет в СССР три своих спектакля: «История мини-юбки», «Купальные костюмы мировых пляжей» и «Нижнее женское белье». Под этими фривольными названиями, как обещает театр, скрываются глубокие социальные исследования духовной жизни современной Европы, а мини-юбка — символ демократического выбора Испании. Те, кого этот выбор мало волнует, получат возможность увидеть почти ничем не прикрытую сущность курортной жизни в Бразилии (пляж Капакабана), на Кубе (знаменитое Барадеро), в Греции (Итака) и в СССР (Сочи, известный своими темными ночами). Костюмы, демонстрируемые театром, дают возможность всесторонне ознакомиться с участницами шоу, среди которых мисс Барселона-89, мисс Сант-Бойя-90 и королева всего испаноговорящего мира мисс Испанидат-90.

Киноконцертный зал «Октябрь», где состоится праздник испанской моды, едва ли когда-нибудь раньше видел такое количество длинных ног и голых плеч. Организаторы гастролей из культурного центра «Арт модерн» слегка опасаются за моральную устойчивость отечественного зрителя.

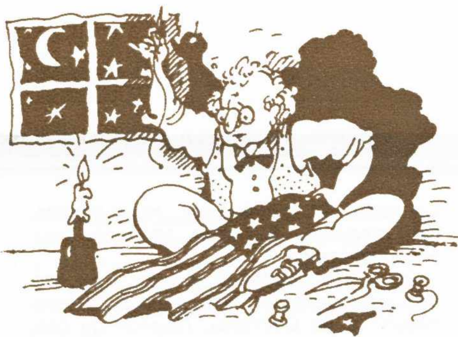
МИР УВЛЕЧЕНИЙ

ХОЧУ ПОЦЕЛУЯ!

Житель бразильской столицы Жозе Алвису ди Моруа приобрел скандальную славу среди населения этого города благодаря своему необычному хобби. Или, если хотите, коллекции. Ловко проникая на приемы, банкеты и встречи на высшем уровне, он норовит публично облобызать какое-нибудь официальное лицо или знаменитость. Чем знаменитее, тем лучше. Как правило, это ему удается и даже сходит с рук.

Правда, недавно у него случился «прокол». Просочившись в посольство, где президент Фернандо Коллор ди Мелу вместе с гостями ждал появления наследника британского престола с супругой, Алвис преждевременным ликованием привлек к себе внимание охраны и был выставлен из зала. Говорят, пятидесятилетний португалец тяжело перенес эту неудачу. Хотя «побед» за ним числится немало: при всем честном народе ему удалось поцеловать Фрэнка Синатру, Пеле, Хулио Иглесиаса, Генри Киссинджера и даже папу римского Иоанна Павла II...

С ЧЕСТЬЮ СПРАВИЛИСЬ С БЕДОЙ...

...городские власти Харькова. Американский флаг, водруженный на здании горсовета по случаю приезда делегации из города-побратима Цинциннати, под покровом ночи кто-то украл. Запасного флага, как водится, не держали... Но отцы города, пренебрегши ночным отдыхом, поставили на ноги весь Харьков и смогли найти мастеров, сшивших за одну ночь точно такой же. Американцы не заметили, а если и заметили, то вида не подали.

ГОСПОДИН КАНДИДАТ

Презентацию одного из страховых обществ в ресторане гостиницы «Москва» посетил Владимир Вольфович Жириновский. Экс-кандидат в президенты в отличие от телевизионных шоу вел себя вполне корректно, руками не махал и криком не кричал. В ресторан он зашел со своим восемнадцатилетним сыном Игорем. И тот, и другой любезно согласились ответить на несколько вопросов. Игорь, как и отец, избравший профессию юриста, сказал, что верит в отца, знает, что тот будет президентом, а в этот раз не выиграл лишь потому, что был поставлен в неравные условия. Еще он добавил, что быть сыном кандидата в президенты — это совсем его не раздражает. По словам Игоря, и его мать, тоже юрист, верит в будущие победы Владимира Вольфовича.

Сам же Жириновский делает, как известно, ставку на выборы президента СССР, причем шансы свои оценивает высоко. На вопрос о том, какой должна быть семья президента, он ответил, что человек, который занимается всерьез политикой, может себе позволить одного, ну, от силы двух детей. И что американские семейные идеалы нам не подходят.

СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ

Трагическим событием было омрачено празднование Дня города в славном Петрозаводске. На беговой дорожке погиб многообещавший участник легкоатлетического забега, придавленный осколком стекла. Четыреста зрителей проводили в последний путь неудачника. Его тело было вручено в качестве сувенира зрителю, сделавшему самую большую ставку на первых в городе тараканьих бегах.

Организатор бегов и поставщик тараканов — городской молодежный центр «Оракул» — имеет в своем штате и тренера рыжих спортсменов. Пожелав остаться неизвестным, этот достойный джентльмен все же сообщил, что деньги, вырученные на соревнованиях, пойдут на развитие деятельности центра. Наши тараканы (кухонные), по свидетельству специалиста, пока явно уступают в скорости своим «коллегам» из стран Западной Европы, но имеют хороший генофонд, что объясняется историческим фактом происхождения европейских тараканов от русских, завезенных туда из России соратниками Петра I.

Любопытная деталь: на соревнования по старой традиции, принятой во всем мире, не допускались женщины.

АУ, ПРИНЦЫ!

Вряд ли подозревала обычная московская девушка Света Герасимова, что вариации на тему Золушки возможны и в наши дни. Наверное, меньше всего думала она об этом, перетаскивая мешки с мукой на практике, куда ее послал родной кулинарный техникум. Одно было ясно: раз уж внешностью не обижена, надо попытаться покончить с такой жизнью. А тут как раз конкурсы красоты вошли в моду. Света решила попробовать — и одно за другим попадания в финалы, успех, предложения работать фотомоделью... За короткое время ей удалось побывать в Германии и Голландии, отказаться от контракта с «Плейбоем» (уж слишком кабальные условия) и поработать для солидного гамбургского издания «Нойе ревю». Кстати, ее коллегой по работе в этом издании была столь любимая у нас итальянка Сабрина. «Женщина она простая, общительная,— вспоминает Света,— совсем как наши русские девушки. Только гонорар у нее во много раз больше моего...»

Сейчас она охотно фотографируется для плакатов и календарей, потому как любит свою работу. И ждет серьезных предложений. А предложения делают всякие. После конкурса «Супермодель» Андрей Макаревич пел специально для нее. Вконец очарованный Крис Кельми, герой «ночных рандеву», не удерживался от щедрых комплиментов и не скупился на предложения встретиться. Но Светлане все же кажется, что это не совсем то. Ждет принца. Для читателей «Светской хроники», которые себя таковыми считают, сообщаем: размер Золушкиной туфельки — 36.

ЖЕЛТАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА В МОСКВЕ

В июле состоялось событие, которого давно ждала культурная Москва: открылась выставка Питера Макса, американского художника, дизайнера, оформителя, наиболее известного в качестве автора мультфильма «Желтая подводная лодка». Сначала прошло первое ее открытие, для узкого круга. На другой же день был открыт доступ всем, кто смог выстоять очередь.

...Сам Питер Макс прибыл на открытие во всем черном — костюме, очках, лимузине. Приветственные крики толпы казались на редкость хорошо организованными — стройный хор с явными следами обучения на английских курсах выкрикивал: «Хай, Питер!» Выставка открылась с размахом. Одна из стен выставочного зала была сплошь уставлена телевизорами, по каждому из них показывали ознакомительный фильм про Питера Макса. Сам он раздавал автографы и разрисовывал желающим футболки, причем специальный фотограф специально все это снимал. Мальчики из американской телекомпании ловили хорошеньких советских девочек и выдавливали из них восторженные слова по поводу выставки, причем исключительно по-английски. Видимо, наметанный операторский глаз безошибочно находил людей со знанием языка. На открытии выставки присутствовал и постоянно сопровождал Питера Макса Стас Намин. Он водил художника по его собственной выставке и говорил хорошие слова. Питер Макс слушал с большим удовольствием.

Единственное разочарование случилось у посетивших открытие выставки: им так и не удалось дождаться обещанных значков и сувениров. Может, как раз поэтому посетители с интересом и завистью косились на одинаковые футболки, в которые были одеты все члены команды, обслуживающей выставку.

ПРИЯТНО ОКУНУТЬСЯ!

В хлебном городе Ташкенте впервые за всю историю города под сенью стадиона «Текстильщик» состоялось водное крещение Евангельских христиан-баптистов в количестве 70 человек. То ли из-за количества крестимых, то ли из-за отсутствия более подходящей емкости для этого святого дела был использован бассейн при стадионе. А крещение проводил пастор церкви Евангельских христиан-баптистов из Далласа с экзотическим именем Сон Ен Хо.

В выпуске использованы материалы агентств «Евро-Икс» и «Студинформо».

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Андрей Болтенко, Вера Лаврешина, Дмитрий Быков, Наталья Латушкина, Игорь Литвак, Василий Тяни-Толкаев и другие.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07. Рисовала Евгения Двоскина. Фото Игоря Литвака.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

ОТДЕЛ ИСКУССТВА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ЗАКУЛИСЬЕ

«За вынужденное увлечение политикой приходится дорого платить... Отказом, пусть и на время, от главного своего дела», — считает режиссер Валерий Фокин.

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ

«Устали мы от «чернухи», и вот вам, пожалуйста, — «светлуха» на черную тему. Так, пожалуй, только Рязанов и умеет».

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Александр Терехов: «Счастливо вам тут погулять после нас».

Как славно все начиналось... Какие смелые речи с трибун, какие отчаянные слова с телеэкранов, а уж на театральной сцене — так просто чистая крамола. «Говори!» в ермоловском, «Диктатура совести» в Ленкоме... «Ура! Любимов вернулся!»

Толпы у касс, театры брались с боя. Взрывной учредительный съезд СТД в 1986 году казался таким прорывом в будущее, который невозможно остановить. А главное — ощущение праздника свободы, вечного и неудержимого. Правда, уже тогда находились осторожные и неглупые люди, замечавшие вскользь, что праздник как-то уж очень напоминает карнавал, где весьма знакомые персонажи прямо на ходу, как говорится, в вихре танца, лихорадочно меняют маски. Но кто же это, когда и где в разгар праздника прислушивается к осторожным и неглупым?

Праздник, как ему и положено, кончился довольно быстро. Но уж таких черных будней, какие наступили после него, пожалуй, не ожидал никто. Казалось, что некто таинственный с огромной кистью и ведром краски прошел ночью по стране и отчетливыми буквами написал поперек мгновенно обветшавших афиш только что отгремевшего праздника зловещее слово «КРИЗИС». Кризис экономики, кризис театра, кризис в конце концов такой единственной нашей жизни.

Неужто и правда, все это был карнавал и большинство из нас, поверивших в реальность происходящего, оказались на нем лишь глуповатыми Пьеро? В такие жизненные моменты очень хочется поговорить с человеком, которому доверяешь. Для меня такой человек — Валерий Фокин, художественный руководитель Международного театрального центра имени М. Н. Ермоловой, один из секретарей СТД РСФСР.

Наш разговор не об истории очередного театрального раздела — процесса, весьма характерного для нынешней бедной на сенсации столичной сценической жизни. Речь об индивидуальном взгляде на всеобъемлющий театральный кризис. О поисках вариантов жить и выжить. Это — вариант Фокина.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

БУДНИ ПОСЛЕ КАРНАВАЛА

ВАРИАНТ ФОКИНА

— Пять лет назад ты был одним из активных участников и главных организаторов Союза театральных деятелей РСФСР, обещавшего перевернуть всю театральную жизнь державы. Твои выступления и интервью были полны напора, уверенности и оптимизма. Твое имя регулярно поминалось в обойме тех, кого с легкой руки известного поэта окрестили «прорабами перестройки». Нынче тогдашние «прорабы» высказываются все реже и реже, а в том, что они все-таки говорят, в качестве лейтмотива проходит тема несбывшихся надежд и обманутых ожиданий. Что же на самом деле случилось за столь короткий, но вполне исторический отрезок времени?

— Да, короткий отрезок... Пожалуй, из всего, что нам было обещано, на что нас поманили, случилось только одно — ускорение. Но не «научно-технического прогресса» (или какой там тогда еще «прогресс» заказывали?), а ускорение общественного самосознания. Вот ты говоришь, пять лет прошло, а у меня такое ощущение, что пятьдесят. Целая жизнь от меня тогдашнего до меня нынешнего.

Тогда, в восемьдесят пятом, мне было тридцать восемь лет и я не сомневался в полном отсутствии у себя всяческих иллюзий. Да что там в тридцать восемь, за десять лет до этого, когда вступал в партию, был твердо уверен, что все про эту страну и про себя в ней понимаю. Не вступишь в партию — не дадут делать того, что хочу и умею. Не обдуришь на приемке спектакля товарищей приемщиков — не будет спектакля. Я в 1972 году в «Современнике» вампиловские «Провинциальные анекдоты» восемь раз сдавал. Слава Богу, театр — не кино. Там вырежут кусок — и навсегда. А в театре примут искореженный спектакль, а ты после премьеры помаленьку восстановишь его почти в первоначальном виде и, если никто не «заложит», играешь то, что ставил. Понимаешь, была четкая, абсолютно предсказуемая Система, а у тебя своя система сопротивления Системе. И когда после разрешения гласности некоторые товарищи стали рассказывать, что они только теперь поняли, в каком чудовищном обществе они жили, у меня все эти их откровения ничего, кроме смеха, не вызывали. Уж я-то все понимал чуть ли не от рождения. Живу в государстве, от начала до конца построенном на обмане, и единственная возможность выжить — это обманывать государство. Как угодно: иронией, эвфемизмами, намеками, недоговоренностями, а главное — абсолютным неверием во все, что оно провозглашает.

И тут — бац! — перестройка. Новый лидер, новые слова и, что самое привлекательное, новое чувство: оказывается, что-то можно изменить. Для нас, поколения сорокалетних, чувство, заметь, принципиально новое. В отличие от «шестидесятников», переживших хрущевскую «оттепель» более или менее взрослыми людьми, мы-то, тогдашние мальчишки, обществом так никогда востребованы и не были. Нас всей этой сладкой свободой только поманили: художественные выставки, вольные поэтические вечера, новорожденный «Современник», белые американские плащи, кафе «Молодежное»... Ну, в общем, сам помнишь. А потом двадцать лет беспросветки.

Если что Горбачев и смог, так это внушить иллюзию, что дело в замене людей, а не Системы. Причем он сам и оказался этим «манком». Вот, мол, пришел новый генсек, и все стало меняться. Роль, понимаешь, личности в истории. И мы, взрослые мужики, которых, как нам казалось, на мякине не проведешь, купились. Расправили плечи, заблестели глазами: «Ну, ребята, пришло наше время!» Отсюда и напор, азарт, оптимизм того периода.

— А при чем тут Горбачев? Просто он тогда говорил то, что нам хотелось слышать. Он позвал — мы пошли. Он всех нас, как ты говоришь, востребовал. Правильно, инициатор перестройки. И ведь кое-что сумели сделать. Театральные люди, например, ринулись создавать СТД, пенсии актерам увеличили, студий понаоткрывали, театральную цензуру ликвидировали. Теперь-то, наверное, по восемь раз спектакли не сдаешь?

А насчет Системы... Так и это, по-моему, чуть ли не с самого начала перестройки ясно было. Помнишь, Г. Попов запустил в оборот понятие административно-командной системы? Что ее, мол, надо сломать, так ведь и сломали же. Сейчас, судя по всему, ни административной, ни командной, никакой Системы нет.

— А вот это ты зря, Система все та же. Действительно, года три назад возникло ощущение, что она треснула и вот-вот сломается. Чиновники заметались, партбоссы отошли в тень, казалось, чуть-чуть напора — она рухнет, и заживем по-человечески, как весь мир живет. Но если в чем Система и оказалась гибкой, так это в борьбе за самосохранение. Прогнулась в какой-то момент, зато теперь так распрямилась, что удержу нет, того и гляди все назад отберет, что с таким трудом отдавала.

А Горбачев? Может быть, ты и прав, он в данном случае ни при чем. Дело не столько в нем, сколько в нас. Еще две тысячи лет назад предупреждали: «Не сотвори себе кумира!» А мы все творим и творим, не одного, так другого. Как в древнем Киеве: сотворим, потом бросим в речку, бежим по берегу и кричим: «Выплывай, Перуне, выплывай!» Смотрю на президента по телевизору и вижу ужасно усталого человека, неспособного, похоже, к генерированию новых идей. Жалко, ей-Богу. Не случайно, видимо, в большинстве стран срок пребывания у власти определен в четыре-пять лет.

— Ну а чем лично тебя эта Система не устраивает? Ты ведь, если судить по внешним признакам, человек вполне процветающий: секретарь правления, руководитель театра, лауреат Госпремии. Не так уж и давно, во время выборов, был доверенным лицом первого секретаря Московского горкома КПСС. Этого, заметь, наиболее воинственные из демократов тебе еще долго не забудут. Так чего же тебе в этой Системе не хватает?

— Я же не зря говорил о спрессованности времени в последние годы. При таком ускорении за месяц осознаешь то, на что в другие времена ушло бы полжизни. Я-то ведь не политик, у меня иная профессия — театральный режиссер называется. Другое дело, что все мы, актеры и трактористы, инженеры и офицеры, фрезеровщики и акушерки, оказались втянутыми в прохождение довольно-таки уродливого политического ликбеза по ускоренной программе. За это вынужденное увлечение по-

литикой приходится дорого платить, по себе знаю. Отказом, пусть и на время, от занятия главным своим делом.

Ты думаешь, сегодняшняя экономическая вакханалия и общенациональное обнищание возникли только от того, что семидесятилетний народнохозяйственный идиотизм дошел до логического конца и все вполне закономерно полетело в тартарары? Он бы еще поскрипел, идиотизм этот, родимый и привычный, на этот его скрип, собственно, и рассчитывают те, кто призывает вернуться к «доброй старой жизни до 1985 года». Но это, слава Богу, невозможно, потому что рухнула идеология и все, ею скрепленное, казалось, намертво, катастрофически развалилось. Развалиться-то оно развалилось, но оставило после себя нацию с вымытыми мозгами, нацию политически незрелых, напичканных идеологическими штампами людей. Нацию-подростка с юношеским максимализмом, отсутствием чувства меры, со всевозможными комплексами неполноценности, с поисками обязательного кумира-вождя. Это взрослый человек понимает, что единственное спасение от всех бед — работа, а подростку, ему же первое дело — потусоваться, погорлопанить в компании себе подобных. А тут еще и дорогая наша Система, делающая любую работу практически бессмысленной... Вот и бросились поголовно в политику, но и в политике-то все стараемся сделать наспех, с налету, как-то уж очень помальчишески.

Да, я был доверенным лицом первого секретаря МГК КПСС Ю. Прокофьева во время выборов. Я еще верил тогда, что с партией можно договориться, что в ее руководстве достаточно неглупых людей, осознающих необходимость спокойного и планомерного ухода КПСС с руководящих ролей в обществе. Без румынского варианта. Уверен, что тогда это еще было возможно. И Прокофьев до сих пор кажется мне человеком как раз из тех, кто это понимает. Я ведь и сам-то из партии вышел только после вильнюсских событий. Понял, что все: иллюзии кончились. КПСС должна уйти от руководства этой страной, как Ирак из Кувейта. Без всяких дополнительных условий, да еще оставив подробную карту минных полей, заложенных за время ее правления.

А не хватает мне в этой Системе, как ты понимаешь, многого, но прежде всего — здравого смысла. Хотя бы самого элементарного, хотя бы такого, который заставлял бы ее не то чтобы помогать, а просто не препятствовать реализации каких-то разумных дел в этой стране.

— Но ведь давно известно: все разумное, что все-таки явилось у нас на свет, случилось не благодаря, а вопреки Системе. Был бы коллективный здравый смысл, не было бы Системы. Впрочем, любому конкретному носителю Системы здравый смысл присущ в полной мере, когда дело касается его лично. Этакий индивидуальный пакет здравого смысла. Скажем, их поразительная способность к мимикрии, разве это не проявление природного здравого смысла? Вот ты как-то рассказывал, что с началом перестройки все большие начальники мгновенно превратились в «своих ребят», стали давать «прямые» телефоны, приглашать заходить запросто. Или их потрясающие тактические таланты, проявляющиеся при устройстве личной карьеры? Тут тебе не только тонны здравого смысла, но и способность предвидеть, и подлинная страсть, и отсутствие лености ума. Все то, чего абсолютно нет при управлении вверенным им самим себе государством.

Но это рассуждения общего характера, а ты, наверное, имеешь в виду нечто конкретное, говоря об отсутствующем у Системы здравом смысле?

— Конечно, поскольку меня больше всего интересует то, чем я занимаюсь. Но есть здесь и одно сугубо личное обстоятельство: о том, что отсутствие здравого смысла является генетической особенностью Системы, я догадался сравнительно недавно. До этого мне казалось, что достаточно убедить каких-то конкретных людей, и все прекрасно устроится. Прожив практически всю сознательную жизнь в этот самый «период застоя», я, как и большинство из нас, притащил оттуда душу раба, готового слезно благодарить любого доброго барина.

В начале 86-го я никак не мог сдать острый по тем временам спектакль «Говори!». В театр приехал Ельцин, тогда первый секретарь МГК, разрешил «Говори!», и для меня лучшего, чем он, человека на свете не было. Принес Горбачев какие-то политические свободы, например, возможность ликвидировать театральную цензуру — и да святится имя его! Помог Прокофьев, в бытность его одним из руководителей Мосгорисполкома, хоть как-то пробить идею Международного театрального центра, и я готов был за его здоровье все московские церкви свечками уставить.

Для меня, если хочешь знать, создание этого Международного театрального центра — тот оселок, на котором проверяется реальность всего, на что мы угробили последние шесть лет нашей жизни, всей этой «перестройки», «нового мышления» и чего там еще? Для одних — колбаса в магазинах, для других — свобода слова и собраний, а для меня — Международный театральный центр. Потому что похороны этой идеи, а боюсь, что к этому все и идет, есть показатель окончательной утраты Системой последних ошметков здравого смысла, и, как всегда, конечно, в пользу идеологии, но теперь уже не просто социалистической, а явно национал-социалистской.

— Эта мысль о происходящем слиянии ортодоксально-коммунистических кругов и контролируемого ими аппарата с правошовинистическими течениями не нова и, похоже, достаточно основательна, но интересно, какие реальные события привели именно тебя к такому умозаключению?

— Тогда придется рассказывать историю о Международном театральном центре и разделении ермоловского театра. Я делаю это, по-моему, в тысячный раз, но без этого не обойтись.

Идея такого Центра появилась в 1987 году. Я был в Милане и увидел нечто подобное там у Джорджа Стреллера. Понимаешь, это как раз то, что надо. Современнейшее, прекрасно оборудованное здание, с тремя сценическими площадками, с видеотекой театральных спектаклей, с помещением для художественных выставок, с небольшой телестудией. В нем вполне могли бы существовать три театральных коллектива: традиционный театр, экспериментальный, состоящий из актеров, приглашаемых на один-два спектакля, и молодежный театр-студия. И дело не только в том, что в нынешнем нашем помещении работать нельзя, оно в прямом смысле слова может развалиться в любую минуту. Появляется возможность нового качества театра. Театр как творческая лаборатория, театр как центр, объединяющий деятелей искусства разных направлений.

Полностью осознавая, что у правительства нашего не то что на культуру, но, похоже, и на харчи денег нет, после долгих поисков и переговоров мы нашли наконец немецкую фирму «Коро-

на», способную осуществить такой проект. Но поскольку бесплатных ланчей не бывает (а строительство и оборудование Центра потянет на 80 миллионов долларов), немцы предложили позади театра построить пятизвездочный международный отель, чтобы доходы от отеля компенсировали расходы на Центр.

Теперь скажи, как тебе эта идея с точки зрения здравого смысла?

— По-моему, вполне. Город получит культурный Центр и еще одну гостиницу, того и другого явно не хватает, а театр — возможность работать в нормальных условиях.

— Ну вот и я так полагал. А оказалось, что со своей идеей Центра я, во-первых, оскорбитель и погубитель отечественной культуры, а во-вторых, просто христопродавец, отдающий родимую землицу коварному иноземцу.

— Это интересные подробности твоей биографии. От кого же ты это узнал?

— Сначала от некоторых своих бывших коллег по театру, а потом нечто подобное в более сдержанных выражениях опубликовали издания широко известного направления. В общем, театр раскололся, часть актеров ушла вместе со мной в Международный театральный центр им. М. Н. Ермоловой, а другие, пригласив в качестве худрука В. Андреева, называются теперь театром им. М. Н. Ермоловой.

— И что же, творческие дискуссии об оскорбительстве и погубительстве продолжаются?

— Видишь ли, я считаю, что тратить время на споры о том, кто ближе духом к покойной Марии Николаевне, как минимум непродуктивно. Мы подписали с ними договор, по которому их коллектив в будущем получает один из трех предполагаемых залов и определенную часть прибыли. Теперь бы Центр строить поскорей, ан нет, ребятам неймется, пишут жалобы во все возможные и невозможные инстанции. Причем доводы все той же «патриотической» окраски. И ведь что интересно, я чувствую, как это воздействует на отношение к проекту в аппаратных верхах. Дело стопорится, подписание любой бумажки превращается в эпопею, в глазах у власть имущих появляется столь знакомый по прежним временам «идеологический» блеск, в общем, «не отдадим злому ворогу ни пяди родимых развалин».

— Что же, по проекту предполагается снос здания?

— Нет, исторический фасад полностью сохранится, он будет «вписан» в новое здание. Я вообще не понимаю этой нынешней трепетной страсти к сохранению развалин в их первобытно-разваленном состоянии. И не надо мне тыкать в нос пушкинское «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Это-то несомненно и правильно, но нельзя же всю жизнь просидеть на пепелище, гордясь гробами великих предков. Надо жить, надо жизнь обустраивать. Дом надо строить, и, как совершенно справедливо было сказано, по возможности общеевропейский. Для меня такой дом — Международный театральный центр.

— Когда-то в вашем нынешнем помещении располагался театр Мейерхольда. Всеволод Эмильевич тоже ведь задумал новое здание строить. Дом-то построили (там теперь Концертный зал им. Чайковского), а Мейерхольда как раз в тот самый момент тогдашние «патриоты» в своих подвалах добивали. Не маячит перед глазами пример гениального предшественника? Не страшно?

— Ну хорошо, допустим, страшно. А что, разве этот страх меня от чего-нибудь освобождает? От внутренней необходимости быть театральным режиссером? Или от опять же внутренней ответственности за то, в какой стране будет жить мой тринадцатилетний сын? Или от неизбежной обязанности смотреть в глаза людям, поверившим и пошедшим за мной?

Дело ведь даже не в том, трус ты или смельчак. Системе не опасны ни те, ни другие. Она и самых крутых перемалывала. Уж на что красивым и смелым человеком был Мейерхольд, а конец один. Если что Системе действительно опасно, так это люди, от нее независимые. Отсюда и такая заполошная истерика вокруг независимости республик, такое редкостное упрямство в нежелании отдать крестьянам землю, такое искусное раздувание ненависти к тем, кто за счет деловой хватки становится богатым, то есть независимым материально. И, чем бы Система ни прикрывалась, социалистическим выбором или имперской идеей, суть-то ясна.

Чем неугоден тот же Международный театральный центр? Да именно независимостью своей, тем, что разрешения ни на что выпрашивать у них не будем, тем, что плевать хотели на то, сколько они на культуру выделят: три копейки или три с половиной. На собственном, весьма горьком опыте я убедился: все попытки человека, желающего быть независимым, сговориться с Системой, обречены на провал, что называется, по определению. А в ином, кроме независимого, состоянии жить дальше невыносимо стыдно.

— Да, но ты говоришь о себе и еще о какой-то части людей, осознавших это. А ты, как любят говорить в Верховном Совете, посоветуйся с народом: как, мол, насчет того, чтобы пожить снова, как до 85-го? Чтобы колбаска хоть и паршивенькая, но была, дешевенькие костюмчики гэдээровские, ботиночки чешские по тридцатнику? И я думаю, что значительная часть сограждан вполне доходчиво тебе объяснит, что стыд не дым, глаза не выест, а вот пожить, как раньше, очень даже желательно. Знаешь, как сейчас говорят в очередях: «Коммунизм-то, оказывается, уже был, только мы не заметили».

— Но, во-первых, вся наша заваруха с перестройкой шесть лет назад и началась, если разобраться, как раз из-за того, что даже на поддержание этой дешевенькой идиллии сил и средств уже не хватало. А, во-вторых, большинство советских людей, как ни грустно это признавать, совершенно не приучены к самостоятельности и независимости. Последствия одного из величайших обманов века: мифа о Системе, заботящейся о своих подданных. Но я думаю, что уж этот-то миф теперь разрушен окончательно. Товарищ Павлов и его товарищи, проводя свои «непопулярные меры», основательно над этим потрудились. За что им большое спасибо. Уверен, что, после того как Система окончательно покинет политическую арену нашей страны, изменится жизнь, изменятся и люди. Причем происходить это будет достаточно быстро.

Я хорошо знаю поляков, регулярно работаю с ними почти двадцать лет. Так вот, месяца четыре назад наш Международный театральный центр проводил гастроли прекрасного польского театра им. Стефана Ярача. Знаешь, это совершенно не те поляки, которых я знал. Им сейчас довольно трудно, куча проблем, но это свободные, независимые люди. У них нет вопросов «разрешат — не разрешат», «позволят — не позволят». Год-то всего и прошел после их политических катаклизмов, а о Системе и ее руководящей роли никаких воспоминаний не осталось. Театр трудно, порой мучительно ищет свое место под солнцем, но все их проблемы исключительно творческого характера, а главное — решать их можно без оглядки на кого бы то ни было, кроме зрителя. Пора бы, ей-Богу, и нам так зажить.

А пока самостоятельных и независимых людей как в низах, так и в верхах нашего общества приходится с фонарем искать. Авторитет власти и старой, и новой так низок, что не исполнять ее решений стало не только модой, но и признаком некоего новоадминистративного молодечества. Власть же, особенно долгожданная, демократическая, беспомощно мечется от проблемы к проблеме, бросая одно и хватаясь за другое, смертельно опасаясь не угодить общественному мнению, и вместо благородной ответственности перед избирателями впадает в унизительную зависимость от толпы.

— Я чувствую, что у тебя накопились серьезные претензии к демократам из Моссовета?

— Конечно. При всех симпатиях к демократам я не могу, вместо того чтобы ставить спектакли, ходить теперь уже по новым, мною же избранным инстанциям, доказывая очевидное новым чиновникам, отличающимся от прежних тем, что одеты победней и пострижены похуже.

Смотри, что происходит: сформированный Моссоветом городской комитет по культуре издает приказ о разделении труппы бывшего театра им. Ермоловой. Моссоветовская комиссия по законности и правопорядку, совершенно не желая разобраться в существе вопроса, не выслушав обеих сторон, его опротестовывает, комитет же с перепугу мгновенно издает новый приказ о незаконности предыдущего... Неразбериха, хаос, сшибка амбиций, истерическое взвинчивание ситуации. А в итоге, как ремарка в пьесе: «Те же, но в отсутствие колбасы и одежды». Хоть в суд подавай на должностных лиц за нежелание принимать управленческие решения, исходя из существа дела и государственной мудрости.

— Ну а как же оба министерства культуры, возглавляемые ныне актерами, людьми творческими, которые вроде бы не могут не понять пользы и перспективности задуманного тобой Международного театрального центра?

— Актеры оба нынешних министра действительно хорошие. Это я тебе как режиссер говорю. Но вот беда: позвали их не для того, чтобы сыграть роли министров, а быть таковыми. Но это уже другая профессия, требующая иных талантов, профессиональных знаний, личностных качеств. А если всего перечисленного не наблюдается, то появляются вечная заморочка и самодовлеющее желание не только не принимать решений, а просто не замечать того, чего видеть не хочется. Это вообще характерно для нынешних правителей. «Ах, власти постоянно запаздывают с принятием решений!» Конечно, будешь запаздывать, если ждать, пока само рассосется.

Чего, казалось бы, не призвать тт. министрам пред светлые очи Андреева с Фокиным да не сказать хорошо поставленными голосами: «Вот что, ребята, если вы между собой договориться не сможете, то пусть один отправляется в Бибирево, а другой — в Ясенево. Мы же найдем третьего, который вместо вас займется делом, а не склоками. Потому что Международный театральный центр для национальной культуры важней, чем ваши личные амбиции». И все, уверяю тебя, мгновенно встало бы на свои места. Власть, как ни крути, все-таки для того дается, чтобы управлять, а не монологи произносить с телеэкрана.

— Это вечный вопрос — художник и власть. Власть в конечном счете просто обречена на то, чтобы были недовольные ею. Ты ведь и сам некоторым образом власть — секретарь правления СТД РСФСР. И я знаю, что в определенных театральных кругах, особенно в провинции, зреет серьезное недовольство вашей деятельностью. В октябре состоится съезд СТД РСФСР, и думаю, что там будет произнесено довольно много неприятных слов в адрес секретариата.

— Да, это, наверное, так. Я-то лично уверен, что СТД сделал достаточно много. Пенсии и все прочее, мы с тобой об этом уже говорили. Перебирая все декларированное нами на съезде, прихожу к выводу, что, пожалуй, единственное нереализованное — переход театров на работу по контрактам. Но, учитывая сегодняшнюю экономическую ситуацию в стране, это, увы, невозможно. Ни один театр, за редчайшими, может быть, исключениями, попросту не сможет выполнить свои контрактные обязательства перед актерами. Пять лет назад мы вместе со всем народом рассчитывали на быстрые изменения жизни к лучшему. И вместе со всем народом очень сильно просчитались. Театр — механизм экономический, крайне зависимый от происходящего вокруг. Это такой одинокий гений, как Святослав Теофилович Рихтер, на вопрос, как он может жить в такой стране, имеет право ответить, что живет не в стране, а в музыке. Мы-то живем в стране со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А насчет недовольства в провинции... Ты разве не замечаешь, что существует искусно срепетированное и умело подогретое противостояние провинции столицам? По прилавкам московских магазинов, например, не ощущаешь этого? А все эти депутатские вопли по поводу того, что «Москва — это еще не Россия!». Еще какая Россия, со всеми ее противоречиями — экономическими, национальными, этическими! Кому и почему это выгодно — понятно. Агонизирующая Система готова на все, лишь бы еще чуть-чуть продержаться. Сначала прикармливала столицы за счет полуголодного пайка провинции, теперь, используя ею же порожденные противоречия, мечтает удавить одних руками других. Приемчики такие древние, что даже скучно становится.

А творческому человеку в провинции жить еще тяжелее, чем в Москве или Ленинграде. Зависимость от Системы куда прочней, веревка, привязывающая к ней, короче, барин ближе да круче. Отсюда и вечная российская надежда на то, что в Москве какой-нибудь добрый манифест издадут, гонца пришлют, он злого барина прогонит, вот и заживем славно. Мы в СТД вроде бы манифестов наговорили вдоволь, а жизнь-то становится все хуже и хуже. А тут еще и вечная, опять же наша российская, недоверчивость к тем, кто дорвался до «кормушки». Вы, мол, там в СТД небось и оклады себе тысячные положили, и по загранкам без передыха шастаете. А какая уж тут «кормушка». Нищая, как и вся держава, лавочка. Я, например, там зарплаты ни копейки не получил и за рубеж в качестве секретаря ни разу не ездил. Ездил как режиссер, которого приглашали работать по контрактам.

Дело ведь не в неприятных словах, которые нам скажут, и даже не в том, выберут вновь или нет. (Коли не выберут, так больше времени останется профессией заниматься.) Дело в том, переменится ли жизнь. Но об этом, впрочем, и все наши с тобой разговоры.

Эх, разговоры, разговоры... Наверное, ни в одной стране нет такого количества произнесенных слов на душу населения, как у нас. Пожалуй, мы единственная страна, где все еще правит логократия — власть слов. Помнишь, у Достоевского — «трактирные мальчики»? Все говорят, говорят, говорят...

Карнавал-то и вправду закончился, все без масок, понятно, кто есть кто. Будни. А по будням работать надо. Вот если бы еще только не мешали.

«НЕБЕСА ОБЕТОВАННЫЕ»

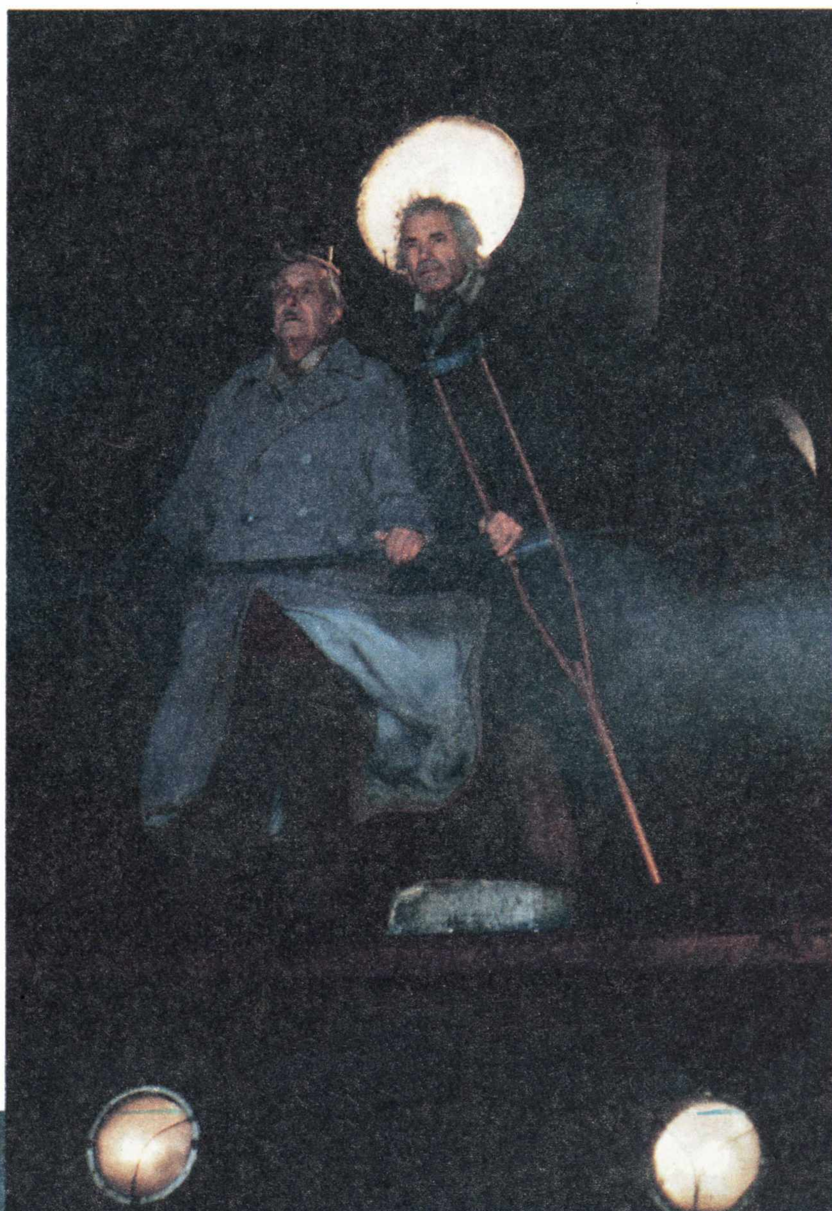

Фото В. КРЕЧЕТА.

Ну, разумеется, это КИНО. Причем самое что ни на есть настоящее, то есть придуманное: с на редкость интеллигентными бомжами, с анекдотическими милиционерами и туповатыми омоновцами, с дураковатой советской властью, которую не так, так эдак вокруг пальца обвести можно. Доброе такое кино, смешное, слегка абсурдное и немного грустное — как всегда у Эльдара Рязанова.

В американском фильме «Чертополох» тему падения

и комплекса «бывших» блестяще обыгрывают на протяжении чуть ли не трех часов всего лишь два актера — Мерил Стрип и Джек Николсон. Маловато будет. И в советском варианте — это уже целый «звездный» бомжатник. Рязановские «обетованные небеса» не без юмора заселили Валентин Гафт и Лия Ахеджакова, Олег Басилашвили и Светлана Немоляева, Леонид Броневой и Наталья Гундарева, Вячеслав Невинный и Роман Карцев. Все — любимцы советского кинематографа. И музыка Андрея Петрова, и стихи самого Рязанова, и поет, разумеется, Елена Камбурова. Ничего, что в жизни в отличие от этой киносказки все омерзительнее, беспощаднее и... скучнее. Ведь все только и видят этот мрак — деградацию люмпен-интеллигента, физиономию быдла, ханжеский оскал партийца-фанатика, так и оставшегося в «легендарных тридцатых»... Надо очень напрячься, чтобы разглядеть что-либо человеческое и даже возвышенное сквозь отвратительную коросту ненужности никому — ни родственникам, ни обществу.

Чистенькие бомжи Рязанова слишком узнаваемы (всегдашняя трудность — снимать «звезд»!), что поначалу вызывает сентиментальное умиление. И вот уже просится ироничная интонация — мол, все это невзаправду. Да стоит ли? Устали мы от «чернухи», и вот вам пожалуйста — «светлуха» на черную тему. Так, пожалуй, только Рязанов и умеет — «о бедном гусаре замолвить слово». На сей раз — об униженных, отверженных, блаженных.

Замолвим и мы о нем.

Фильм этот задумывался давно, снимался тоже не сегодня. Сегодня он выходит на экраны. А год назад съемочная группа просто хохотала от фантасмагории финальных, например, сцен: войска, ОМОН, милиция под прикрытием одного танка разгоняют последний островок бомжатской свободы. Те сопротивляются, и «паровоз вперед летит»...

Тогда это и вправду было смешно. А потом были вильнюсский январь, реальные танки и реальное сопротивление и защита достоинства. Потеря нами последних иллюзий. И рязановские бомжи неожиданно, быть может, для самих создателей фильма обрели взамен своей деклассированности точную социальную принадлежность. На описанной режиссером помойке оказались не кинематографические «бриллианты», а все наше общество. В котором освободиться можно лишь на «небесах обетованных». Что и грустно...

Анастасия НИТОЧКИНА,
Наталья ТРОЕПОЛЬСКАЯ

ОГОНЁК

Свято место

Великие радости сулит Москва жителю всей прочей русской земли.

Москва! Высота зданий и цен, Красная площадь, Мавзолей, часовые подымают сапог, шеренгой смертников у последней стены сгорбились несчастные бюсты за голубоватыми елями, вот правительственные окошки, от которых запинается сердце: а вдруг, обессилев говорить, увидал тебя из окна он и, дуя на мозоль, натертую на пальце «вертушкой», рад до слез встрече с земляком среди площади, усыпанной иноязычным людом, смотрящим на собор Василия Блаженного, как корова в иллюминатор,— этих воспоминаний русскому человеку хватит на всю жизнь.

Но есть и грусть. Съездил, постоял, послушал, как отзываются в левом ухе куранты, и вдруг понял: все. Больше ехать некуда. Самое дальнее и самое главное, что было суждено,— вот. И больше ничего нет.

Судьба великой державы очень смахивает на судьбу великого героя. Вот Цезарь. Родился, воспитывался, мечтал, крался к власти, очаровывал толпу, крушил врага на границах, стал главным, триумф, счастье, уважение, почет, успехи на любовном фронте и кресло из золота, а потом уже возраст, лысина, народ бурчит, товарищи по углам шушукаются, сны нехорошие, предсказания — взрезал жертвенное животное вдоль — мать честная, а где сердце-то? А сердца и нету. Ничего себе заявочки! Ну а впоследствии исколют кинжалами как зверя, и лежи околевай — народ в смятении, валяют статуи, казнят заговорщиков, все прахом, а от героя только одна комета в небе и осталась, и хватит.

Красная площадь — булыжное, нежное сердце родной земли, затертое, как обои вокруг выключателя, затуманенное, как место в иконе, где все целуют, печальное кладбище, где по праздничным дням являлись призраки счастливого народа и призраки мудрых правителей с качающимися ладонями, а ныне топают изредка призраки демонстраций капиталистической революции, грозящие призрачно коммунистическому Кремлю.

Сердце, а совсем не слышно в этом грохоте его биения. Тихо, мертво под ногами. Хотя, наверное, еще живет, есть, раз не брызнула еще наружу, на площадь кровь, значит, сердце устало, но справляется еще, еще гонит кровь по всем концам дряхлой державы, что-то связывает нас еще, кроме цепей.

Мы почему-то стесняемся простых, последних желаний. В них какое-то унижение, слабость, конец. Когда нет сил ничего уже больше хотеть, кроме одного — еще пожить. Хоть как. Хоть сколько. Только бы жить, жевать, дышать. Простительно, но как-то стыдно, и оттого мы путаемся в своих речах и путаем всех вокруг.

И, пускай заморские стимуляторы, иноземных спасителей к сердцу и куда угодно и как угодно — лишь бы еще пожить,— мы почему-то держим их стыдливо на Васильевском спуске, месте, где первый раз резануло по нашему сердцу колесиком самолетика Руста, открывшего, что в окне в Европу нет стекла. И этот самый Васильевский спуск мы и стелем под ноги с легкой ложью: да, дорогие спасители и победители в историческом соревновании, это и есть Красная площадь, а вот и Кремль и Покровский собор, здесь раньше и чихнуть было страшно, а теперь — пожалте! — хоть оперу, хоть Кардена с дирижаблями, хоть оперу с дирижерами, хоть голой задницей в объектив — мы рады вам!

Ах, любезные господа, чуть обманываем мы вас, лукавые холопы, чуть стесняемся мы и робеем пышногрудой нашей новой участи и сытой будущности, не всё как-то сразу — Красная площадь, она, конечно, на той стороне собора, это вот там Лобное место, обагренное, это там в вербную субботу царь вел ослика под уздцы, а на ослике сидел патриарх, это там катались кругом экипажи, кричали «медные» да «соляные» бунты, сюда приходил каждый и мечтал прийти, с этим местом у каждого совпадало искренне или преднаначертанно слово «Родина», через нее проходили на смерть и на подвиг, а вообще, конечно, в основном торговали — медом, пряниками, лубками, сбитнем, моченым горохом, чтоб голубей кормить, да всем, еще игрушками чудными: полузабытый «тещин язык» и напрочь неизвестные «американские жители» — смешные такие человечки скакали, стоит только пальчиком на резиночку нажать; как, однако, все меняется. Вот это и есть Красная площадь.

А сердечными местами русских жителей торгуют на задах Покровского собора — на Васильевском спуске. Но вообще и это место неплохое, глубокое. Раньше обрыв был, «ров», край Боровицкого холма, а потом освоили и эту низину, и хитрое вышло место — между Кремлем и посадом, между властью, денежками и народом, неопределенное такое, свободное, как раз для нашего времени, когда человеку сил нет определиться лично и он все больше пытается самоопределяться вместе с нацией, республикой, областью, городом, подельниками.

Вдоль Кремлевской стены к речке выкопали ров, когда потише стало,— на дне рва сад разбили. Через ров — мостики деревянные, на том мостике, что в изголовье Васильевского спуска, на «крестце», жили безработные попы — их нанимали в домовые церкви; попы торговали литургией, очень грубо, бранились, за ними глаз да глаз. Если спиной к собору стать — справа Васильевский спуск бережет Кремлевская стена, три башни. Беклемишевская — с нее верх снесли, когда брали Кремль в революционные дни. Набатная — ее колокол высказался не с точки зрения руководства в дни «чумного» бунта, и ему выдрали язык. Константино-Еленинская стоит на месте Тимофеевских ворот, через которые Дмитрий Донской выехал на Куликово поле поучить Орду новому мышлению, в самой башне был в свое время и Разбойный приказ, ее называли «пыточной», и, говорят, слово «застенок», имеющее в родной речи одним нам ведомый печальный оттенок, пошло именно с этой башенки.

А с левой стороны — Зарядье, торговые места, много евреев селилось — им только там разрешалось останавливаться.

По спуску архиереи ходили святить реку, через реку был «живой» мост из бревнышек, прачкам очень удобно, за рекой луга, сады, зимой по речке — бега на тройках, по набережной могли и преступника сквозь строй прогнать нужное количество раз. Всё на Васильевском спуске есть, не переживайте, гости заморские. Не зря мы его первым даем.

А теперь здравствуй, завтрашний день! Ты победный и прекрасный, недоступно великий, ты идешь по верхам, рекламами по крышам, праздниками для толстосумов — тебе некогда глянуть под ноги. Ты не даешь нам времени передохнуть, посидеть одним в пустыне, на пепелище, сцепив кулаки, ты не оставляешь нам времени меж чугунных парадов и чужих праздников, которые накормят нас, на то, чтобы остановиться, снять булыжник с Красной площади, раскопать кремлевские земли, просеять до пылинки и понять наконец: где мы, что мы были, что мы знаем про себя, есть наше сердце или нет, принести жертвы, облегчить сердце, отмыть руки, прозреть, да все нету времени — все гуляем, ура! У нас теперь музыка и танцы, хватит жить, давайте веселиться, здравствуй, завтрашний день!

Здравствуй, завтрашняя жизнь! Ты приходишь властно, бегло, высокомерно, с арифмометром в руке, и мы так рады, что ты готова взять нас с собой — налегке, с пустыми карманами. Пускай, и нам так приятно, что все, что у нас было, хоть на что-то тебе сгодится — даже как фон для фотографии. Запечатлитесь на нашем фоне, запомните нас красивыми! Да, вон то, что у вас тут за спиночкой, это для нас было — ох, даже смешно сказать, ну не будем, не будем, ладно, проехали!

Здравствуйте, новые, счастливые люди, победители, умные, смелые, властные, вы триумфаторы, вы, как Цезарь, которому кричали: «Идущие на смерть приветствуют тебя!» Мы идем и приветствуем вас, еле сдерживаясь, чтобы не попросить, ну, хоть еще секундочку постоять у любимого усопшего тела — наших памятных мест, хоть дотронуться губами до холодного лба, что-то поправить на груди, да ладно, закрывайте!

Здравствуйте! Счастливо вам тут погулять после нас.

Александр ТЕРЕХОВ,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Леонид НИКИТИНСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ДИССИДЕНТ

Этот очерк о последнем диссиденте, об ожившем ископаемом, странным образом застрявшем в истории, в той ее части, которую уже можно считать бесповоротно прошедшим временем. Его бывшие товарищи, с кем делил пайку в камере, перестукивался через тюремные стены, перекрикивался и перекидывался записками сквозь «кормушки» и ржавые жалюзи «намордников», ныне в Нью-Йорке, Тель-Авиве, Мюнхене, с почетом ездят выступать в СССР, иные заседают в Советах, кто лидер политической партии, кто председатель облисполкома... Чудно ему читать об этом в газетах, регулярно доставляемых в одиночную камеру винницкой тюрьмы, где в скором времени готовится он отметить четверть века своего тюремно-лагерного стажа. Случайно или не совсем случайно оказался он забыт в славном и страшном прошлом? Тут есть элемент загадки.

Ростислав Эпельфельд родился 1 января тревожного и трагического 1943-го в Алма-Ате, где семья находилась в эвакуации — отец Натан Эпельфельд работал начальником цеха оборонного завода. Дедушку Эпельфельда примерно в то же время в Харькове по доносу соседей повесили прямо на воротах его дома — но не по национальной принадлежности, а за то, что он был старый большевик.

Однако в роду Эпельфельдов, видимо, не было заведено сыновьям идти по стопам своих отцов. Эпельфельд-старший, вернувшись в послевоенный Харьков, бросил инженерную должность на заводе и открыл мастерскую по ремонту велосипедов. За это дважды привлекался к уголовной ответственности по статье о частнопредпринимательской деятельности. Возвращаясь из тюрьмы, он проницательно говаривал, что и сыну не избежать той же участи при родной советской власти, хотя как раз коммерческая деятельность того мало интересовала.

Эпельфельд-младший решил стать трубачом. Для этого после девятого класса он уехал в Минск, в полковое музыкальное училище. Как-то через два года пришел к нему в казарму начальник этой самой школы и говорит: «Эх, Эпельфельд! Отчего ж ты не записался немцем, как мы тебе сразу советовали? Мы бы тебя сейчас в консерваторию послали учиться...» Но Эпельфельд не был немцем, как вы уже, наверное, догадались. Он обиделся, взял свою волшебную трубу, столь далеко, бывало, уносившую мысли офицерских жен из гарнизона, и уехал к маме с папой в Харьков.

О-о, труба, золотая труба! В шестидесятых Эпельфельд носил брюки-дудочки, играл в джаз-бандах, зарабатывал неплохие деньги и имел поклонниц, но сердце трубача, увы, не находило себе места в этой стране, оно рвалось в Палестину.

Какая-то тетка Эпельфельда во время войны вышла замуж за поляка и в результате очутилась почему-то в ФРГ, была еще и другая тетка, замужем за неким ядерщиком в Лондоне — вот на них-то и рассчитывал Эпельфельд. Весной и летом 1966 года он сначала в торговом порту в Одессе пытался прошмыгнуть на греческий пароход, затем в Москве — прорваться с разбегу в американское посольство. Оба раза задерживался органами, для которых не была тайной и переписка с зарубежными тетками.

Осенью того же 1966 года он был первый раз арестован и осужден за драку и нанесение телесных повреждений. Со слов Эпельфельда, это дело было сфальсифицировано: он никого и пальцем не трогал, хотел себе в Палестину, но его туда не пускали, вот и все. Лезть в то дело четвертьвековой давности — занятие почти бессмысленное. Будем считать, что первая судимость у Эпельфельда действительно была уголовная, но этот срок отсижен давно, и не он, во всяком случае, определяет его тюремную биографию.

Возвращаясь к нашему герою, мы найдем его в колонии на Холодной горе под Харьковом в 1967 году. Благодаря своим музыкальным талантам он устроился относительно неплохо: подружился с киномехаником, который вручил Эпельфельду ключ от кинобудки, где был замаскирован самопальный ламповый приемник, умевший ловить «Голос Америки». Под его влиянием, как напишут потом в приговоре, осужденный Эпельфельд увлекся сочинением трактатов, названия которых говорят сами за себя: «О суде и следственных органах», «О системе выборов представителей народа на руководящие должности в СССР и в капиталистических странах», «К положению о свободе слова в СССР», «О хулиганстве и борьбе с ним. Какие результаты приносит эта борьба».

Летом 1968 года «Голос» сообщил о вторжении советских танков в Прагу. Этому событию Эпельфельд посвятил несколько обличительных листовок, расклеенных по зоне. В 1970-м его осудили за «распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», к трем годам строгого режима. Но Эпельфельд этим остался не удовлетворен. Он написал письмо Шелесту: «Если бы я был убийцей, а меня бы судили как хулигана, то я бы с этим не согласился, хотя бы и меньше дали... На советскую власть не клеветал, все написанное мною чистая правда...»

Результатом стала переквалификация дела на статью «Антисоветская агитация и пропаганда», а это уже из главы «Особо опасные государственные преступления». Тут ему припомнили все — прежние проделки и греческий пароход и даже сообщили о том, чего Эпельфельд сам не подозревал: оказывается, немецкая тетка, будучи в Польше, имела неприятности за «католическую пропаганду», а у той тетки, что в Лондоне, этот самый муж-ядерщик к тому же ярый сионист. Короче, у них это семейное. В приговоре, разумеется, тетки отражения не нашли, хватило трактатов «К положению о свободе слова»...

Так он стал диссидентом, хотя в то время, в 1968-м, и слова-то такого, кажется, еще не было придумано. Вряд ли он знал что-нибудь о горстке безумцев, вышедших после Праги с плакатами на Красную площадь, знаком с ними не был — откуда? — но у себя в колонии под Харьковом, в сущности, присоединился к их отчаянной демонстрации.

Какой смысл в расклеивании листовок на стенах лагерных бараков? Если рассуждать практически, а именно так и рассуждало тогда безмолвное большинство, то ровно никакого, как, впрочем, и в минутной акции у Лобного места. Ни плакатов Ларисы Богораз, ни листовок Ростислава Эпельфельда никто тогда и прочесть-то толком не успел. Они не могли рассчитывать ни на что, кроме поездки спецэтапом в Мордовию, и вряд ли вообще надеялись, что это зачтется им в земной жизни. Даже о высылке непокорных на Запад тогда еще не помышляли, а уж о прижизненном признании в собственной стране странно было бы и думать.

Трубач Эпельфельд вообще ею тяготился и хотел на самом деле в Израиль, но билет взял на Дубровлаг и сделал это, в общем, совершенно сознательно. Не странно ли, что любовь к свободе влекла все глубже в несвободу, в неволю? Совсем не странно. В стране, где все истины были вывернуты наизнанку, в тюрьму шел именно тот, кто больше других любил свободу.

* * *

В Мордовию его повезли уже как особо опасного рецидивиста спецконвоем. Где-то на пересылке в Рузаевке, на станции Потьма, они пересеклись с Левко Лукьяненко, украинским националистом, который шел таким же спецэтапом с Дубровлага для очной ставки в Чернигов. Поскольку тому было ближе к своим, а Эпельфельд все равно в лагерь, он приодел Лукьяненко в собственные приличные штатские штаны. Помнит ли те штаны Левко, ныне народный депутат Украины, основатель Украинской республиканской партии и председатель Комитета по защите прав человека Верховного Совета УССР?

В 1972-м году Эпельфельд доехал до ИТК-10 особого режима Дубровлага. В это время здесь было человек триста: всякие слишком умные «ревизионисты марксизма», какие-то «неправильные» священники, три знаменитых угонщика самолета из одиннадцати во главе с будущим лауреатом Гонкуровской премии Эдуардом Кузнецовым (то был один из первых угонов, а не так, как сейчас, едва ли не ежедневно), были и разысканные спустя десятилетия полицаи, которым Эпельфельд так и не смог, несмотря на общность судьбы, простить повешенного на воротах дедушку.

Но главную массу лагерных жителей составляли «националисты»: русские православные, украинские националисты, литовские, казахские, грузинские, еврейские сионисты — в общем, любых мастей. Совместное их проживание вовсе не напоминало идиллию, как можно представить, читая некоторые опубликованные в последние годы воспоминания, общий враг уже тогда объединял их лишь до известных пределов. У русских православных с украинцами, если судить по рассказам Эпельфельда, до топоров доходило: «Вы, москали, поработили нашу ридну Украину!» — «А вы, хохлы, холопы — сапоги нам обязаны чистить!» И пошло-поехало...

Харьковский еврей Эпельфельд предпочитал в эти свары не влезать, объясняя всем дипломатично, что ему надо ехать в Израиль решать вопрос с арабами. Но после того, как сионисты и украинские националисты, каждые со своей стороны, дали его фамилию в сводках на Запад, в лагере начались бесконечные придирки — «ломка». Снимали теплое белье и кидали в карцер с выбитой форточкой, а за окном — мордовская зима.

Когда его бросили в карцер в очередной раз, он запросил запиской кусок резиновой подметки от тапочка, иголку и осколок зеркала. И на следующее утро предстал перед охраной с синей надписью, довольно симметрично выколотой на лбу: «РАБ КПСС». В те времена за это давали «расстрельную» статью как за бунт, и не всякий даже из блатных решался поставить у себя на лбу это вечное клеймо отверженного...

Но оперуполномоченный КГБ Кочетков, безрезультатно потерев его по лбу послюнявленным пальцем, безо всякого суда и огласки сбагрил Эпельфельда на три года «на крытку» — во Владимирскую тюрьму. Здесь уже были в курсе. Через три дня охрана его так избила, что еле откачали в медсанчасти. Из двух первых лет тюрьмы 237 суток он провел в карцере. Вышло, что от плохого он сбежал к еще худшему.

С другой стороны, Эпельфельд все глубже погружался в мир диссидентов, к которому изначально вовсе не стремился, но который был ему понятен, интересен и близок. Сиживал он с униатским священником отцом Василием Романюком, с известными «ревизионистами» и «националистами», перекрикивался и переписывался с Буковским и Черноглазом, Бутманом и Любарским. После знаменитой пятимесячной голодовки Валентина Мороза их посадили в общую камеру, чтобы Эпельфельд служил нянькой ослабевшему товарищу, водил его на прогулку, что было никак не зазорно. Помнит ли об этом Валентин Мороз, прилетая из США читать лекции в Киев? Не так уж далеко ему доехать и до Винницы, хоть на электричке...

* * *

Пока Эпельфельд отсиживал в «крытой», Кузнецов в ИТК-10 успел не только написать воспоминания, но также переправить их за границу, опубликовать и стать лауреатом Гонкуровской премии, заочно присужденной ему в Париже. Скандал, разумеется, получился громкий. ИТК-10 разогнали, поэтому из Владимира Эпельфельд вернулся уже в ИТК-16, где он встретил частью знакомые, а частью и новые лица. Но жизнь здесь в 1975—1977 годах еще меньше напоминала славное тюремное братство, чем давеча в ИТК-10.

Их было в этом лагере всего 35 человек, и при желании не составило бы особого труда привести хоть все тридцать пять фамилий, но, крепко подумав, я не назову ни одной и вообще не стану пока обнародовать воспоминания Эпельфельда в этой их части, касающейся более других людей, нежели его самого. Это наиболее спорная и противоречивая страница в его полной драматизма повести, и еще не пришло время ее открыть. Я, во всяком случае, не чувствую себя вправе это сделать. Вижу свой долг в том, чтобы помочь ему выйти на свободу, на сегодняшний день он этим и исчерпывается.

Когда же он выйдет на свободу, а я надеюсь, что ждать этого придется не слишком долго, я верну ему три диктофонные кассеты из шести, записанных в Винницкой тюрьме. Те, на которых Эпельфельд, то посмеиваясь, то переходя от ярости на хрип, повествует, называя имена и фамилии конкретных участников, об интригах и провокациях, о клевете, подлых и жестоких избиениях, предательствах, доносах, внутрилагерном карьеризме, о сложной борьбе за авторитет на воле, с одной стороны, и за кусок хлеба в лагере — с другой, о той борьбе, которая велась не политзаключенными против КГБ, а политзаключенными между собой, а КГБ играл здесь скорее роль кукловода за ширмой.

Вряд ли мы раскроем большую тайну, сообщив, что КГБ имел в лагерях свою агентуру среди политзаключенных, как МВД имеет ее среди обычных уголовников. Средства вербовки были не менее стандартные — шантаж, угроза искалечить судьбу близких, чисто физические лишения и издевательства, провокации, предоставление сдавшимся разнообразных поблажек. Отдельно культивируемым методом было интриганство, хитроумное стравливание заключенных друг с другом. Это тайна из разряда секретов полишинеля, но что действительно за семью печатями, так это списки живой агентуры.

Рассказ Эпельфельда позволяет ухватить какие-то ниточки. Он не голословен, а строится на терпеливых лагерных вычислениях: кто что знал, что произошло, какие из этого могут следовать выводы. Надо сказать, что зековская «разборка» — это не тот суд, на котором можно лжесвидетельствовать, не опасаясь ответственности, оговор здесь карается жестоко. Но, с другой стороны, противник тоже работает профессионально, искушен в методах конспирации и дезинформации.

Я считаю, что Эпельфельду в целом можно верить, и полагаюсь не только на субъективные ощущения. Гарантией того, что он сам не играл в эти игры на стороне КГБ, является то, что он-то сидит, когда все остальные давно уже на свободе и большей частью вообще вне досягаемости «органов». Но у нас нет гарантии того, что Эпельфельд добросовестно не заблуждается. Или, напротив, бывшие его товарищи не заблуждаются в отношении него, и этим отчасти и объясняется его длящееся сверх всякого исторического времени тюремное заключение.

Их было всего тридцать пять человек в ИТК-16, совсем немного, как школьный класс. Эпельфельд уходил отсюда на свободу первым после двух с половиной лет отсидки. Он должен был дать информацию внешнему миру о том, что здесь происходит, и о каждом из них. Этого и ждали, и боялись. Надо было выяснять отношения.

Прощаясь с одним из своих бывших друзей по лагерю осенью 1977 года, Эпельфельд говорил ему так: «Ты, (имярек), очень знаменит на Западе и здесь в своих кругах, но я тебя вычислил. (Тогда-то, там-то, то-то...) Ты должен знать об этом, но здесь тебе нечего опасаться. Я ухожу на свободу и уеду на Запад, но я буду молчать о тебе, пока ты лишен возможности защищаться. Когда же ты тоже будешь свободен, я расскажу о тебе все. Помни об этом. До встречи на земле обетованной (имярек)». Все получилось наоборот...

* * *

Свобода 1977 года оказалась всего лишь мимолетным сном. В Харькове КГБ ходил за ним по пятам, ему приходилось делать вид, что он не узнает друзей детства на улице, чтобы не причинять им лишних неприятностей, и, кроме некоего Ивана Александровича, назначавшего Эпельфельду встречи то в гостинице, то в скверике, он в общем-то ни с кем нормально и не разговаривал.

Ивана Александровича Эпельфельд просил об одном — помочь уехать, тем более что на него где-то в недрах Лубянки уже лежал правительственный вызов из Израиля, и он об этом был извещен. Иван Александрович тянул и требовал постановление домкома. Он сказал Ивану Александровичу, что все едино от них убежит. Но через три дня его снова арестовали и быстренько сунули два года за «нарушение административного надзора».

В 1978-м в учреждение под Луганском вдруг свалилась из областного управления культуры какая-то испуганная выпускница консерватории — знакомиться с достижениями в этой важной сфере жизни полосатых обитателей колонии особого режима. Все здесь наводило ужас и тоску на юную посланницу муз, но когда один полосатый, держа трубу изуродованной правой и нажимая на клапаны не кончиками пальцев за отсутствием таковых, а средними фалангами, заиграл Сент-Луи-блюз, очкастенькая унеслась и забыла, куда она попала по прихоти своей профессии.

О-о, труба, золотая труба! Потом она улучила минуту, подошла к нему, посмотрела болезненно: «Э... Послушайте! Разве ваше место здесь?» — «А я и не здесь,— усмехнулся заключенный.— Сердце-то мое знаете где? Сердце мое в Палестине...»

Самого же его запустили по украинским общеуголовным лагерям особого режима: Луганск — Ровно — Житомир — Сумы — Винница — Сумы — Ровно — Житомир... И чего бы он там ни откалывал, каких бы новых статей ни хватал, открытых процессов ему не давали, из круга не выпускали, он обессиливал здесь, все больше теряя связи. Более или менее стабильная переписка сохранялась у него только с Мариной Румшиской, неизменной участницей всех тайных и явных комитетов и фондов в поддержку заключенных.

В 1983 году Эпельфельд во второй раз за свою почти четвертьвековую тюремную историю на несколько месяцев оказался на свободе, но счастья здесь не обрел. Он уже отвык от свободы, пугался троллейбусов. Папа с мамой умерли в один месяц, не дотянув до свидания с сыном совсем чуть-чуть. Квартира оказалась разграблена, там жили уже совсем чужие люди. Идти за помощью к уголовникам не хотелось.

Он рванул ночью через пустыри, прыгнул в электричку на станции Харьков-Сортировочная, добрался до Белгорода, там впритирку ввинтился в тамбур пассажирского Тбилиси — Ленинград и добрался до Москвы. А Марина Румшиская жила как раз неподалеку от трех вокзалов. Идея Эпельфельда состояла в том, чтобы с помощью москвичей договориться о приглашении его в посольство США, напомнив, что лично президент Джимми Картер приводил его фамилию в списке политзаключенных, за которых ходатайствовал еще перед покойным генсеком Леонидом Брежневым: а там — войти и не выйти.

Но что-то у них не получалось. В кругах московских диссидентов, еще остающихся на свободе и в СССР, неожиданный приезд темной лошадки Эпельфельда произвел какую-то дестабилизацию: времена стояли крутые — андроповщина, все просвечивалось насквозь, и места для него здесь не находилось. Румшиская дала ему денег из фонда и купила билет на Харьков.

Вскоре в Харькове его арестовали за кражу, которую он, по его словам, не совершал. Этот приговор, по которому Эпельфельд, впрочем, полностью рассчитался, я внимательно смотрел. У меня есть в отношении него некоторые сомнения. Не вдаваясь в юридические тонкости: для того чтобы «политику» и бывалому зеку, чувствовавшему за собой откровенное наблюдение КГБ, пойти еще и на банальную, легко раскрываемую кражу (в кругу знакомых, сумма ущерба в пределах двух тысяч), он должен был просто спятить. А он не сумасшедший, Эпельфельд.

* * *

Как бы то ни было, в 1983-м он опять, уже до сегодняшнего дня, канул в замкнутый круг: Ровно — Сумы — Житомир — Винница. Как на дно, и даже пузыри его воплей оттуда уже не поднимались, пока здесь, на поверхности, происходили такие события: перестройка, отмена «политических» статей, помилования, эмиграция, репатриация, встречи и проводы, выборы, РУХ, крушение несокрушимых идеологических догматов... Для тех, кто оказался на свободе, время рванулось вперед, как пленная река, прорвавшая наконец ненавистную плотину. Но в тюрьме оно все так же сочится по капле, отмериваемое шагами вечного вертухая. Это же не Бастилия, Винницкая тюрьма, и никакой РУХ ее брать не собирается.

Нельзя сказать, чтобы Эпельфельд в меру своих возможностей не отреагировал на перестройку. Например, под Сумами доярки, спешащие чуть свет на работу вдоль забора ИТК-56, стали находить листовки «антисоветского» (естественно!) содержания. Лагерный «кум» ни минуты не сомневался, чья это работа, но вот как эта дрянь перелетала через два забора с предзонником, оставалось непостижимым.

Но в конце концов, разумеется, не такая уж это неразрешимая задача для ЧК. Пришлось Эпельфельду колоться и рассказывать даже и не без некоторой доли торжества, скалясь и показывая дырки на месте выбитых еще двенадцать лет назад во Владимирской «крытке» зубов, что же это за новое слово в древнем искусстве сообщения тюрьмы с волей.

Оказывается, он дрессировал в зоне голубей, прикармливая птицу мира скудным зековским пайком. В подходящий момент ночи злоумышленник цапал спящего голубя и привязывал ему к лапке очередную порцию антисоветчины с помощью секретной хитрой петли с длинной-предлинной ниткой. Снаряженная таким образом птица изо всех сил зашвыривалась за забор. Голубь раскрывал в темноте крылья и, поскольку надо же было ему куда-то лететь, летел на огни колхозной фермы, разматывая нитку и неся свой идеологический груз. Рассчитав время в полете, Эпельфельд дергал за нитку, секретная петля соскальзывала, нитка сматывалась обратно за забор, а белые листовки, плавно кружась в ночи, планировали в заданном квадрате где-то в окрестностях скотного двора.

За это цирковое изобретение ему выписали какой уже по счету год одиночки, ближе к концу которого Эпельфельда в ИТК-56 посетила целая делегация важных гэбистов, вытащили его, посадили посередине и стали странные вопросы задавать:

«А скажи нам, осужденный Эпельфельд, вот, представим, завтра мы тебя отсюда выпустим — что ты будешь делать?» — «А вам-то что за дело?» — «Нет, скажи: наверное, сразу за границу уедешь, осуществишь свою давнюю мечту относительно исторической Родины?» — «Хрен вам! — вдруг озлясь, отвечал комиссии осужденный.— Это я раньше насчет исторической Родины. А теперь у вас тут перестройка, я знаю из газет, и я никуда не поеду, пока все про вас народу не расскажу».— «Ладно, тогда считай, что мы пошутили»...

Эту сцену я воспроизвожу, естественно, со слов Эпельфельда, не имея возможности проверить их достоверность. Но выглядит правдоподобно, если учесть, что статьи УК УССР, которыми пестрит его тюремная биография, были вскоре отменены. Вслед за тем Эпельфельд был в смысле политическом полностью реабилитирован, о чем получил в тюрьме уведомление, а осталась на нем висеть одна — злостное неповиновение администрации. Это еще на фоне тех, ныне не существующих статей, он в 1985 году когото куда-то послал.

Значит, комиссия поблагодарила Эпельфельда и отправила обратно в камеру, а один, который еще раньше к нему неплохо относился, оставшись с глазу на глаз, сказал: «Эй ты, еврейский партизан! Сказал бы, что за границу уедешь, тебя бы и вправду выпустили — кому ты здесь нужен? Сейчас всех вас таких отпускают. А ты, вишь, революцию собираешься устраивать. Ну так и сиди, статей-то хватит...» — «Эх, мать-перемать, Советская власть!» — «Все, молчать! Руки за спину! Вперед!»...

* * *

Душа, конечно, парит еще вольнее и беспрепятственнее голубя, но она бессильна и на вершок сдвинуть тело человеческое — тело остается в тюрьме.

Упустив в 1988 году свой исторический шанс выйти на свободу, Эпельфельд, естественно, расстроился, забузил, опять принялся не то за листовки, не то за письма очередному президенту США (два любимых жанра его тюремного творчества) и был отправлен на три года в Винницкую тюрьму как нарушитель режима.

Здесь мы с ним и встретились, и проговорили два дня кряду после полугодовой переписки — в отличие от президента США в газету письма проходили. Но, как оказалось, я не был его первым посетителем.

По словам Эпельфельда, только за последнее время, уже в тюрьме, к нему трижды приезжали солидные гэбисты из Киева. Разговор шел в открытую: «Эпельфельд! Ты много знаешь, и мы знаем, что ты это знаешь. Пиши! Мы можем прислать тебе корреспондента и гарантируем, что через неделю все будет в газетах. Тебе же выйдут такие-то и такие-то поблажки. Пиши!» — «Да что ж писать? — усмехался в ответ заключенный.— Вы же и сами все знаете не хуже, вот и пишите...»

Они-то, конечно, знают, агентурные донесения хранятся в совершенно секретных папках где-то буквально под рукой. Знать-то знают, но не могут «реализовать» богатейший компромат от собственного имени, не будет ему никакой веры и цены. Точнее вера была бы, если полностью опубликовать факсимильные документы с подписями, но это означало бы завалить агентуру, которая и сегодня, должно быть, не бездействует.

По-видимому, в данный исторический момент их интересуют более всего украинские националисты, многие из которых сегодня оказались внутри и даже во главе выборных Советов народных депутатов на Украине, но и другие тоже... Эта информация, вываленная неразобранной кучей, могла бы дискредитировать в глазах общественного мнения все диссидентское движение, во многом породившее нынешнее демократическое, некоторыми фактами взаимных подлостей и сотрудничества с КГБ. Лучше и не надо — контора ведь не заблуждается относительно своей-то репутации среди рядовых избирателей.

Во время разговора в тюрьме с Эпельфельдом, особенно по истории мордовских лагерей, меня не оставляло ощущение, что в комнате постоянно находится невидимый третий. Я не имею в виду спрятанный микрофон, хотя и не исключаю этого, но от него тут толку мало: фонозапись в руках КГБ ничего не прибавляет без публичного подтверждения рассказчиком.

На сотрудничество со специально командированными конторой журналистами Эпельфельд не подписался, грубую подставку вычислит, ибо хитер, многоопытен и следит за прессой. А что если ненавязчиво дать ему «зеленую улицу» для переписки и встреч с журналистом, на которого он так или иначе выйдет сам? Заварить такую кашу в демократической прессе — вот это была бы блестящая, просто образцовая комбинация!

Что ж, эта моральная дилемма так или иначе встанет, надо будет решать, что делать со списками агентуры КГБ в диссидентском движении, которые рано или поздно станут нам доступны. Может быть, опубликовать, как пытаются это сделать сейчас в Чехословакии, а может быть, лучше уж сразу в печку, не открывая?

«Платон мне друг, но истина дороже»? Но: «Что есть истина?» — вопрос, на который Иисус Христос, согласно Евангелию, на последнем земном суде у Понтия Пилата так ничего и не ответил.

Диссиденты были декабристами нашего времени, сознательно взвалившими на себя крест советской каторги за весь бессловесный народ, поднявшие неугасимую свечу истины и свободы во мраке лжи и мертвящего тоталитаризма. Их память священна, но, различая отдельные лица, мы должны знать, что наряду с бесконечно честными и святыми людьми были здесь и свои азефы, и свои малиновские, были конъюнктурщики своего рода, а были и просто не выдержавшие тяжкой неравной борьбы с сытым, улыбающимся котом бывшего пятого управления КГБ.

Захотят ли они сводить счеты келейно или публично, или предпочтут объявить друг другу полную и безоговорочную амнистию — это их дело. Нам ли их судить? Ведь мы не выходили на площадь и не ехали потом спецэтапами в Потьму. Мы в лучшем случае сочувствовали, но спали-то в своих постелях. Нас не мучили иезуитскими допросами, не выбивали сапогами зубы, не морили в карцерах, не обливали помоями с газетных полос, не стравливали, как собак, на потеху и не бесчестили друг перед другом. Какое же мы имеем право их судить?

* * *

Вернувшись из Винницы, я сразу же позвонил Марине Румшиской, с которой доводилось сотрудничать, и спросил, знакомо ли ей имя Эпельфельда. «Эпельфельд? А как же! Он на меня донос написал в 1984 году».— «Здесь

не может быть ошибки?» — спросил я.— «Какая ошибка, когда я его своими глазами читала в КГБ!..»

Грустно разрушать образ. Неужели он действительно сломался на каком-то из кругов своего бесконечного ада? Не потому ли его все забыли, или потому, что его все забыли, он и не выдержал? Или все-таки выдержал, но стал жертвой очередной умелой провокации КГБ? Все эти вопросы остаются пока без ответа.

Сегодня можно говорить уверенно лишь об одном: Ростислав Эпельфельд сидит несправедливо, практически незаконно, по приговору, который просто нелеп и сегодня антиисторичен. Следовательно, мы должны приложить все усилия, чтобы он вышел на свободу немедленно. Во всяком случае, раньше в диссидентском движении это понималось так: первым делом спаси и помоги...

Но оно, увы, распалось. Чего не мог добиться КГБ, то довершили несколько лет относительной свободы слова и относительной свободы эмиграции. Исчерпав объект, субъекты разбрелись по планете, почти каждый нашел в этой жизни какую-то свою полочку с персональным компьютером, что заслуженно. А тут, словно из забытого кошмара, беззубый лагерный Эпельфельд: здрасьте вам!

Последний из могикан. Разумеется, далеко не самый важный из могикан и не самый заслуженный, но уж, вероятно, действительно последний. Во имя памяти движения, во имя его незапятнанных белых одежд ему обязаны протянуть руку.

* * *

Какова же была главная мелодия, тема его жизни? Ну, играл себе человек на трубе. Любил свободу и хотел уехать в Израиль — собственно, он отождествлял их в своем представлении, ведь каждый из нас видит свободу каким-то овеществленным символом, трудно представить ее ненаполненной, саму по себе, хотя, наверное, свобода как таковая и есть высшая ценность и самоцель. Любовь к свободе, однако, завела его вместо Израиля вон куда...

Наверное, есть маленькая свобода и есть большая. Маленькая — физическая и земная: она в том, чтобы не ловить журавля в небе, не хотеть слишком многого, а держать синицу в руке — спать в своей постели со своей женой, стоять в очереди за капустой и солить ее на балконе, ходить на службу, потому что нужно, и в кино, потому что хочется. Вроде бы больше делать нечего. И привычно, мелко врать по необходимости, без вдохновения, ежедневно оплачивая эту маленькую свободу кусочком собственной совести, пока не скормишь своей синице весь батон.

Но есть также свобода большая — это свобода духа. Она прежде всего не выносит лжи, абсолютно несовместима с ней. Она также не для себя, но для всех. Человек, возлюбивший большую свободу, готов за право дышать ею жертвовать своей маленькой, лишь бы не платить враньем. И в условиях, когда ложь тотальна и всепроникающа, большая свобода закономерно приводит в тюрьму. Но так не должно быть. И так в конечном счете не будет.

* * *

Моему воображению рисуется почему-то странная картина. Где-то на углу близ всем известного Харьковского вокзала, а может быть, в Нью-Йорке на знаменитой Брайтон-Бич, а может, и в Тель-Авиве (вот Тель-Авив я, к сожалению, совсем не знаю) как попало одетый человек со слезящимися от света голубыми глазами, с черной челкой, прикрывающей неразборчивые чернильные иероглифы на лбу бросает на тротуар шляпу и правой изуродованной клешней поднимает к бледным губам сверкающую трубу. Уносится блюз к небесам Палестины, простирающимся ведь и над Харьковом тоже, позвякивают в шляпе монетки. О-о, труба, золотая труба!

РАССТРЕЛЯНЫ НА РАССВЕТЕ

Георгий РОЖНОВ

Фото Владимира МАШАТИНА

Стреляли в затылок — каждому из восьмерых. Убивали всех сразу: Мустейкиса и Орлавичюса — охранников таможни, Казлаускаса и Янониса — инспекторов патрульно-дорожной службы, Юозакаса и Балавакаса — полицейских особого отряда «Арас» («Серые береты»), Шярнаса и Рабавичюса — таможенников. Самому младшему — 21 год, самому старшему — 42. На расстрел израсходовали 17 патронов автомата Калашникова — умельцы. Ни следов от подошв, ни «пальчиков» — профессионалы. Стреляя, не промахнулись ни разу, от ствола до жертвы расстояние с ладонь. Всех восьмерых сначала уложили на пол, руки за голову, одного из них мы потом в такой позе видели на экране телевизора.

Время преступления — 31 июля, 4.45 утра, рассвет. Место — таможенный пост Мядининкай, граница Литвы и Белоруссии.

Кто?

В версиях недостатка нет, все они сродни мнению главы литовского парламента Ландсбергиса: либо ОМОН, либо советские военные, либо мафия. ОМОН такие домыслы отвергает, армия протестует, мафия молчит. Однозначность вердикта в начальный период следствия и недопустима, и опасна, хотя литовцев понять можно. Им памятен и танковый штурм Вильнюса в январе, и набеги ОМОНа на таможни в июне — июле и, уж конечно, оккупация телефонной станции. Да и почерк убийц в Мядининкае похож — Макутынович со своими головорезами тоже обожал укладывать таможенников либо на пол, либо на асфальт, насмотрелись из репортажей «секунд».

Невзоров, кстати, не пожалел своего отпуска и 2 августа явился на экране со своей версией. Я записал репортерское ясновидение дословно: «Весь этот кошмар на литовско-белорусской границе является провокацией заинтересованной во всесоюзном и всемирном скандале стороны. Если существует версия, что это дело рук ОМОНа, такое же право имеет версия, что это дело рук департамента охраны края».

Знаете, а это не ново — нас ведь уже официально уверяли, что и в Тбилиси, и в том же Вильнюсе погибшие едва ли не сами себя поубивали. Отчего же не невозможно, исходя из той же логики, чтобы литовский департамент перестрелял литовских же таможенников и полицейских?

И все же будем уважать закон и постережемся без следствия и суда угадывать конкретные адреса убийц. Важно другое. Во-первых — абсолютная предсказуемость нового витка террора в Балтии. «Огонек» в самое последнее время дважды — в 27-м и 29-м номерах — недвусмысленно предупреждал: круговая порука, связывающая национал-коммунистов Прибалтики с вооруженными отрядами КПСС (армия, МВД, КГБ), непременно приведет к новому усилению напряженности и в этом регионе, и в стране. Во-вторых — провокации планомерно приурочиваются к наиболее важным для Горбачева событиям. Первые литовские таможни заполыхали в честь нобелевской лекции Президента, телефонная станция Вильнюса захвачена сразу после его визита в Лондон, расстрел в Мядининкае совпал со встречей лидеров США и СССР. Реакционная военщина и ортодоксальные партократы держат зло на Президента еще с января, когда не сбылась их надежда на введение в Прибалтике военного положения, их откровенную ненависть вызывают и ново-огаревские договоренности, и сближение со странами «семерки» в Лондоне, и явно реформистские устремления генсека на недавнем пленуме коммунистов. А побуждают к новым атакам полнейшая безнаказанность предыдущих, уверенность в своей неуязвимости ни перед КГБ, ни перед МВД. Ни одна вооруженная вылазка ни в Литве, ни в Латвии не стала предметом уголовного преследования, никто из виновников не расстался не только со свободой, но хотя бы с погонами и должностями — напротив, преуспели в служебном росте. Совершенно очевидно, что такая терпимость властей к явным нарушителям законности более чем вдохновляет и политических авантюристов, и сомкнувшуюся с ними уголовную нечисть. И не так важно, в чьих руках оказывается автомат экстремиста,— важнее, кто помог ему отыскать цель в прорези прицела.

Ну хорошо, пусть органы, которые лишь с большой натяжкой можно назвать правоохранительными, сочли публикации «Огонька» журналистскими фантазиями и не удостоили вниманием предупреждения. А по опубликованному в «Московской правде» выступлению председателя Центрального координационного совета Интердвижения в СССР Лопатина на объединенном пленуме МГК КПСС и его Контрольной комиссии тоже скользнули равнодушным взглядом? Не встревожились, когда услышали: «Здесь принят закон о полиции. Согласно этому закону, практически половина нынешней республиканской милиции будет вынуждена покинуть службу, несмотря на то что Латвия, как Эстония и Литва, находится в числе «передовиков» в области

криминальной. Кончится это очень плохо для них же самих...»? Не попросили оратора разъяснить, **что** он сулит полиции суверенных республик? А вот что им обещано в том случае, если парламент Латвии примет решение о формировании ополчения: «Если же будут предприняты любые шаги по оснащению ополчения оружием и спецсредствами, это вызовет незамедлительные ответные действия. Поэтому пусть не будет для вас неожиданностью, если республика станет в ближайшем будущем одним из очагов обострения обстановки».

Не будем себя успокаивать тем, что Лопатин пугал московских коммунистов грядущими катаклизмами в Латвии,— судя по многословному его титулу, он координирует акции Интерфронта в масштабе всей страны, а уж Прибалтики и подавно. И если обещанный им очаг напряженности возник сперва в Литве, то это уж, полагаю, просто вопрос очередности, всему свое время.

А теперь посмотрим на всю эту ситуацию несколько иначе. То, что насилие и террор угрожают безопасности государства,— очевидно. А раз так, то кому, как не органам государственной безопасности, надлежит не только пресекать, но и упреждать малейшее их проявление? Почему же тогда ни КГБ СССР, ни КГБ Литвы не располагали оперативным прогнозом ни одного из противоправных действий официальной государственной структуры — ОМОНа? Почему многочисленные набеги на таможни и даже на АТС Вильнюса были чуть ли не сюрпризом для Москвы? Что, в частности, сообщали особые отделы КГБ при дивизиях ВВ, которым подчинили молодцов Млынника и Макутыновича? Какие спецдонесения слали центру агенты, которым было поручено присматривать за подпольным комитетом национального спасения? Есть ли у него так же хитро, как он сам, законспирированные низовые организации? Если такие доклады поступали — почему информация, как принято выражаться на Лубянке, не была реализована? И еще одно неплохо бы нам понять: что, во время визита Президента Буша органы КГБ и МВД не несли, как это положено при таких событиях, службу по усиленному варианту? Если несли, то почему так скверно? Почему не они, а постпредство Литвы в Москве еще 12 июля по своим каналам узнало: против ОМОНа Вильнюса готовится провокация, о чем сразу же и сообщило компетентным органам. И вот пожалуйста: 27 июля к КПП Шалочай на «Жигулях» подъехали пятеро неизвестных, уложили таможенников на землю, постращали автоматами, ограбили, подожгли все окрест и скрылись. На следующий день сюда же наведались уже два десятка неизвестных и погром завершили. Могу согласиться — ОМОН здесь был ни при чем, но налетчики прилежно скопировали его почерк и тем самым «подставили» в глазах литовцев. Чем не провокация? А в день, когда затрещали выстрелы в Медининкае, в Вильнюсе громыхнул взрыв у штаба дивизии внутренних войск. Понимаю, все преступления не упредишь, но над этими-то завесу хоть слегка, но приоткрывали же заранее!

Расстрел в Литве осудили президенты Горбачев и Буш, Пуго заявил, что он потрясен, а Крючков вроде бы обещал даже помощь в розыске убийц. Успокоили?..

Третьего августа, когда Вильнюс хоронил семерых погибших, в Москве вышел очередной номер газеты коммунистов «Советская Россия». В ней статья Эдуарда Володина, председателя координационного совета патриотических сил России. Он написал: «В отличие от арабских стран, где революции и перевороты происходят жарким расслабляющим летом, в России эпохальные события совершаются осенью. Не будет исключением и осень 1991 г... И патриотическое движение должно осознать роковое значение наступающей осени».

Если я правильно понял главного патриота, до расстрелов в России — два месяца?

ЭФФЕКТ БОЛЕСЛАВА ПРУСА, ИЛИ ПУТЬ В ДЕБИЛИЗАЦИЮ

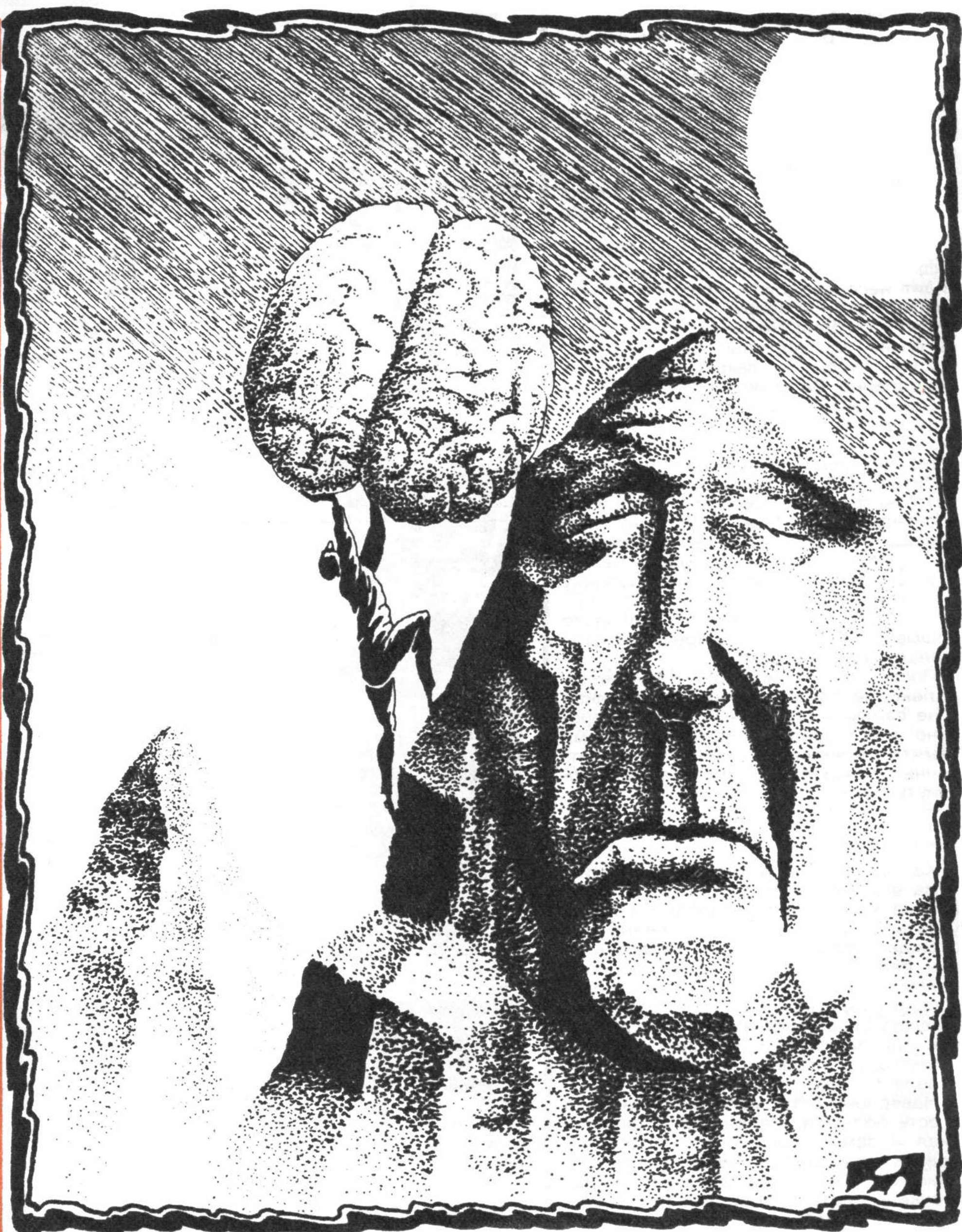

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Леонид САПОЖНИКОВ

После встречи с заведующим кафедрой статистики Московского института народного хозяйства имени Плеханова доктором экономических наук профессором Б. И. Искаковым прошло уже довольно много времени. А я все еще не могу оправиться от шока, вызванного услышанным. Более того, на все то кошмарное, жестокосердное, нелепое, не укладывающееся в рамки нормального сознания, что происходит вокруг нас, я теперь смотрю как бы через призму этой беседы...

Леонид САПОЖНИКОВ. Борис Иванович, когда я узнал, что кафедра, которую вы возглавляете, занимается проблемой дебилов, откровенно скажу, в немалой степени был удивлен. Почему — вы?

Борис ИСКАКОВ. Ну прежде всего не проблемой дебилов, так сказать, в медицинском плане, а проблемой дебилизации общества с точки зрения экономиста-математика и статистика. Мне представляется, что это одна из радикальнейших проблем, терзающих человечество.

Л. С. Наверное, имеет смысл поговорить в первую очередь о том, что происходит в нашей стране.

Б. И. В XX веке на нас наряду с другими несчастьями обрушились две огромные беды: массовый геноцид и катастрофическое ослабление генофонда. Геноцид привел к резкому уменьшению численности населения, а одним из следствий подрыва генофонда стало ускоренное развитие дебилизации.

Существует гениальная работа Д. Менделеева «К познанию России», увидевшая свет в 1905 году. Собственно, это отклик на результаты первой переписи населения России в 1897 году. В книге подняты проблемы, остро вставшие сегодня, в конце столетия.

По расчетам Д. Менделеева, к 2000 году нас должно было стать около 594 миллионов человек. Мы же подойдем к XXI веку с населением немногим более 300 миллионов человек. Грубо говоря, мы ополовинены. В результате «экспериментов» нынешнего столетия страна потеряла каждого второго жителя.

Л. С. Вы имеете в виду «эксперименты» и до Октября 1917 года? Скажем, первую мировую войну?

Б. И. Разумеется, все, что произошло с нами в этом веке. Так вот, мы «подбили» баланс геноцида, имеющего прямое отношение к проблеме дебилизации общества. Выделили прямые формы геноцида: войны и репрессии, то есть физическое уничтожение людей. Далее — сопряженные формы, прежде всего алкогольно-экологический геноцид. Ну и, наконец, косвенные формы: искусственное падение рождаемости по сравнению с естественными темпами роста. Сюда мы относим массовые аборты, выкидыши в результате ослабленности организма женщины и т. д.

Прямые формы геноцида унесли от 80 до 100 миллионов жизней. Здесь, к сожалению, возможна только приближенная оценка. Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, например, приводя цифры потерь советских людей во время Великой Отечественной войны, назвал более 27 миллионов человек. А ведь еще недавно в книгах и с высоких трибун приводились совсем другие цифры. Количество жертв исчислялось 20 миллионами. Видите, как легко «теряются» миллионы?

Есть основания полагать, что цифра 27 миллионов тоже занижена. К июню 1941 года нас было около 198 миллионов человек, а в сентябре 1945 года — около 165 миллионов. Следовательно, к концу второй мировой войны население страны сократилось на 33 миллиона человек. Но вообще-то более корректно было бы сравнивать 1945 год, реальный, послевоенный, с 1945-м мирным, если бы не было войны. Тогда добавляются не рожденные за годы войны младенцы. И общие потери вырастают до 47—50 миллионов. Вся эта история с подсчетами напоминает анекдот. Один шах ввел декрет о том, что дважды два равно семи. Сомневающиеся подлежали смертной казни. Следующий шах смягчил декрет: дважды два — пять. Так не лучше ли сразу назвать истинные цифры потерь, чтобы не уподобляться второму шаху?

Перейдем к сопряженным формам потерь. Алкогольно-экологический геноцид — это более 100 миллионов человек. А косвенные формы, то есть нерожденные младенцы,— 70—80 миллионов человек. Итого — около четверти миллиарда.

Самые значительные потери приходятся на славянские народы СССР — русских, украинцев и белорусов, поскольку они составляют наибольшую и наиболее активную в социально-политическом отношении часть населения.

Л. С. Вы хотите сказать, что выживали и выживают не самые активные?

Б. И. Я поставил бы вопрос иначе. Сохраняют себя более ослабленные,

более осторожные, более приспособляющиеся, более консервативные.

Л. С. Так что же происходит с выжившими? Со всеми нами?

Б. И. Сейчас в Советском Союзе 290 миллионов человек. Из них примерно 130 миллионов — относительно здоровые люди. Остальные — ослабленные. Разумеется, и тут оценки приближенные. Погрешность: плюс-минус 15—20 миллионов. Ослабленная часть населения делится на промежуточных (или пограничных) субъектов — между здоровыми и больными людьми и так называемых маргиналов, к которым относятся больные-хроники плюс люди, перенесшие острое заболевание в течение последнего отчетного года, плюс лица с физическими дефектами.

Л. С. Значит, если я страдаю хроническим насморком, то уже попал в разряд маргиналов?

Б. И. Нет, конечно. Речь идет о серьезных заболеваниях физического и психического характера. Если популярно, то в понятие маргиналов входят люди, страдающие серьезными острыми или хроническими заболеваниями, олигофрены, мутанты и предмутанты.

Л. С. Не убежден, что все наши читатели знают, что такое мутанты.

Б. И. Это наследственно измененные формы организма, отличающиеся от исходного типа каким-либо отклонением, которое появилось вследствие мутации. А мутация — внезапно возникающее естественное или искусственно вызываемое стойкое изменение наследственных структур, ответственных за хранение генетической информации и ее передачу от клетки к клетке и от предка к потомку. Такое объяснение дает словарь.

Л. С. С этим более или менее разобрались. Но почему вы акцентируете внимание на маргиналах?

Б. И. Потому что это предельная ступень в шкале здоровья. По социально-медицинской статистике маргиналы, составляя различную долю населения в разных областях и республиках, в среднем насчитывают до половины общего числа ослабленных людей. Выше я уже говорил, что ослабленных людей в нашей стране примерно 160 миллионов человек. Почти половина из них — 80 миллионов — маргиналы.

Л. С. Другими словами, почти каждый четвертый из нас — маргинал?

Б. И. Да, такие грустные цифры. За всю историю нашей, в основном славяно-тюркской, цивилизации не было столь трагической картины. Мы ставим вопрос о проведении генетической паспортизации населения. Это необходимо сделать, ибо положение очень тревожно. Мною предложена формулировка «Закона трех поколений». Он гласит, что генетический сдвиг нации можно спрессовать в три поколения, в течение жизни которых страна, народ, цивилизация доходят до полной деградации и вырождения.

Вырождение, в том числе дебилизация, происходит по принципу цепной реакции. Математическая формула этого закона примитивно проста. Берем ряд: деды, отцы, дети, внуки, правнуки. Принимаем дедов условно за стопроцентно здоровых людей. Если мы обнаруживаем среди следующего за ними поколения половину здоровых и половину ослабленных, значит, включился зловещий вариант «Закона трех поколений». Условной границей перехода, вернее сказать, более явственного проявления этого закона, является наличие половины ослабленных среди родившихся. За три поколения генофонд подрывается до необратимого состояния.

Л. С. Если я вас правильно понял, за три поколения любому народу можно привить новые физические, психические и т. п. качества?

Б. И. Если очень постараться! Мудрецы всех цивилизаций интуитивно понимали этот закон. Вспомним Библию, Моисея. Он же не сразу повел свой народ на землю обетованную. Этот пример любят приводить, подчеркивая, что Моисей стремился «выдавить рабскую психологию» из своего народа, водя его 40 лет по пустыне. Но я хотел бы со своей колокольни взглянуть на это библейское происшествие. Моисей стремился изменить психофизические качества своего народа. Но почему именно 40 лет? На Ближнем Востоке в условиях жаркого климата совершаются ранние браки. Биопоколение — от ребенка до ребенка — там 12—15 лет. Три поколения — это 40—45 лет. (У нас в условиях более холодного климата, во многом влияющего на демографические традиции народа, биопоколение — это 20—25 лет.) Так вот, Моисей понимал, что за три поколения можно обновить генофонд народа. У нас же за три поколения, кажется, совершается радикальный переход от здоровой нации к больной, от хомо сапиенс — к хомо олигос (ослабленный) и частично — к хомо дебилус.

Л. С. Что отличает здорового, полноценного человека от дебила?

Б. И. Я рискну ответить на этот вопрос, естественно, не с медицинской точки зрения, это не моя сфера деятельности, а с позиции социально-экономической. Итак, что отличает... Прежде всего, наверное, степень ответственности за свой поступок, за свое решение. У дебила эта ответственность резко ослаблена, вернее сказать, чувство ответственности. Мы с вами можем припомнить массу нелепейших решений, постановлений, законов, которые изначально были лишены здравого смысла, но тем не менее принимались, внедрялись в сознание. И, увы, чаще всего «успешно осваивались» миллионами людей. Мы искали причины в некомпетентности и непрофессионализме тех, кто их разрабатывал и принимал. Мы только об одном не задумывались: а не следствие ли это все более и более проникающей в жизнь общества «бациллы дебилизации», изничтожения генофонда нашего народа? И мы продолжаем его уничтожать. Если взять людей в возрасте до 30 лет, оказывается, что среди детей и молодежи в нашей стране примерно 60—70 процентов — ослабленные, а доля маргиналов — 30—35 процентов. Статистические данные по России еще более тревожные. Если говорить о «московской агломерации» (Москва плюс область), то до 70—90 процентов московских детей ослаблены и почти каждый второй — маргинал. Столица доведена до такого положения, когда коренных москвичей пора заносить в Красную книгу. Впрочем, та же картина и с Ленинградом, и с городами Поволжья, и вдоль Уральского хребта, и с сибирскими...

В нескольких российских городах Минздравом СССР и РСФСР, Академией медицинских наук были проведены выборочные проверки. Бригады врачей обследовали ряд предприятий. По некоторым группам болезней — онкология, гинекология и психиатрия — ослабленность работников оказалась предельно высокой, иногда до 100 процентов. Как выяснилось, половина из обследованных — маргиналы.

Л. С. Результаты обследования были опубликованы?

Б. И. Медики не решились опубликовать отчеты в широкой печати и представили их лишь малым тиражом в специальных научных изданиях. Естественно, основная часть населения не знает об этих данных.

Л. С. Слушая вас, невольно начнешь искать связь между хаосом в социально-экономической политике, межнациональных отношениях, экологии, вообще в существовании, недостойном называться человеческим, и тем, о чем вы говорите.

Б. И. Конечно, все взаимосвязано. На мой взгляд, тут имеется два причинно-следственных фактора, практически постоянно меняющихся местами. Образно говоря, гигантский механизм уродливого бытия неумолимо разгоняет маховик генетической ослабленности народа, это приводит к росту «дебильных ошибок» политиков, что, в свою очередь, усиливает распад генофонда. Порочный круг!

Метастазы дебильности начинают незаметно — клетку за клеткой — пожирать организм всех социальных групп общества. Они проникают на производство, в среду учащихся, в армию. Они заползают даже в вузы. Уже есть дебильные студенты. Преподаватели вслух говорят об этой проблеме, а политики, похоже, даже не подозревают, что она существует. Но ведь в этом случае метастазы дебильности неизбежно проникают и в систему управления, формируя деятелей, принимающих дебильные решения.

Но что еще более парадоксально: заражена и наука. И это приводит к замораживанию критичности и самокритичности в научных кругах. Помните, как лапутянская наука спорила о том, с какого конца разбивать яйцо — с острого или тупого? К сожалению, наша наука порою зацикливается на пустых вопросах, не имеющих отношения к тому, что в самом деле необходимо делать. Скажем, идея переброса северных рек. Что это? Узковедомственная корысть? Безусловно. Но в научном-то аспекте она была дебильной глупостью! Ее могло принять лишь дебилизированное руководство страны. Причем речь надо вести о неосознанной, «искренней» дебильности, которая равна искренней слепоте. А создание АЭС на тектонических разломах, у истоков великих рек или возле мегагородов (с числом жителей не менее миллиона человек), что это, как не «дебильный подход»?

Все это — следствие постоянного изничтожения генофонда. Три четверти века уничтожался интеллект вавиловых и флоренских, на их место приходили лысенки и презенты, активно поддерживаемые тоталитарной диктатурой. Ведь легче справиться с генетически ослабленным народом, нежели испытывать сопротивление со стороны высокоорганизованного интеллектуального сообщества свободных людей.

Надеюсь, сейчас мы вступаем в новую эпоху нашей истории. Но и при нормальном развитии потребуется не менее трех поколений, чтобы выправить дело. Волны дебилизации медленно накатывают, но и медленно откатываются. Понятие «дебилизация» следует рассматривать и в буквальном, и в переносном смысле. Одна из причин — алкоголизация населения. Что у нас сейчас есть, если называть вещи своими именами? Спивающаяся страна со спивающимся рабочим классом и совхозно-колхозным крестьянством, с алкозависимым чиновным людом и интеллигенцией навеселе.

А что было вчера? Спившиеся ЦК, Политбюро и Секретариат сталинского, хрущевского, брежневского состава. Об этом я заявляю в своих лекциях. Причем говорю это вовсе не в сатирическом ключе, а в горестно-трагическом.

Л. С. Опираясь на конкретные факты?

Б. И. Судите сами. Спившийся Ворошилов. Алкоголик Андреев. Алкозависимый Сталин. К тому же никотинозависимый. А никотин — это десятая группа наркотиков, то есть речь может идти о наркомане десятой группы.

Хрущевская компания. Начнем с самого. Веселый пьяница, который впадал в недельные загулы в селе Калиновка. Кстати, если вы поднимете центральные газеты начала 60-х годов, «Правду», «Известия», то там немало места отведено восторженному описанию этих недельных поездок Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совмина СССР, а также его вельможной свиты. Это же позор для цивилизованного государства. А мы тогда читали эти газеты с ухмылкой и как бы не понимали, что описывается именно позор.

Или зловещий добряк алкоголик — Генсек — Маршал. И вся его команда — Кириленко, Романов, Чурбанов...

Л. С. Они что, были пьяницами? Ну, к примеру, Романов?

Б. И. Романов возглавлял советскую делегацию на съезде венгерских коммунистов. Так вот, Григорий Васильевич после съезда так загулял, что сразу стал героем всей мировой прессы. Его были вынуждены срочно вывезти из Венгрии.

Поэтому когда я говорю о спившихся деятелях Политбюро, то вовсе не прибегаю к хлесткому образу, а имею в виду конкретные факты и конкретные фамилии. Но если в составе Политбюро ЦК КПСС — правящей партии! — было много алкозависимых людей, то разве нельзя говорить о спившемся «центре управления страной»?

Вернемся снова к «проекту века» — перебросу северных рек в Среднюю Азию и т. д. То, что это дебильная затея, понимали многие здравомыслящие люди. Однако право принимать решение принадлежало не им, а всем этим брежневым, романовым и т. д. А они-то как раз и не понимали, что существуют экологические законы равновесия, которые нельзя нарушать. Из-за переброса рек погибла древняя вавилонская цивилизация. Но, скажем, те же брежневские соратники из-за низкого уровня развития просто не могли понять этого. История человечества, увы, не входила в круг их интересов. Давая, к примеру, добро на проект переброски северных рек, они ведь даже не задумывались над тем, почему Древнему Риму удалось поставить на колени Карфаген, они, как говорится, это в голову не брали...

Л. С. Возможно, нашим читателям будет интересно узнать более подробно эту историю.

Б. И. Когда природа держит неустойчивое экологическое равновесие, то достаточно чуть-чуть сдвинуть с места чашу весов, как высвобождается энергия, превышающая действие тысяч термоядерных бомб. И переворачивается судьба цивилизации. Человеческой энергии хватает на то, чтобы сдвинуть чашу весов, но она оказывается бессильной для восстановления равновесия.

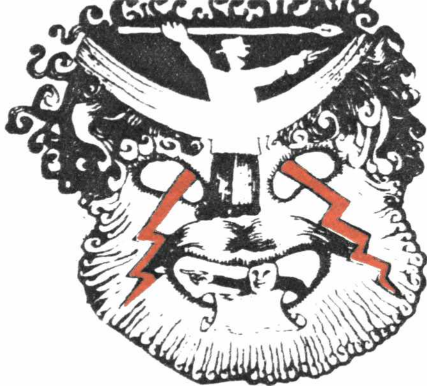
Римский сенат, прекрасно осознавая тайну Карфагена — неустойчивость сверхзасоленных почв,— принял страшное геополитическое решение. Он приказал своему флоту возить соль и засыпать ею самые плодородные земли Карфагена. Тем самым римляне вызвали расширение солончаков, и земледелие Карфагена было подорвано. Он не мог больше кормить армию Ганнибала. И она стала терпеть поражения.

Л. С. Другими словами, поражение было нанесено с помощью экологии?

Б. И. Это и есть знание тайн природы. Того, чего, к сожалению, не знают да и не хотят знать, очевидно, наши политики, распоряжающиеся судьбами миллионов людей. Это я называю эффектом Болеслава Пруса.

Л. С. Что это такое?

Б. И. Вспомним социально-философский роман Болеслава Пруса «Фараон». Сюжет поучительный. В Древнем Египте молодой фараон, только что пришедший к власти, остро осознал необходимость перестройки. Он и его партия стали ее инициаторами. Им противостояла «административно-командная система» всесильных жрецов. В какой-то момент энергичный фараон почти победил. Он держал ключи от победы и ликовал, что перестройка стала необратимой. Но в политике побеждают те социальные силы, которые умеют дальше и точнее просчитывать последствия своих и чужих решений, глубже знают тайны взаимодействия человека, общества, природы и космоса. Там, где дебилоидные политики просчитывают на 2—3 хода вперед, умудренные — на 15—20 ходов, оценивая все возможные варианты событий. Жрецы Древнего Египта знали тайну солнечного затмения, время его наступления, что позволяло им воздействовать на сознание неграмотных, фанатически настроенных, обездоленных людей, держать их в страхе перед карой небесной. Увы, тайны солнечного затмения не знал фараон, что блестяще использовали жрецы, повергнув его ниц в глазах десятков тысяч людей. И люди отвернулись от фараона, не пошли за ним.

Леонид СЕРГЕЕВ

КРАТЧАЙШИЙ КУРС ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

По мотивам нашумевшей картины.

Может, быль, а может, небыль...
Кто-то был, а кто-то не был —
Нечего тужить!
Жили-были — не тужили,
А тужили — тоже жили,
Дальше будем жить...
Эта странная картина —
Разных судеб паутина —
Нас связала воедино
В исторический сюжет,
В глубине картинной рамы
И комедии, и драмы
Составляют панораму
Пролетевших мимо лет.
Профиль вещего Олега,
Что обидел печенегов
Так, что нынче печенегов
Не найти и днем с огнем...
Красно Солнышко Владимир,
Публицист известный Пимен
С изумленными родными
Залезают в водоем.
Чингисхан с Батыем-ханом
Под Мамаевым курганом
Мечут стрелы неустанно,
Чтоб Царицын захватить.
Александр, он же Невский,
Взяв трофейный меч немецкий,
Приглашает по-соседски
Всех на озеро сходить...
Иоанн, простите, Грозный
Над сыночком стонет слезно,
Вызвал «Скорую», но поздно:
Стукнул очень хорошо.
Петр Первый, Катерина,
Катеринина малина,
Гений из простолюдинов,
Что пешком в Москву пришел.
Знаменитый граф Суворов
Пугачева лупит, вора,
Павел Первый пляшет споро
С Аракчеевым канкан,
Александр, он же Первый,
Корсиканец — парень скверный,
Лошадей пустил в консервы
Для российских партизан.
Александр Сергеич Пушкин
После давешней пирушки
Молит няню: «Где же кружка?
Сердцу будет веселей!»
Декабристы, сонный Герцен,
Пьет Мусоргский водку с перцем,
Пишет Глинка рашен скерцо,
А Чайковский — лебедей.
Портретист Христа Иванов,
Неродившийся Ульянов,
Неродившийся Романов
(Но не тот, что был в ЦК...).
Групповой портрет дворянства,
Групповой портрет крестьянства,
Ликование и пьянство,
И конец крепостникам.
Станиславский кроет М'х'АТОМ,
Режет Сеченов, анатом,
Идет к Репину в Пенаты
Чехов Павлович Антон...
Косоглазие не в моде,
Под волну «Варяг» уходит,
Возмущение в народе.
Воскресенье. Поп Гапон.
Первый опыт неудачен.
Кайзер. Царь. В Разливе дача.
Гришку невский лед не спрячет,
Отречение царя.
Кто вверху — уже не может,
А внизу желанье гложет,
Вместо лиц повсюду рожи...
Здравствуй, ре-во-лю-ция!
«Поидоша брат на брата»...
Железняк-матрос с гранатой,
Маяковского плакаты
И портреты Колчака.
Во дворце сидит Ульянов,
На штыке сидит Романов.
Пушки — форте, музы — пьяно,
И ночей не спит ЧК.
Торжествующая злоба —
На коня садится Коба.
Повсеместно чидаоба
Начинает бить лапту.
Косяком враги народа,
Первый план — в четыре года.
Братство, Равенство, Свобода —
Красной строчкой по холсту...

«Ваффе» Киев разбомбило.
Мясо фронта, жилы тыла.
Кровь: Буденный, Ворошилов,
Мясорубка под Орлом.
Маршал Жуков. Наступленье.
Левитан. Конец мученьям!
И победа. Не уменьем,
А огромнейшим числом.
Сталин отдал Богу душу —
Все валите на Лаврушу!
Затыкайте крепче уши:
Ходят танки у Кремля.
Съезд Двадцатый. Развенчанье.
Всенародное кричанье.
Всенародное гулянье
В кукурузные поля.
Лысый туфлей бьет по тумбе.
Килотонная на Кубе.
Первомай — знамена, трубы,
Третьим залпом сбит «У-2».
Возвратившийся Гагарин,
Окуджава популярен.
Вроде оттепель в разгаре,
Но уже едва-едва...
Шепелявый бровеносец
Пуда два медалей носит.
Но все просит, просит, просит,
Чтоб за бой и чтоб за труд...
Бьем китайцев на границе.
За флажками Солженицын,
А в глубинку из столицы
Академика везут.
В Праге время по-московски,
За глухим забором Бродский,
Надрывается Высоцкий:
«Нет, ребята, все не так!»
Демократия в сортире,
Брови в маршальском мундире.
Всюду лозунги о мире —
Над Кабулом красный флаг.
Похоронный марш Шопена.
На трибуне перемена.
И еще одна замена —
И опять звучит Шопен.
Началось лихое время.
Кто из бывших? Сразу в темя!
Молодое волчье племя
Из все тех же старых стен.
Коммунисты, демократы,
Христиане, технократы,
Сокращенцы аппарата —
Вся страна сошла с ума...
Президентство Горбачева,
Твердолобость Лигачева,
Павлов в образе Рыжкова
И 600 секунд дерьма...
Что же было? Что же будет?
Кто осудит? Кто рассудит?
Кто запомнит? Кто забудет?
Кто какой оставит след?
Эта странная картина —
Разных судеб паутина —
Нас связала воедино
В исторический сюжет...

Рисунки Виктора КОВАЛЯ

Дмитрий ХРАПОВИЦКИЙ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ ПО ИСТОРИИ СССР

* * *

Петров любил вождя. Обкудахтался весь:

— Вождь — хорош!

И детей учил тому же.

А дети говорили:

— Папа! Па-па!

И гладили его по коленям.

* * *

Сталин был Ленин нового типа.

* * *

В ходе плюрализма Иванов, ну демократ-то заядлый, выпил вина и начал брататься.

Братался-братался. Братался-братался. Чувствует — хватит, устал.

А что-то не дает: братается и братается.

Что за напасть! Его уже тошнит, а приходится. Просто нелепо: уже и перестройка кончилась, гласность, ясность прошла, видимости никакой, да и слышимость на исходе. А Иванов все братается.

Вот что значит испугать человека!

НАША ЛЕНИНИАДА

Анатолий КОНТУШ
Юрий СЫЧЕВ

Мы как-то задумались: и почему это у нас в стране постоянно не хватает стройматериалов? И поняли, что во всем виновата любовь. Любовь к вождю. Конечно, любовь — вещь нематериальная. Она существует в душе. Но чтобы обессмертить это душевное чувство, его, как известно, надо отлить и дать приличное содержание. Что и выразилось в сооружении огромного количества памятников... Но сколько же их все-таки на самом деле?..

И вот нам на глаза попался документ...

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИГАДЫ КАМЕНЩИКОВ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ

За более чем 60-летний период существования бригады ею было сооружено 57 тысяч 243 памятника В. И. Ленину. Из них памятников собственно Ленину 57 тысяч двести сорок штук, 2 памятника Миклухо-Маклаю и 1 памятник Джавахарлалу Неру.

Более 50% всех сооруженных памятников расположено на центральных площадях городов и сел, 23% — в парках и скверах, 6% — на улицах, в переулках и тупиках, 4% — на проезжей части дорог республиканского значения, 2% — на горных вершинах, в болотах и других труднодоступных местах и 1 памятник — на острове Кунашир в кратере действующего вулкана Тятя.

В большинстве случаев Владимир Ильич изображен стоящим в полный рост. Однако наряду с этим имеются и скульптуры, изображающие Ленина сидящим за письменным столом, лежащим в засаде у Путиловского завода, скачущим во весь опор на заседание Малого Совнаркома, надевающим противогаз на Клару Цеткин во время учения по гражданской обороне, и даже памятник Ленину, раздирающему пасть Троцкому.

Композиционно памятники выполнены следующим образом: 70% — просто Ленин, 13% — Ленин в окружении питерских рабочих, 6% — Ленин в окружении тамбовских крестьян, 5% — Ленин выходит из окружения под Харьковом, 3% — Ленин подсказывает Горькому идею повести «Старуха Изергиль», 2% — Ленин помогает Айвазовскому закончить картину «Девятый вал», 1% — Ленин указывает Дмитрию Донскому направление главного удара во время Куликовской битвы. Сооружение памятников производилось с учетом национальных, культурных и климатических особенностей региона возведения. В результате чего: 83% монументов изображают Ильича в тройке, картузе и башмаках, со свежим номером «Правды», 7% — в полушубке, ушанке и унтах, с двухстволкой, 5% — в зипуне, треухе и онучах с рогатиной, 3% — в халате, тюбетейке и сандалиях, с ятаганом, верхом на ишаке, 0,3% — в плавках, панамке, солнцезащитных очках и шлепанцах на босу ногу, с ружьем для подводной охоты.

Таким образом, в результате деятельности бригады образ Ильича оказался увековеченным в нашей стране со средней плотностью 0,2 экз. вождя на гектар. В этой связи бригада просит разрешить ей выйти на международную арену и выделить средства для возведения памятников дорогому Ильичу на главных площадях столиц стран блока НАТО...

«ТЕАТР ЭСТРАДЫ»

А. СИВИЦКИЙ,
Ю. ТИМЯНСКИЙ

ЧАСТУШКИ, записанные во время фольклорных экспедиций в Подлондонье, Подпарижье, Подмадридье и Подримье

Попросил у сэра сэр:
«Одолжите несессер!»
Сэр ответил: «Не могу!
Сам по котелок в долгу!»

Обратился к бою бой:
«Оба бои мы с тобой,
Так зачем же бою с боем
Заниматься мордобоем?»

Мне водитель говорит:
«Не поеду на Флит-стрит,
Я работаю с утра!
Мне уже в Гайд-парк пора!»

Как у милого вчера
Прохудились труйзера,
Милый унывать не стал,
Лейблом дырку залатал.

В синема народ вздыхает,
«О ля-ля! — ворчит сосед.
Ля комедиа плохая,
А финиты нет и нет!»

Поздно вечером маэстро
Брел по Риму без оркестра,
Подошел к нему дуэт:
«Будешь трио или нет?»

Ночевал не дома дон —
Не пустила донна в дом,
Так как чем-то из бидона
Напоили доны дона.

Донна — жена дона, доны — собутыльники дона, бидон — посуда *(испан.)*.

* * *

Ночью в три часа звонок по телефону. Заспанный голос:

— Алло?

— Скажите, это телефон 2-29-33?

— Вы что, с ума сошли? У меня вообще нет телефона.

* * *

В автомобильный магазин заходит восточного вида человек и спрашивает сидящего за прилавком продавца:

— Скажи, машины в продаже есть?

— Есть.

— И что, можно вот сейчас купить «Волгу»?

— Можно купить.

— А можно «Москвич»?

— Можно «Москвич».

— А «девятку» белого цвета?

— Пожалуйста.

— Слушай, что ты из меня дурака делаешь?

— Так ты первый начал.

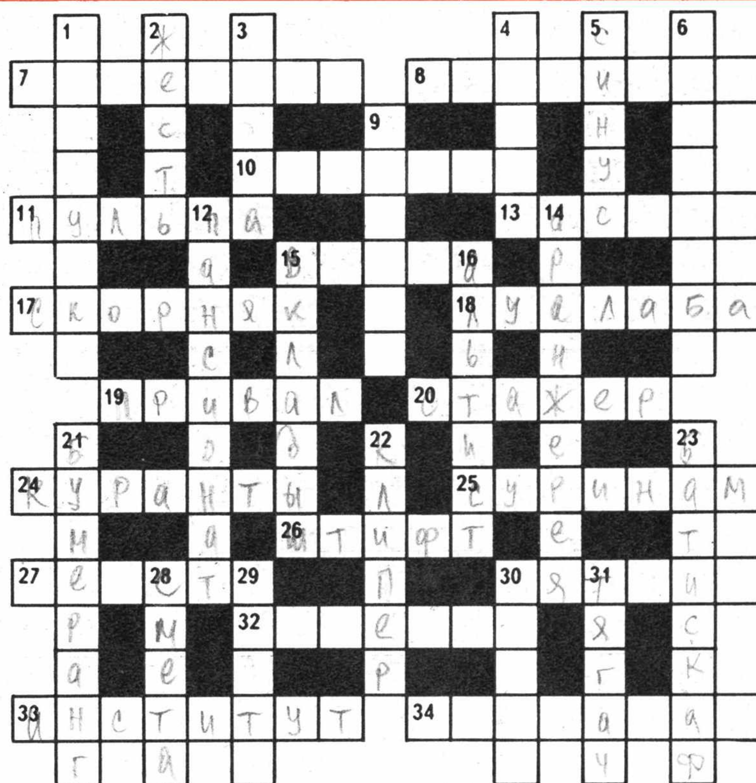
* * *

Один фермер звонит соседу, такому же фермеру:

— Джексон, скажите, ваша лошадь курит?

— Конечно, нет!

— Тогда, значит, ваша конюшня горит.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Храбрость, присутствие духа в опасности. 8. Чутье, тонкое понимание, проницательность. 10. Остров у побережья Эстонии. 11. Смесь тонкоизмельченного полезного ископаемого с водой. 13. Архитектурное украшение в виде носовой части судна. 15. Одна из крупнейших малых планет. 17. Мастер по выделке мехов. 18. Река в Замбии и Заире. 19. Остановка в пути для отдыха. 20. Работник, приобретающий опыт по определенной специальности. 24. Первая русская рукописная газета. 25. Государство на северо-востоке Южной Америки. 26. Стержень для неподвижного соединения деталей. 27. Музыкальный интервал. 30. Кормовой злак. 32. Песня композитора А. Н. Пахмутовой. 33. Высшее учебное заведение. 34. Копье с плоским и длинным наконечником.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приток Амура. 2. Тонкая листовая сталь. 3. Один из героев романа Н. А. Островского «Рожденные бурей». 4. Жидкое лекарство из растений. 5. Тригонометрическая функция. 6. Северо-западный ветер на юге Франции. 9. Типографский шрифт, подобный рукописному. 12. Гостиница для отдыхающих на курортах. 14. Теплица. 15. Сменная деталь подшипников скольжения, втулка. 16. Музыкант, играющий на смычковом или духовом инструменте. 21. Метательная палица серповидной формы. 22. Быстроходное морское парусное судно. 23. Глубоководный самоходный аппарат для океанографических исследований. 28. Исчисление предстоящих доходов и расходов. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Музыкальный лад. 31. Машина для буксирования прицепов, орудий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Дерзание. 8. Вероника. 9. Песочница. 10. «Школа». 12. Скань. 14. Петарда. 16. Порик. 17. Стадо. 18. Покос. 19. Оникс. 24. Афоризм. 25. «Жатва». 27. Триер. 28. Дистанция. 29. Скорпион. 30. Кочетков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Геликон. 2. Рампа. 3. Реторта. 4. Свинарь. 5. Колас. 6. Склянка. 11. «Локомотив». 13. Кондуктор. 14. Природа. 15. Антоним. 20. Графика. 21. Гортань. 22. Бионика. 23. Предлог. 26. Адепт. 27. Тячев.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ? МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб.
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ.
ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат А3 — 31 500—33 000 руб.
Формат А1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат А4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат А4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5»
и «FI» — по 21 500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»). Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06.

1 руб. Индекс 70663